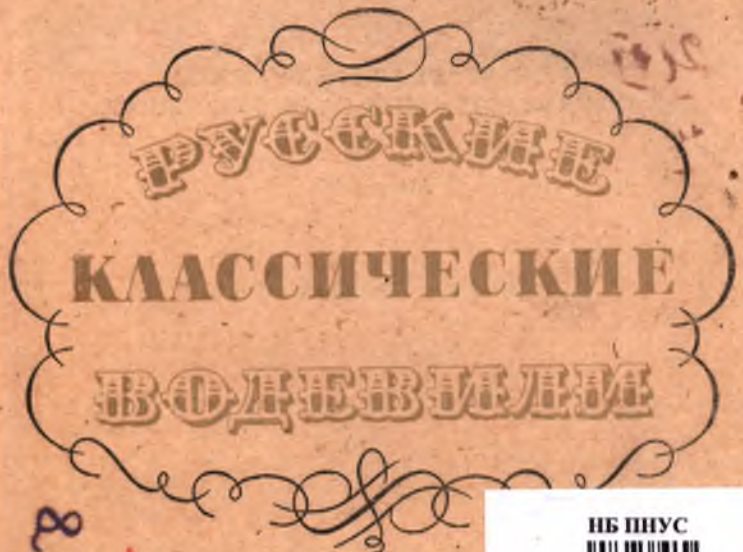

6658

**РУССКИЕ
КЛАССИЧЕСКИЕ
ВОДЕВИЛИ**

**ИСКУССТВО
1945**

Рис
Р88

РУССКИЕ

КЛАССИЧЕСКИЕ

ВОДЯНЫЕ ЦЕЛЫ

2599
X

ИБ ПНУС

6658

Бібл. оубл.
Специального
Редакционного Института
по ~~_____~~ Шер.

4 НОЯ 1945

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСКУССТВО

1945

R

**РЕПЕРТУАРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Выпуск III

**Оформление художника
И. Литвишко**

О ПОСТАНОВКЕ ВОДЕВИЛЯ

(СОВЕТЫ РЕЖИССЕРУ)

Русские классические водевили, помещенные в этом сборнике, были написаны и ставились с большим успехом в театрах России примерно сто лет тому назад. Крупнейшие актеры разыгрывали эти лишенные глубокого содержания, но забавные и театрально-увлекательные сценки.

Целые поколения молодых актеров начинали свою театральную жизнь с исполнения водевильных ролей.

И в наше время постановки водевилей играют большую роль в театрально-педагогической работе. Поэтому есть все основания горячо рекомендовать водевиль нашим самодеятельным кружкам. Не претендуя на серьезное воспитательное значение, водевиль в забавной и насмешливой форме докажет отдельные штрихи жизни и быта далекого прошлого, высмеет в шутовском преувеличении отдельные черточки человеческих характеров и вместе с тем даст возможность зрителю легко и весело провести время представления.

Но чтобы такую легкую пьеску верно и по-настоящему водевильно сыграть, надо отчетливо представить себе своеобразие спектакля этого рода, уловить его шутовской характер.

Водевиль родился во Франции. В нем соединились две струи: профессионального театра и народной уличной песенки. Остроумная комедия положений с характерами чудаковатых действующих лиц,

с веселой путаницей, перемешивающей всех персонажей, с легким, но-французски бойким диалогом стала основой этого жанра; а задорные злободневные строфы уличных куплетов, любовная песенка, народный танец вдохнули в него живую, трепетную жизнь. Песенки эти почти всегда были шутивы; в форме веселой насмешки касались они различных сторон жизни XVIII—XIX веков — бытовой, общественной, политической.

Все зависело от того, на чью сцену, в чьи руки попадал водевиль.

На подмостках ярмарочного, народного театра, разыгрываемый балажными к народу актерами, водевиль вызывал веселый, не лишенный злобы смех над хозяевами тогдашней жизни в стране. Зритель подхватывал там всем хором куплеты, о которых говорили во дворах, что если народ снова запел водевили, скоро на улицах вырастут баррикады.

В официальном, аристократическом театре водевиль, достигая огромного мастерства и даже изощренности, почти не выходил из атмосферы внешне забавной путаницы, остроумной болтовни, подчеркнута облегченных любовных переживаний.

Ярмарочные комедии-водевили времени первой Французской революции («Ты и вы», «Взятие Парижа», «Король Георг сошел с ума») были классическими для первого рода; Скриб и Лябиш (XIX век) достигли огромного искусства в создании развлекательного водевиля.

Естественно, что в Россию был допущен в первую очередь водевиль развлекательный, но под пером ряда талантливых русских авторов он становился более содержательным, избирал темой своих шуток смешные и уродливые черты тогдашней русской жизни.

Но что бы ни отражал водевиль, он не терял основного в своем характере: высмеивал или просто шутил, он ни в одной сценке не терял своей легкости, театрального озорства, веселых, ярких красок.

В водевиле — все шутка, все игра. Страдает ли и изливает свои жалобы в романсе несчастный, влюбленный, за которого не отдадут замуж любимую девушку ее родители, мы не сочувствуем ему, как

в драме, а улыбаемся. Ведь это водевиль: значит, во-первых, все устроится благополучно, и мы только с любопытством ждем, какие забавные (непреренно забавные) приключения придется ему пережить в отведенные водевилю полчаса; а, во-вторых, и самая жалоба водевильного героя на страдания сердца звучит что-то не очень грустно: слова ее сбиваются на припев комических куплетов, а в музыке трель скрипок слишком несерьезно преувеличивает его страдания, и в тоскливо-любовной мелодии отчетливо слышится шаловливая и задорная фраза польки.

В водевиле все перепутывается. Действующие лица шутят, острят, поют, подтанцовывают. Страницы действительности, превращенные в страницы водевиля, живут пестрой короткой жизнью, только пока не закрылся занавес. Водевильные «тяжелые переживания» у зрителя непременно создадут хорошее настроение.

Письмо попало не в те руки — переломный момент в пьесе. В трагедии Шекспира от этого рушится счастье героев. В драмах Гюго льется кровь и гибнут жизни. В комедии Гоголя городничий с письмом Хлестакова в руках произносит патетический, разоблачающий его монолог. В водевиле же начинается новый ряд веселых и неожиданных положений, и чем страстнее и высокопарнее звучат со сцены слова о чести, об измене, о крушении всех идеалов, тем смешнее нам в зрительном зале. Мы знаем: это — шутка. Голодные художники и поэты из парижских мансард; продавщицы и цветочницы из магазинов (водевиль особенно любит цветочниц: это очень подходящая, изящная профессия для водевиля); крестьяне и крестьянки, конечно, не работающие (ведь труд — не тема водевиля), а отдыхающие от работы, которая где-то там, за кулисами; богатые вдовушки, ведущие сложный судебный процесс при помощи молодых, влюбленных и прекрасно танцующих адвокатов; глуховатые, подследоватые и заикающиеся дядюшки, у которых в кармане наследство для шелопаля-племянника или приданое для неожиданно найденной племянницы; безработные актеры, непременно в финале пьесы получающие ангажемент; девушки, переодетые гусарами, и офицеры, переодетые бабушками, — весь этот игривый рой водевильных персонажей под звуки модной перенки выпорхнул из стен парижских

театров и заполнил собой все европейские сцены, всюду смешал и развлекал, а где-то между слов кидал в зал и острую, зажигающую мысль.

Добрался он и до русской сцены. Сперва его слышали шепечущим на своем родном языке в исполнении петербургской французской труппы; потом он зазвучал «на благородном театре» в исполнении аристократических любительских кружков, где парижский тон и французский язык часто были в большей моде, чем родные язык и нравы; наконец, появился он в русском переводе и на публичной сцене, став достоянием сравнительно широкой публики. Не все радостно приняли «заграничного шалуна». Гоголь сердился на то, что водевильная манера игры и легкий успех в бессодержательных ролях возвращают русского актера, призванного к более высокой деятельности: он до конца своих дней не мог простить актерам Александринского театра, что все они, и особенно прославившийся в водевилях Дюр — исполнитель роли Хлестакова, сыграли по водевильному серьезную комедию «Ревизор» (по одному этому можно понять, что исполнению водевиля присуща совершенно особая, своеобразная манера). Белинский протестовал против пересадки на неподходящую русскую почву явно французского растения, не соответствующего ни свойствам русского языка, ни реалистическим уже в то время устремлениям русского актера. Но эти трезвые голоса тонули в общем хоре радостного восхищения.

Но постепенно французский водевиль, его персонажи были вытеснены с нашей сцены. На смену им пришли подлинно русские персонажи, взятые из русской народной жизни: крестьяне Вани и Малаши, коммерсант Петр Петрович Присыпочка, русский чиновник Разгильдяев, петербургский помещик Ущица, такие родные и актеру и массовому зрителю. Стала создаваться новая разновидность этого жанра — русский бытовой водевиль.

На смену пикантным французским стишкам, которые, пряча лицо в складки кружевного передничка, пела служанка Жанетта:

Ах, для чего

Я его

Ниче увида-ала...

И любовь
В сердце кровь
Тотчас взволновала? ¹

на сцену выходил русский Емеля и шел на родной всему залу мотив:
У тятеньки отпросился
Я в Москву, в отлучку...
Сударыня-барыня,
Пожалуйте ручку! ²

Помещенные в этой книге водевили написаны в сороковых годах прошлого века. Происшествия и анекдоты, составляющие их содержание, как и забавные чудачки, являющиеся их действующими лицами, взяты из русской, главным образом петербургской, среды того времени.

За первую половину XIX века в России почти все писатели, связанные с театром, так или иначе прикоснулись к водевильному творчеству. Сам Пушкин не отказывался сочинять куплеты для водевиля и положительно отзывался о водевилях Д. Ленского. Баснописец И. А. Крылов в молодости написал несколько водевилей. Один из изящнейших русских водевилей «Кто брат, кто сестра?» написан великим автором «Горя от ума», а куплеты к нему написаны им совместно с кн. Вяземским, одним из замечательных поэтов пушкинской эпохи. Н. А. Некрасов (под псевдонимом Перепельского) написал ряд водевилей, в куплетах которых угадывается будущий большой поэт.

А. А. Шаховской, Н. И. Хмельницкий, А. И. Писарев, В. А. Соллогуб, Ф. А. Кони создали много произведений этого жанра, причем некоторые из этих водевилей и в обрисовке действующих лиц, и особенно в куплетных островах были значительными по содержанию, высмеивая отрицательные черты не только быта, но и общественного строя (это особенно чувствуется у Кони и в водевилях молодого Некрасова).

¹ «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», перевод К. Тарновского.

² «Простушка и воспитанная» Д. Т. Ленского.

Талантливые русские композиторы — Кавос, автор «Аскольдовой могилы» А. Н. Верстовский, автор и сейчас любимого слушателем романа «Соловей» Алябьев — сочиняли музыку к этим русским водевилям.

Но больше всего, разумеется, потрудились в этой области сами представители русского театра. Из четырех авторов предлагаемых пьесок трое — работники театра: П. Григорьев, П. Федоров и П. Каратыгин. Последний пользовался огромным успехом и как исполнитель главных ролей в сочиненных им водевилях, например, в «Вицмундире», где он играл Разгильдяева. Несколько томов водевилей перевел и написал московский актер Д. Т. Ленский. Его большой пятиактный водевиль «Лев Гурыч Синичкин», переделанный из французского «Отца дебютантки», так органично отразил жизнь русского провинциального общества и театра, что значительно превосшел в художественном смысле свой оригинал и по справедливости считается классическим произведением русской сцены.

Что же касается актеров, то целые поколения их проявляли в водевиле свое замечательное мастерство. Щепкин, Сосницкий, Мартынов и другие создатели великих образов в серьезном репертуаре с удовольствием играли и пели в водевилях, доставляя радость зрителю своими театральными шутками. Весь Петербург был покорен грациозной Асенковой, игравшей водевильных шалуний, очаровательной в костюме мальчика или юнкера. Знаменитый Самойлов, отличавшийся большим мастерством в изображении различных характеров, использовал водевильные сюжеты для того, чтобы, изменяя себя до неузнаваемости, играть несколько совершенно различных ролей в одной маленькой пьеске. На московской сцене блистал в водевилях Живокини, в своей заразительно-веселой манере игры продолжая традиции народной итальянской комедии, рассыпая целые каскады театральных трюков и неожиданных находок. Замечательный бытовой артист К. А. Варламов уморительно в своей шуточной серьезности играл папашу Мордашова в водевиле «Аз и ферт». Роль немца Фиша в этом водевиле была одной из первых ролей К. С. Станиславского. А старейший русский актер В. Н. Давыдов не только в своем исполнении передавал традиции классической

водевильной игры, но и всюду — на уроках, в печати — горячо рекомендовал не отказываться от этого интересного и своим юмором и своеобразием театральное жанра.

* * *

Из рассказанного видно, что мы имеем дело с особым характером самих пьес, их постановки и игры. А это понять необходимо, потому что у нас даже в профессиональных актерских кругах это недостаточно четко усвоено. Привыкли, например, называть водевидем вообще маленькую одноактную комедию, хотя водевиль может быть и большим, занимая целый спектакль («Лев Гурыч Синичкин», «Петербургские квартиры» Кони и др.). Поэтому часто мы слышим, как к числу водевилей относят «Ночное» Стаховича или «Предложение» Чехова. Но Стахович назвал свою пьесу «летней сценкой», а Чехов — шуткой в одном действии. Как бы ни были забавны и по-своему чудаковаты герои чеховских пьесок, для водевиля они слишком правдоподобны, и надо совсем не иметь вкуса, чтобы представить себе, например, как такие правдивые, словно из жизни выхваченные Иван Васильевич и Наталья Степановна среди своего любовного объяснения запоют под музыку любовный дуэт или затанцуют от радости. Такая шутка будет неостроумной и поэтому невеселой. В «Ночном» же, хотя действующие лица — Иван и Наталья, а в конце сам Михенч — поют и пляшут по ходу пьесы, и все же, что это их пение вызывается не характером пьесы, а ее действительными действиями.

В водевиде все принципиально увеличено: ~~и~~ подробности, и чудаковатые странности его персонажей, и самая своеобразность

Возьмем для примера начало представления в комедии и в водевиде.

Гоголь в «Женитьбе» так описывает открывающуюся зрителю обстановку подколесинской квартиры:

«Комната холостяка. Подколесин один лежит на диване с трубкой». И дальше, в последней сцене картины, Кочкарев объясняет своему другу неприглядность его холостяцкого быта: «Посмотри на свою комнату: ну, что в ней? Вон невычищенный сапог стоит, вон доханка для умыванья, вон целая куча табаку на столе...»

Не правда ли, как естественен этот беспорядок у ленивого человека, живущего с ленивым слугой Степаном?

В каратыгинском водевиле «Вицмундир» описывается та же комната холостяка, но характер хозяина соответствует не серьезной комедии, а водевилю, водевильна поэтому и обстановка:

«Театр представляет порядочную комнату, но в которой все в беспорядке: комод с выдвинутыми ящиками, стол с разбросанными бумагами...» И дальше, сразу по открытии занавеса кухарка Фекла сообщает зрителю, прибирая комнату: «Ни одной штуки нет на своем месте... Вот туфля в комод, а полотенце в сюртуке, фуражка на полу, а сапог на столе...»

Если вы уловили разницу этих двух описаний; если вы поняли, что мы сразу во втором случае попадаем в атмосферу шутовой, не претендующей на полное правдоподобие преувеличенности; если мимо вас не прошла типично водевильная игра слов автора в ремарке, которую никогда не услышит зритель («порядочная комната... в беспорядке»), вы уже начнете прощупывать эту своеобразную, игривую, водевильную манеру.

Представьте еще, что занавес раскрылся не в тишине, а раздвинулся под веселые звуки водевильной польки, что зритель из программы или объявления знает, что сегодня действуют чиновник по фамилии Разгильдяев и экзекутор Григорий Сидорович Мелюзга. Трудно допустить, что все это — и смешные фамилии, и танцевальная музыка — перед раскрытием занавеса, и преувеличенно-юмористический беспорядок чиновничьей комнаты — не вызовет в зрителе особого шутового настроения и не заставит его уже с самого начала судить о том, что будет происходить на сцене по подсказанным автором и режиссером законам. Это настроение некоторой наивности в преувеличении, верное понимание законов водевильного юмора должно пронизать не только самый спектакль, но и всю подготовительную и репетиционную работу, все беседы и занятия руководителя с исполнителями, весь его такой приятный, но не такой легкий, как кажется на первый взгляд, труд по постановке водевильного пустячка. Нелегко же этот труд потому, что всех исполнителей подстерегает большая опасность. Ведь нет ничего легче,

как, поняв преувеличенность этого жанра, пойти по неверному пути: «Раз водевиль не требует точного воспроизведения того, как такие события происходят в жизни, то можно себя распустить и делать все, чтобы только зрителю было смешно», — может подумать постановщик или исполнитель. Всегда, например, смешно, когда важный человек садится мимо стула на пол, или когда на сцене обливают друг друга настоящей водой, или когда исполнитель приклеит нос необыкновенной величины, а на этот нос нацепит несколько пар очков, или когда выйдет человек в черном сапоге на одну ногу и в желтой туфле на другую!

Все это — мало подходящее для серьезной комедии — действительно может быть в отдельных случаях к месту и с успехом использовано в водевиле, но при одном неперемennom условии: если на сцене и в зале создается то настроение наивной и несколько даже поэтической шутовскости, которое составляет самую душу водевильной игры. Не будет этого настроения — и весь спектакль превратится в недостойное кривлянье, в безвкусное и безуспешное желание рассмешить зрителей, которые в конечном счете неизвестно над кем посмеются больше: над водевильными чудаками или над не особенно умными исполнителями этих ролей.

Водевиль всегда представляет собою — в событиях, в речах и в характерах — смешной рассказ от исполнителей к зрительному залу. Значит, играющим во имя самого комического существа представления надо свой смех, свое веселое настроение куда-то спрятать.

Спрятать, но не отказать от него, потому что без него не получится водевиля. Надо не просто смешить, придумывая на репетициях все новые и новые смешные подробности, а так заставить себя поверить во все наивные обстоятельства, предлагаемые несомненно, что уже подробности сами будут возникать.

Один из учителей теперешнего театрального поколения Е. Б. Вахтангов оставил нам такой совет:

«Водевиль надо играть с чистым сердцем!»

Эту фразу нужно практически понимать в том смысле, чтобы именно в маленьком кружке исполнителей водевиля утвердить необходимую наивность. В этом нет ничего мудреного, в этом — весь

комизм водевильной игры, и если только будет уловлено такое настроение с самого начала, то и каждая репетиция станет веселой. А если это — основное — удастся, значит, работа стала на верные рельсы, и тогда уже можно и надевать на нос три пары очков и даже сесть мимо стула. В самом деле, вот, например, Разгильдяев в своей рассеянности, запутавшись во всех свалившихся на его бедную голову хлопотах, доходит до того, что забывает, как его зовут.

— Как бишь моя фамилия? — спрашивает он. (На сцене он — один, в характере водевиля можно обратиться с вопросом прямо к зрительному залу.) — Ну, все равно, поставлю кавычки, — так и не вспомнив, заканчивает он монолог.

Такая рассеянность и забывчивость чиновника явно неправдоподобны. Но весь юмор этого чисто водевильного места заиграет только тогда, если со всей серьезностью, занятый спешным письмом, как об очень нужном спросит он о своей фамилии. Исполнитель рискует при хорошо заданном вопросе, если с зрителем установилась настоящая связь, получить ответ:

— Разгильдяев! — крикнет кто-нибудь из особенно зараженных ходом водевиля зрителей. Но исполнитель не растеряется, а обрадуется неожиданной помощи и, поблагодарив доброжелателя, вместо кавычек подпишет настоящую фамилию.

Юмор водевиля и поведение в этом спектакле исполнителя тем и отличаются, что всерьез прилагаются усилия, расходуется темперамент, разгораются страсти из-за маленьких смешных, анекдотических целей.

Вот, например, Мордашов в водевиле «Аз и ферт». Его странность с точки зрения жизненной правды еще нелепее, чем сверхрассеянность Разгильдяева. Он выбирает такого жениха для своей дочери, имя и фамилия которого соответствовали бы меткам на белье и вензелям на посуде, приготовленным ей в приданое. Что же это за человек? Злодей для своей дочери? Нет, даже самая забота его о приданом показывает, что он не бесчувственный родитель. Тогда круглый дурак? Но он сам говорит, что не пропустил случая, поднакопил кое-что, а только прикидывался пустова-

тым. Но если так, почему же он не сумел сбить это неправильно перемеченное приданое? Все эти вопросы надо отбросить: они уместны в комедии. Мы же сегодня ставим водевиль, мы шутим. Значит, нужно принять на веру это заданное автором положение и со всей серьезностью, со всей горячностью заниматься этим трудным и хлопотливым делом. Мордашов темпераментен и страстен. Это чувствуется в самой его речи, изобилующей превосходными степенями и возвышенными выражениями. И когда неглупый, пожилой человек всем своим существом занят разрешением этой задачи, раскрыть действительно смешное во всем водевиле и в роли Мордашова можно, только отбросив ненужные вопросы, непосредственно и наивно отдавшись этому разрешению. Именно этим жаром в стрельбе из пушек по воробьям и был так уморительно обаятелен Варламов в роли Ивана Андреевича.

Конечно, в жизни не бывает так, чтобы молодой человек в течение получаса объяснялся в любви трем девушкам подряд. Это был бы болтун, враль, которого и в шутку нельзя назвать Дон-Жуаном. Но в водевиле, несмотря на неправдоподобность этого, исполнитель роли Александра должен искренно увлекаться по очереди каждой из своих невест и этим оправдать чисто водевильную характеристику, которую дает ему его папаша:

— Поверите ль, сердце у него такое нежное, только юбку увидит, так и растает; что день, то влюблен — что станешь делать!

Это и надо сыграть на сцене не в переносном, а в прямом смысле: тогда оправдается и водевильный характер шутки и самое ее название — «Беда от нежного сердца».

Особенно важно и трудно соблюсти это условие полнейшей искренности, преувеличенной серьезности в решении шуточной и забавной задачи в водевиле «Дочь русского актера». Исполнительница роли Верочки должна непременно показать, что Верочка понастоящему талантлива. Весь смысл водевиля потеряется, если два ее переодевания — в цыганку и в мальчишку — превратятся только в демонстрацию разных костюмов или даже номеров танца и пения. И поведение цыганки, которая хочет погадать и заработать, и затруднительное положение представляемого ею Фялимона должны

проводиться исполнительницей со всей исполнительской серьезностью. Неопытной исполнительнице это будет очень трудно в обоих больших вступительных номерах. Тогда можно рекомендовать, чтобы она их выполняла одна на пустой сцене, а Ушицу под удобными предложениями на это время удалять со сцены. Когда же она оказывается с ним вдвоем, она занята тем, чтобы как можно лучше обмануть его (его, а не публику), не сбиться с тона и убедить его в отказе от свадьбы.

Наиболее своеобразной особенностью водевильного представления является то, что действие содержит в себе и музыкальные вставки — песенки, куплеты, танцы. Очень часто (и иногда даже неожиданно с жизненной точки зрения) действующие лица начинают петь, признаются в своих переживаниях песенками или куплетами, превращают обычный разговор в вокальный дуэт.

Это одна из самых поэтических и увлекательных черточек водевилья: выбросить из него эти наивные музыкальные вставки — значит, обеднить пьеску и роль, сделать их более будничными и прозаическими. Но при введении этих музыкальных украшений нужно руководствоваться особыми соображениями.

Слова водевильных куплетов (по крайней мере во всех наших водевилях) очень просты. Их ритмический размер рассчитан на очень простую музыку с простым счетом на два, на три, на четыре, так что подобрать музыку не составит никакого труда ни пианистке, ни гармонисту, ни руководителю струнного оркестра или трио. Очень хорошо, если удастся организовать хоть маленький оркестр.

Не надо слишком заботиться и о разнообразии музыкальных мотивов. Наоборот, хорошо, когда в течение одной пьески удачно найденная музыкальная мелодия становится ее основным лейтмотивом. В водевиле «Беда от нежного сердца», например, признания разочарованного старика («Ах, право, хуже оплеухи...», явл. V), упреки Александра («Хотелось очень мне узнать бы», явл. XII) и заключительный финальный куплет («Свой окончив похождения») сознательно написаны так, чтобы использовать одну и ту же музыку. Разнообразить же в этом случае достаточно темпы: отец

ность медленнее, со вздохом, Александр — горячее, поэтому быстрее; заключительный куплет поется еще быстрее и в конце подхватывается всеми участниками.

Очень часто можно использовать в качестве мотива почти любую польку (если есть выбор, всегда лучше взять старинную музыку). Дуэт в VIII явлении «Беды от нежного сердца» («Что за ручки, просто чудо!») написан для польки и даже рассчитан на продолжение ее танцем. Так же может быть исполнен и дуэт Мордашова и Фадеева («Аз и ферт», явл. XII, «Есть художники в картишках»).

Большое место в русском бытовом водевиле занимают народные музыкальные мотивы, которые подобрать не составит труда. Таковы почти все куплеты и Феклы и самого Разгильдяева в «Вицмундире». Надо помнить, что смешные слова, исполняемые на протяжный мотив, если это оправдывается состоянием действующего лица (как, например, в куплетах Разгильдяева «Жизнь холостая мне очень прискучила»), только выигрывают от этого. Не следует лишь злоупотреблять слишком длинным вокальным номером (например, в этих куплетах Разгильдяева можно выпустить второй и шестой куплеты). Песенка Филимона-Верочки в «Дочери русского актера» может быть заменена другой народной песней, которая будет легче исполнительнице. Вообще в номерах, носящих явно вставной характер, такие изменения режиссер безболезненно может вносить, считаясь с исполнительским составом. Так, вместо очень сложного романса «Скажи, о чем в тени ветвей» исполнительница Марья Петровна («Беда от нежного сердца») может спеть другой, более легкий, но непременно старинный романс — Варламова, Гурилева, Глинки. Популярность этих мотивов, часто исполняемых и в концертах и по радио, будет только способствовать успеху.

Всякий такой номер, особенно при бытовом характере развивающегося сюжета, как в прилагаемых водевилях, неизбежно будет подчеркивать условно-театральную природу сценической шутки. Однако ни в коем случае эти музыкальные вставки нельзя исполнять в отрыве от всего, что говорят и чем заняты действующие лица, то есть выключаться из действия и исполнять песенку или куплет в

концертном порядке. Без сценической задачи исполнитель ни на минуту не может находиться на сцене, и в напряженном, быстро и весело развертывающемся водевильном действии это особенно важно.

Обыкновенно для того, чтобы поющий исполнитель сумел взять верный тон, необходимое дыхание, перед самым пением аккомпаниатор дает небольшое музыкальное вступление: это может быть или так называемая ригурнель, воспроизводящая целую музыкальную фразу — тему вокального номера, или несколько аккордов, подсказывающих исполнителю тональность, или, если артист достаточно музыкален, один дающий тон аккорд. И несмотря на то, что ухо исполнителя ловит эту задаваемую тональность, нельзя выключиться из игры и на это вступление; наоборот, эти несколько аккордов должны быть использованы в общем плане решаемых на сцене задач и соответствовать характеру действующего лица. Рассеянный Разгильдяев, например, может опоздать вступить во время и откровенно подмигнуть дирижеру, чтобы он начал снова свое вступление (допустить такую чисто водевильную шутку можно только в том случае, если исполнитель ухватил сущность разгильдяевского характера; тогда зритель не сочтет ошибку действующего лица за неудачу артиста). Верочка же в «Дочери русского актера», влюбленная в атмосферу театра, спектакля, музыки, вся сразу оживает при первых же аккордах: она уже почти танцует, она сама со сцены почти дирижирует своим аккомпанементом. В «Безде от ~~исжнного~~ сердца» Марья Петровна поет свой романс не просто для зрителя; у нее есть своя задача: ей надо очаровать своим пением Александра, и этим определяется все ее поведение при исполнении номера. При этом режиссер и исполнительница помнят, что Марья Петровна поет не в первый раз: она уже привыкла исполнять романсы, ее попрекают любовью к итальянскому певцу. Самые отыгрыши — музыкальные фразы, исполняемые аккомпаниатором между строками романса, — должны быть использованы, чтобы в поведении увлекшегося Александра из обмена взглядами, в жестах показать, что певица достигает своей цели. Кстати, не следует режиссеру ломать голову над тем, чтобы играющий Александра

непрерывно в самом деле аккомпанировал своей партнерше: может быть весело и забавно, если он будет только делать вид, что играет на любом бутафорском инструменте или на столе, декорированном под фортепьяно. Увлеченный девушкой, он в какой-то момент, забыв музыку, протягивает к ней руки, а настоящий, перед сценой помещенный аккомпаниатор продолжает играть. В таких положениях предоставляются огромные возможности фантазии режиссера, исполнителей и музыканта. Но все эти шутки будут смешны только тогда, если улыбка исполнителей скрыта внутри, а поведение их серьезно до преувеличенности.

Неважный «русский актер» Лисичкин поет свои куплеты, как трагический артист, ходульно и приподнято-штампованно читает монолог. Он выходит величественно, «как цари по сцене ходят» (образение Мольера); оркестр поддерживает каждый его шаг мелодраматическим аккордом. Его жесты преувеличены, в голосе слышатся театральные рыдания, он напирает на букву «р».

И после смерти обо мне
Вдохнет театр Александринский...

И музыкальное заключение будет сплошь покрыто его трагическими вздохами. Наоборот, талантливая и живая Верочка вся отдается чувству:

Пускай он приезжает
И свадьбу затекает.
Его здесь ожидает
Не свадебный прием.
Лишь стоит постараться,
На хитрости подняться,—
Так мы свое возьмем!

Вы так и слышите, как молодая девушка сердито стучит каблучками по подмосткам сцены, а ее хорошенькая головка занята придумыванием очередной водевильной хитрости.

Все сказанное о номерах пени в водевиле, полностью относится и к танцам, которые редко указываются автором в самом тексте,

но которые очень легко и красиво продолжают обычно наиболее живые вокальные куски. Для водевилей первой половины XIX века наиболее характерные танцы — полька, полька-мазурка, вальс, кадрили, любые народные русские танцы или пляска. Танцевать внутри водевиля — это не значит демонстрировать какие-то, пусть даже интересные, танцевальные фигуры: это значит — играть, танцуя. Режиссер должен определить содержание каждого танца согласно сценическому действию, а тогда сами собой найдутся и танцевальные подробности.

Куплеты «Кати из Тамбова» в «Беде от нежного сердца» были чрезвычайно популярны в свое время: их всюду распевали, а актрисы любили петь их со сцены не только благодаря их наивно-кокетливым словам, но и потому, что среди них вставлялся всегда танец, который представлял собой небольшую танцевальную пантомиму, рисующую портрет провинциальной красавицы. Зонтик, веер, сумочка, платочек, обыгрываемые в течение этого номера, могут помочь скрасить отсутствие непосредственно танцевального мастерства у исполнительницы. Повторение первой строфы куплетов в этом случае делается обыкновенно после вставленного перед ним танца.

Ухарские куплеты незадачливого, молодящегося жениха-прапорщика Ушицы («Дочь русского актера») представляют собой его хвастливую саморекомендацию: «Вот я каков!» — говорят эти строки, самый плясовой ритм которых так и просится перейти в танец. Но и у этой пляски должно быть свое содержание: герой только храбрится, старается обмануть своей кажущейся бодростью, наигранным блеском. Вряд ли он даже по-настоящему закончит свой номер, а неожиданно, запыхавшись и закашлявшись, упадет в кресло, и первые его реплики в разговоре с Катериной еще будут полны этой утомленности от непомерных усилий. Кстати, хорошо оправдывается и его желание остаться в этом кресле, а не бежать за Лисичкиным.

Особенно важно подсказать исполнителям тему парного танца. В XV явлении водевиля «Вицмундир» Гуторин и Любецкая нашли друг друга.

«Гуторин (целуя ее руку). О! Я счастливейший человек в мире!»

Сама фраза написана так, как не говорят о счастье в жизни. Она искренна водевильной искренностью: это хорошая реплика для музыканта. При аккордах ритурнели он целует руку своей невесты, и два-три тура все убыстряющегося вальса будут хорошей концовкой этому счастливому событию.

В водевильном танце игры должно быть больше, чем собственно танца. Их темы: полька — ссора, вальс — предложение, мазурка — погоня или прятки и т. д. Танцами не следует злоупотреблять: три-четыре номера в одном акте вполне достаточны. Но там, где у автора совсем нет указаний на танцы («Аз и ферт», «Вицмундир»), режиссеру, для того чтобы выдержать стиль водевиля, надо найти одно-два места, где бы можно их использовать: например, дуэт Любушки и Фадеева и ссора Мордашова с Фишем («Аз и ферт»). Чтобы облегчить исполнителям их задачу, режиссеру надо придумать тему танцевального действия с какой-нибудь вещью: принесенный художником портрет, букет цветов, предлагаемый молодым человеком и кокетливо отвергаемый девушкой, ширмы, позволяющие построить забавные мизансцены в убегании Фиша от Мордашова, и т. д.

Заключительным танцем обычно заканчиваются финальные куплеты. Этот танец обращен, как и стихи, непосредственно к зрителю. Но тема этого танца тоже определяется режиссером: либо это счастливая, свободная пляска, либо насмешка всех участников над неудачником-героем, либо конец представления со включенным в него сниманием париков, бород, даже с закрыванием занавеса самими исполнителями.

Кстати, традиционное для своего времени, но устарелое на сегодня заключительное обращение к зрителю от лица автора прозой перестановкой слов следует подменить обращением от имени коллектива (например, вместо слов в «Вицмундире» — «В моем лице вас автор просит» — спеть «Наш коллектив...» или «Весь наш кружок... вас очень просит»; в финале «Беды от нежного сердца» слово «сочинителя» лучше заменить словом «постановщика»).

При сосредоточенно-серьезном выполнении артистами всех сценических задач, как бы наивны и смешны они ни были, надо помнить еще об одной чисто водевильной особенности. Обычно в спектакле мы стараемся так строить поведение исполнителя, чтобы он, занятый всецело жизнью изображаемого лица, как бы забывал о зрительном зале. Гоголевский Подколесин, мечтающий, лежа на диване, о будущей женитьбе или старающийся представить себе в решительную минуту страшную картину будущей семейной жизни, в своих монологах с присущей театру условностью высказывает вслух ход своих где-то глубоко рождающихся мыслей; он как бы беседует сам с собой. В редкие и очень острые минуты в серьезной пьесе действующее лицо связывается со зрителем. В водевиле от начала до конца прямо обращен к зрителю. Зритель в водевиле — почти действующее лицо: ему рассказываются в монологах все обстоятельства сегодняшней пьесы, на него ссылаются, к нему обращаются за советом, с жалобами, с просьбами, и часто — при хорошей игре — зритель невольно отвечает на заданный ему со сцены вопрос.

— Господа, есть ли у кого местечко? Не откажите: оправдаю, право оправдаю! — обращается к публике «обедневший» Александр в «Беде от нежного сердца».

Третье явление в «Аз и ферт» представляет собой по существу не монолог Мордашова, а его приятельскую беседу со зрительным залом.

«Представьте только себе...», — говорит он, усевшись на стул, который выставил нарочно как можно ближе к зрителю, и рассказывает свою историю, все время перебивая ее специально обращенными в зал фразами («Ну, знаете...», «Что было делать?», «Что ж бы вы думали?») и настойчивыми прямыми вопросами («Ведь умно? Правда, ведь очень умно?»). Только простой, задушевный тон разговора со зрителем создаст те отношения теплой, дружеской близости с залом, без которой немыслима атмосфера водевильного представления. Но не только в монологах, а часто и посреди самой горячей сцены водевильные герои то и дело с полной искрен-

ностью обращаются к зрителю. Это так называемые реплики — «аппарты», что в авторских ремарках обозначается, как «в сторону», «про себя», «тихо», что в старинном театре называлось хорошим словом «особо» и что в водевиле всегда надо понимать: «публике».

Даже такой проповедник сценической правды, как К. С. Станиславский, создавший теорию «публичного одиночества», «четвертой стены», «жизни в кругу», признает, что там, где требует этого стиль представления, такие фразы в публику нужно произносить «уверенно, смело, с большим апломбом»¹. И действительно эти реплики могут быть для режиссера своеобразными проверочными пунктами, насколько актер «вошел в роль», какова степень его искренности и зараженности заданной ему водевилем задачей.

«Любушка. Какой урод!

Фиш. Да она прехорошенькая! Право, хоть куда!»

Обращенные одна за другой к зрителю эти реплики, сказанные по существу, не могут не вызвать смеха у зрителя. Особенно, если постановщик и исполнитель не поспеют на резкие краски в образе немца, которого следует показывать подлец и злее, чем он намечен у автора, сделав для этого образа исключение и не распространяя на него обычного для водевиля улыбательного благодушия, подчеркнув в нем не просто глупость, а корыстность и пакостничество.

Также с искренним восхищением, словно приглашая зрителя разделить его восторг, должны звучать все реплики вспыхивающего от нежного сердца Александра: «Глаза-то, глаза у нее какие...» — о Марье Петровне (VIII явл.); «Фу ты, пропасть... опять похорошела...» — о Катерине Ивановне (XII явл.); «Вот она, штука-то, вот она, вот она!» — о Настасье Павловне (XVI явл.).

Это устанавливаемое общение со зрителем в монологах, в куплетах, в репликах к залу, если оно стало органично, непременно будет продолжено и в мимических моментах, в кивках на зрителя, в прямых подмигиваниях залу; конечно, все это должно соответствовать исполняемому образу.

¹ «Работа актера над собой», гл. X, стр. 402.

В отношении к слову и к интонации вообще надо помнить, что водевиль развивается всегда в быстром темпе и что в нем не может быть места большим психологическим паузам, прерывистой, якобы жизненно правдоподобной неоконченной фразе, опущенному, тихому, «как в жизни», разговору. Водевиль играется громко, быстро, искренно, горячо. Разыгрывать отдельные фразы и словечки некогда и нет смысла.

«— Ты дура, дитя мое!»—говорит актер Лисичкин. Неверно и дешево разыграть отдельно «дуру» и отдельно «дитя». Надо только очень четко подать эти не соответствующие друг другу бытовую и возвышенную половинки фраз, с одной интонацией для всей фразы.

«— Глаза-то, глаза у нее какие... Где у меня были глаза, когда я не заметил ее глаз!»—говорит Александр. Нельзя во имя игры слов делать ударения на каждом слове «глаза». Это обычная манера водевильного разговора. Ее надо чувствовать, не пропускать поставленных к месту выражений, играть ими, не подчеркивая их, а скользя по ним.

Быстрый водевильный темп подсказывает и предвиденные автором комические неожиданности. Так, например, в монологе Лисичкина, написанном отдельными «трагическими» словами: «Отставлен! Убит! Зарезан! Осрамлен! Ограблен! Разорен! Осмеян! Уничтожен! К восьми часам самовар приготовь!», последняя фраза о самоваре, с которой Лисичкин уходит, непременно прозвучит смешно, но исполнитель, со всем темпераментом произносящий этот трюковой текст, должен найти, что больше подойдет его образу актера: произнести ли ее в том же патетическом тоне или, наоборот, сразу с трагических высот перейти к мелкому хозяйственному распоряжению, непременно сохраняя взволнованность серьезного положения героя.

Таков же переход и в беседе Дарьи Семеновны с влюбленным в нее когда-то Золотниковым. Она ведет приличный случаю разговор («Беда от нежного сердца», явл. IV). Но вот она узнает, что его богатый сын — холостой. Ее поведение резко, откровенно меняется, и реплика «Прошу покорнейше садиться» показывает всю страстность желания матери выгодно выдать замуж свою дочку. Такими же откровенными чертами страстного стремления пристрастят

свою Катеньку определится и поведение Кубыркиной. В более серьезном жанре такая откровенность, наверное, была бы более завуалирована.

Если, например, исполнитель Мордашова нашел эту серьезность водевильного отношения к окружающему, то можно представить, сколько неожиданных и смешных подробностей найдется в его знаменитой сценке с сапогами, когда ноги испуганного Фадеева то исчезают, то появляются из-за пестрой занавески.

* * *

Своеобразие водевильного жанра требует особого, облегченного подхода и к оформлению спектакля. Конечно, хорошо, если можно в декорации и костюмах передать стиль и характер быта первой половины прошлого века. Лучшим материалом в этом случае могут быть встречающиеся во многих книгах и изданные открытками репродукции с картин художника П. А. Федотова «Сватовство майора», «Разборчивая невеста», «Свежий кавалер» и др. Они совпадают по времени и дают много любопытных подробностей в фигурах, лицах, костюмах и обстановке. Чего стоят, например, одни бумажные папильотки в волосах самодовольного чинуши. С успехом можно пользоваться и иллюстрациями в изданиях сочинений Гоголя.

Однако надо помнить, что шуточный водевиль допускает больше вольности и в этом отношении, чем такие произведения, как «Недоросль» Фонвизина, пьесы Гоголя или Островского. Поэтому не надо отказываться от постановки водевиля только потому, что под рукой не находится женских платьев с широкими кринолинами или настоящих мундиров. Подменим это «настоящее» выдумкой, изобретательством, и в нашем распоряжении окажется нестоимый водевильный гардероб. Украсим платья молодых исполнительниц большим количеством лент, бантов, цветов, используем шали, платки — из тех, которые поярче (их можно расписать самим; самая дешевая материя оживет, если ее пестро обрызгать краской). Под современные пиджаки подберем или тоже покрасим яркие жилеты. Сделанный из картона цилиндр, такие же яркие пуговицы, яркая полоска, нашитая или наколотая на шов брюк, сделают свое дело: костюм

будет выглядеть если и не соответствующим эпохе, то во всяком случае театральным.

Разумеется, сперва надо принять все меры, чтобы одеть действующих лиц по-настоящему. Но и в этом случае нельзя забывать ярких цветных пятен.

Их же надо разбросать и по сцене: яркий блик цветной скатерти, узорного ковра, пестрой занавески.

Две круглых колонны (лучше объемных, а можно и плоских, расписанных под круглые) и полосатые ширмы (особенно, если мы подготовим две смены, раскрасив или задрапировав их с двух сторон), соответствуя всем предлагаемым водевилям, дадут большие возможности в смысле игры: между колоннами так хорошо проводить водевильные любовные сцены, грустить, облокотившись на них, вокруг них прыгать в польке или кружиться в вальсе, а ширмы будут незаменимыми помощниками режиссера и действующих лиц во всех тех прятаньях, послушиваньях, переодеваньях, которыми так богаты эти пьески.

И главное — надо всю сцену украсить по-праздничному. Поэтому все, что можно достать, надо использовать для украшения театра. Гирлянды из веток, разноцветные фонарики и лампочки, анимелька с игрушками, летою — цветы, как можно больше цветов, украшающих рампу, портал.

Конечно, постановщик найдет меру и не будет превращать комнату Мордашова в цветочную оранжерею или самого его — в елочного деда. Но серьезная, горячая игра со спрятанной вглубь улыбкой, шутовское обращение автора и постановщика с этими наивными водевильными страстями в обстановке, наполненной звуками музыки и яркими красками, дадут настоящий, веселый, красивый и не лишенный содержания театральный праздник, ради которого и есть смысл обратиться к старинному водевилю.

Заслуженный артист РСФСР
Ф. КАВЕРИН

В. СОЛЛОГУБ

БЕДА ОТ НЕЖНОГО СЕРДЦА

Комедия-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дарья Семеновна Бояркина.

Марья Петровна, ее дочь.

Настасья Павловна, ее племянница.

Аграфена Григорьевна Кубыркина.

Катерина Ивановна, ее дочь.

Василий Петрович Золотников, откупщик.

Александр Васильевич, сын его.

Слуга Бояркиной.

Театр представляет комнату с четырьмя дверьми; рабочий стол, трюмо, фортепьяно, кресло с большой спинкой и преч.

ЯВЛЕНИЕ I

Дарья Семеновна, Марья Петровна в белом пенюаре; ее завивает француз-парикмахер, потом Настасья Павловна.

Дарья Семеновна. А, боже ты мой! Розового-то платья все-таки нет. Что ж это такое? Платье заказано для нынешнего вечера, а получишь завтра утром... Здесь все так, все так. Такая досада: просто, побила бы кого-нибудь! Настя! Настя! Настенька!

Настасья Павловна (входит). Я здесь, тетушка.

Дарья Семеновна. Ну, слава богу; где пропадала,

матушка? В голове все вздор, а ведь нет того, чтоб подумать о тетушке: посылала ли ты к *marchande de modes*?

Настасья Павловна. Посылала, тетушка.

Дарья Семеновна. Ну, что Машенькино платье?

Настасья Павловна. Готово, тетушка...

Дарья Семеновна. Так что ж не несут?

Настасья Павловна. Да, тетушка...

Дарья Семеновна. Ну, что ты ворчишь?

Настасья Павловна (тихо). Без денег, тетушка, не отдают; говорят, и без того много должны.

Дарья Семеновна. Что ты, грубить мне, матушка, что ли хочешь? Вот благодарность-то: сироту круглую взяла к себе в дом, кормлю, одеваю, а она мне еще колкости говорит. Нет, милая, забываться я не позволю. Что? Принесли сухари, а?.. Вертят мороженое... а?.. ни об чем не подумаешь. Ну, что ты стоишь, как вкопанная? Видишь, Машенька еще не причесана; подавай шпильки.

Марья Петровна. Вот здесь, на лбу, пустить бы колечки... вот так... Маменька, как вам угодно, а платье не принесут — я не выйду ни за что; останусь в своей комнате, скажусь больной. Как вам угодно.

Дарья Семеновна. Что ты? Что ты? с ума сошла! Для тебя я делаю вечер, а тебя не будет; прикажешь мне вместо тебя танцевать? У нас будут самые первые жени... то есть кавалеры.

Марья Петровна. Да! точно так и поедут.

Дарья Семеновна. А отчего ж, матушка, и не поедут?

Марья Петровна. Что они здесь забыли? Ведь бал-то есть нынче получше вашего; говорила я вам отложить, да вы все хотите по-своему.

Дарья Семеновна. Пора бы тебе замуж, Машенька, а то с этими вечерами сил моих недостает. Смотри, сегодня будет князь Курдюков, постарайся ему понравиться.

Настасья Павловна. Ах, тетушка, он старик!
Дарья Семеновна. Вас никто не спрашивает. Что ж, что старик, деньги у него молодые.

Входит слуга с письмом.

Это от кого?.. ну... (С досадой.) Прекрасно, бесподобно...
Князь Курдюков извиняется, быть не может.

Марья Петровна. Ну, что я говорила!

Дарья Семеновна. А что, Машенька, посылать ли за розовым платьем? Ведь князя не будет.

Марья Петровна. Уж, разумеется, послать... Что вы думаете? Что я из-за вашего старика буду без платья ходить, что ли?

Дарья Семеновна. Ах, Машенька, ты хоть бы людей постыдилась.

Марья Петровна. Да он француз, не понимает.

Дарья Семеновна. Ну, так я пойду за деньгами, пошлю за платьем.

Марья Петровна. Давно бы пора.. ну, ну... ступайте же.

Дарья Семеновна. Вот и вырастила себе невесту—разоренье, да и только! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, кроме Дарьи Семеновны.

Марья Петровна (парикмахеру). Вот здесь еще... так... Настя... Настя... об чем ты думаешь?

Настасья Павловна. Так, не об чем, грустно что-то...

Марья Петровна. Вздор какой! Посмотри-ка, пристала ко мне эта прическа?

Настасья Павловна. Пристала.

Марья Петровна. Очень пристала?

Настасья Павловна. Очень.

Марья Петровна. Право... Ну, а ты что наденешь?

Настасья Павловна. Да я так останусь, мне к чему наряжаться... меня никто не заметит.

Марья Петровна. Ты хоть бы ленту впледа в волосы... там у меня в шкапу много старых лент.

Настасья Павловна. Нет, зачем?

Марья Петровна. Ну, как хочешь.

Золотников (за кулисами). Дарья Семеновна дома, что ли?

Марья Петровна. Ах, стыд какой, мужчина! (Убегает, за нею парикмахер.)

ЯВЛЕНИЕ III

Настасья Павловна и Золотников.

Золотников. Извините... я испугал здесь кого-то. (В сторону.) А, вот эта дочка. (Вслух.) А хозяйки нет дома, видно?

Настасья Павловна. Нет-с, дома; я пойду скажу ей.

Золотников. Ни, ни, не беспокойтесь; мне именно вас-то и надо.

Настасья Павловна. Меня?

Золотников. Да; позвольте хорошенько взглянуть только на вас. Повернитесь немного, вот так... бесподобно... лучше вас и желать бы не мог.

Настасья Павловна. Да я вас не знаю вовсе.

Золотников. Со мной скоро познакомитесь. Который вам год?

Настасья Павловна. Восемнадцать.

Золотников. Отлично. Скажите, женихи есть у вас?

Настасья Павловна. Нет-с.

Золотников. Что ж они, дураки, глядят! А вы помышляете о замужестве?

Настасья Павловна. Извините, мне некогда.

Золотников. Нет, вы не сердитесь. Я — Золотников, откупщик. Слыхали, может быть? Человек разбогатевший, так речь у меня резка немножко. А, впрочем, я принимаю в вас живое участие; поверите ли, для вас нарочно приехал из Казани, чтоб сделать вам предложение.

Настасья Павловна. Вы?

Золотников. Да вы не думайте, чтоб я о себе говорил. Во-первых, мне пятьдесят лет; во-вторых, физиогномия моя далеко не врачна; в-третьих, у меня жена сидит в Тамбове. Нет-с, я хочу женить своего сына, и именно, коли сказать всю правду, очень бы мне хотелось женить его на вас. Разумеется, если вы полюбите друг друга. Вы, ведь, никого не любите? Скажите по правде...

Настасья Павловна. Никого-с.

Золотников. Ну, и не любите. Я сына вам представлю: Он — малый добрый. Сердце такое нежное. Дайте мне слово, что вы не будете прочь от моего предложения.

Настасья Павловна. Послушайте, слово не шутка: давши слово, надо его держать, а я сына вашего не знаю.

Золотников. Так что ж? Он здесь дожидается в гостиной.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Дарья Семеновна.

Золотников. Э... да... никак вот и хозяйка! Эге-ге, как переменилась! Талия-то была в рюмочку, а теперь, слава тебе господи... Дарья Семеновна, узнаете ли вы меня?

Дарья Семеновна (разглядывая). Виновата-с. Золотников. Припомните-ка хорошенько.

Дарья Семеновна. Позвольте... Нет, не могу.

Золотников. Спасибо, Дарья Семеновна. А позвольте спросить — играете ли вы еще на фортепианах?

Дарья Семеновна. И, батюшка, куда мне...

Золотников. А помните в девятнадцатом году, в Казани...

Дарья Семеновна. Боже ты мой, Василий Петрович!

Золотников. Аз многогрешный. Вот оно, время-то. Другим человеком стал. (Указывая на жилет.) Тут ничего не было — появилось. (Указывая на голову.) Тут много было — ничего почти не осталось. Дарья Семеновна не узнала!

Дарья Семеновна. Вот бог привел свидеться. Так ли я вам, батюшка, стара кажусь, как вы мне? Да я слышала, вы разбогатели страшно.

Золотников. С горя, Дарья Семеновна. Как вы отказали мне, помните, я вошел в дела, в торги, на беду свою разбогател да с отчаяния и женился.

Дарья Семеновна. Из постоянства, верно; а сюда какими судьбами?

Золотников. Делишки есть, да вот сына привез.

Дарья Семеновна. А детей у вас много?

Золотников. Один сын всего.

Дарья Семеновна. Женатый?

Золотников. Нет, холостой еще.

Дарья Семеновна. Прошу покорнейше садиться. Настенька, погляди, зажжены ли свечи в гостиной. Садитесь, пожалуйста; о чем, бишь, мы говорили?

Золотников. Да об сыне; женить хочу его.

Дарья Семеновна. Ах, будьте осторожны, Василий Петрович! В Петербурге девушки все хороши на вид; а как выйдут замуж, сейчас видно, что воспитание не то,

вовсе, не то. Вот у меня дочка, так уж могу похвастаться.

Золотников. Да, я говорил сейчас с ней.

Дарья Семеновна. И, нет! Вы говорили с моей племянницей, с сиротой, которую я держу из милости. Я мать, Василий Петрович... но я вам скажу, что дочь моя так воспитана, так приготовлена...

Марья Петровна (за кулисами). Мамёнька!

Дарья Семеновна. Что, светик мой?

Марья Петровна. Платье принесли.

Дарья Семеновна. Сейчас, мой друг; и невинная какая — младенца пристыдит.

Золотников. Вот этого-то мне и надо. Саша мой — малый добрый, только в голове у него еще ветер; наговорили ему, что у него два миллиона.

Дарья Семеновна. Два миллиона?..

Золотников. Два миллиона. Так поверите ль, сердце у него такое нежное, только юбку увидит, так и растает; что день, то влюблен; что станешь делать! Ну, для шалости оно бы ничего, а летом, в Тамбове, жениться вздумал на интриганке какой-то. К счастью, гусар подвернулся, а то бы я век с ним плакался. Я вижу — дело плохо: сына с собой в Питер, да и к вам, Дарья Семеновна, из старой памяти — знаю, что не откажете в добром совете; а у вас, я слышал, дочь. Кто знает? Может быть, дети наши познакомятся, слюбятся... Коль не мы, так дети наши, Дарья Семеновна, не так ли?

Дарья Семеновна (вздыхая). Что старое припоминать!

Золотников. Не возвратится уж, подлинно. Ну, на детей полюбуемся... Позвольте руку поцеловать.

Дарья Семеновна. С удовольствием.

Золотников (с гримасой). И рука-то постарела; вы табак нюхаете?

Дарья Семеновна. Для глаз, Василий Петрович.

Марья Петровна (за кулисами). Маменька, да подите же сюда; какие вы несносные!

Дарья Семеновна. Сейчас, сейчас, мой ангел... (Золотникову). Сейчас приведу вам ее... Не будьте слишком строги. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Золотников (один). Господи, что за перемена! меня не узнала... Вот тебе и урок, Василий Петрович... Тридцать лет вспоминал об ней с наслаждением... воображал ее прежней красавицей. И вот, чорт меня дернул сюда приехать!

Ах, право, хуже оплеухи,
Как, не выдавшись тридцать лет,
Найдешь в развалинах старухи
Любви восторженный предмет.
Ах! Даша! В прежние годочки
С тобой встречались мы не так;
Тогда ты нюхала цветочки,

(со вздохом)

Теперь — ты нюхаешь табак!

ЯВЛЕНИЕ VI

Золотников и Александр.

Александр (кидается отцу на шею). Батюшка, обними меня. Я согласен... будет по-твоему... я женюсь на ней... она мне нравится, очень нравится. Я доволен, я рад, я счастлив, благополучен... Батюшка, обними меня.

Золотников. Да погоди!

Александр. Нет, обними меня.

Золотников. Да выслушай!

Александр. Нет, обними меня: вот так... еще раз. Конечно, рещено, я исполню твою волю: я женюсь на ней, и именно на ней, ни на ком другом, а на ней! Вот придумал, вот отец... Обними меня еще раз.

Золотников. Да выслушай!

Александр. Глаза, талия, волосы... какой характер... сейчас видно. Батюшка, благослови!

Золотников. Да отвяжись, пожалуйста... Мы ошиблись, это не она.

Александр. Как не она? Она, она, она! Я не хочу, чтоб она была не она!

Золотников. Да я сам ошибся: ты думаешь, что оворил я там в гостиной с дочерью...

Александр. Ну, да.

Золотников. Вот в том-то и дело, что она не дочь.

Александр. Как не дочь? не родилась же она без отца и без матери?.. чья-нибудь же она дочь?.. Мать была же какая-нибудь, да и отец также.

Золотников. Она племянница.

Александр. Все равно.

Золотников. Да говорят тебе, что она племянница.

Александр. Да хоть бы дядей она была, я все-таки ей женюсь! Твоя была воля... воля отцовская — закон.

Золотников. Да я прочил тебе другую.

Александр. Нет, воля отцовская — закон!.. Я не хочу другую.

Золотников. Да не шуми; они идут сюда.

Александр. Пушай нейдут... скажи, чтоб не шли.

Золотников. Да взгляни только.

Александр. И глядеть не хочу.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Дарья Семеновна и Марья Петровна в розовом платье, скромно идя за матерью.

Дарья Семеновна. Вот вам и моя Машенька, Василий Петрович; прошу любить да жаловать. (На ухо.) Держись прямей! (Громко.) Она у меня застенчива. (На

ухо.) Да присядь же хорошенько. (Вслух.) Вы ее извините, Василий Петрович: она у меня девушка не светская, все за рукодельем да за книгами.

Марья Петровна (на ухо матери). Да перестаньте, маменька.

Дарья Семеновна. Нет, я ей говорю: «Что ты, Машенька, в свои лета глаза портишь... в твои лета надо искать удовольствий, веселиться», а она мне говорит: «Нет, маменька, не хочу я ваших светских удовольствий, что в них... женское дело не танцовать и не кокетничать, а быть доброй супругой, нежной матерью».

Марья Петровна. Маменька, я уйду...

Дарья Семеновна. Поверите ли, я ей все хозяйство отдала на руки — пускай привыкает, а в свободное время музыкой занимается, рисует... Где, бишь, у тебя эта головка, которую ты кончила без учителя, ну, знаешь, этого Аполлона Вельбедерского?

Марья Петровна (вслух). Изорвала. (На ухо.) Маменька, вы мне надоели!

Золотников. А вот, сударыня, и сынок мой. (Сычу.) Да кавайся же!

Александр. Не хочу.

Дарья Семеновна. Очень приятно познакомиться; вы в первый раз пожаловали к нам в Петербург?

Александр (отрывисто). Да!

Дарья Семеновна. Долго думаете здесь оставаться?

Александр. Нет.

Дарья Семеновна. Отчего же это так?

Александр. Так.

Марья Петровна. Ах, маменька, ваши вопросы очень не скромны: может быть, им неприятно.

Дарья Семеновна. Да где мне уметь говорить с молодыми! Это твое дело занимать молодых людей... Пойдите-ка, Василий Петрович; сколько лет не видались,

есть о чем переговорить... (На ухо.) Пущай они познакомятся: без нас посвободнее будет.

Золотников. Конечно.

Дарья Семеновна. А ты, душенька, похозяйничай здесь за меня; пора привыкать: нынче в девушках, а завтра сама, может быть, будешь жить домком. Все в воле госпожней. (Целует ее в лоб и говорит на ухо.) Не забудь! Два миллиона! (Вслух.) Пойдемте, Василий Петрович. (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Александр и Марья Петровна.

Марья Петровна (в сторону). Он, кажется, вовсе необтесанный. Ах, жалость какая!

Александр (в сторону). Ну, как ее можно сравнить с той! У той глаза, талия, волосы... Однако ж и эта порядочная, так себе.

Марья Петровна. Не годится ли садиться?

Александр. Нет-с, зачем!

Молчание.

Марья Петровна. Как вам нравится институт Петербург?

Александр (рассеянно). Что-о-с?

Марья Петровна. Петербург вам нравится?

Александр. Петербург, - что ли? Город известный-с!

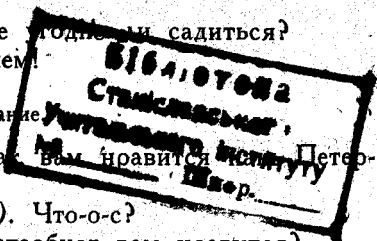
Марья Петровна. Вы когда приехали?

Александр. В самый день магнитного освещения, изволили, конечно, слышать?

Марья Петровна. Да-с, слышала, а не видала...

Молчание.

В Пассаже вы уж были?

Александр. Как же, давеча внизу подовые пироги ел.

Марья Петровна. Вам нравятся?

Александр. Пироги, что ли?

Марья Петровна. Нет... Пассаж?

Александр. Приятное гулянье.

Марья Петровна. Что ж вы не садитесь?

Александр. Не беспокойтесь. *(В сторону.)* Глазато, глаза у нее какие... Где у меня были глаза, что я не заметил ее глаз!

Марья Петровна. У нас в нынешнем году славная опера.

Александр. Говорят-с.

Марья Петровна. Вы сами, может быть, музыкант?

Александр. Как же-с? Играю немножко.

Марья Петровна. На фортепианах?

Александр. Преимущественно на валторне.

Марья Петровна. А!

Александр. А вы-с? *(Разнеживается.)*

Марья Петровна. Я пою немножко.

Александр. Не-уже-ли? Как это приятно! *(В сторону.)* Я не знаю, отчего она мне с первого разу не понравилась. Она очень-очень мила... и манера какая прекрасная. *(Ей.)* Я, право, не знаю... смею ли я вас просить.

Марья Петровна. Как-с?

Александр. Я говорю... я не знаю, смею ли я вас просить.

Марья Петровна. Что?

Александр. Я не знаю, с первого раза смею ли я просить... ободрите, пожалуйста.

Марья Петровна *(кокетничая)*. Отчего же? что вам угодно?

Александр. Смею ли я просить... например... *(В*

сторону.) Да это прелесть, а не девушка... (Ей.) Осчастливьте, пожалуйста, дайте послушать.

Марья Петровна. Да мы ждем гостей.

Александр. Успеете.

Марья Петровна. Я, право, не в голосе.

Александр. Попробуйте.

Марья Петровна (кокетничая). Разве только для вас... (Идя к фортепиано.)

Александр (в сторону). Для вас, для меня... она сказала для вас... я ей понравился... Да это не девушка... очарование!

Марья Петровна. Только вы аккомпанируйте, пожалуйста; у меня тут новый романс.

Александр. С удовольствием. (Садится за фортепиано.)

Марья Петровна (поет).

Скажи, о чем в тени ветвей,
Когда природа отдыхает,
Поет весенний соловей
И что он песнью выражает?
Что тайно всем волнует кровь?
Скажи, скажи, какое слово
Знакомо всем и вечно ново?
Любовь!..

Скажи, о чем наедине
В раздумье девушка гадает?
Что тайным трепетом во сне
Ей страх и радость обещает?
Недуг тот странный назови,
В котором светлая отрада:
Чего ей ждать? Чего ей надо?..
Любви!

Когда от жизненной тоски
Ты, утомленный, изнываешь
И злой печали вопреки
Хоть призрак счастья призываешь...
Что услаждает грудь твою?..

Не те ли звуки неземные,
Когда услышал ты впервые —
Люблю?!

Александр вскакивает со стула и бежит к Марье Петровне.

Александр. Ах, что за голос! что за голос! Какое чувство! Какая душа!.. Вы меня с ума свели; я... я в восторге, я теперь с ума сойду, коль не позволите надеяться.

Марья Петровна. Как надеяться?

Александр. А разве вы ничего не знаете?

Марья Петровна. Нет.

Александр. Вы не знаете, что ваша старуха была влюблена когда-то прежде в моего старика?

Марья Петровна. Как, и маменька тоже?.. Вот никак бы не думала. Да она мне не говорила об этом.

Александр. Да они никогда об этом не говорят. Вот батюшка выдумал, чтоб я бы на вас... или вы за меня. Это все равно... только это от вас зависит. Ну, влюблен, влюблен, совершенно влюблен. Ну, а как вы не согласитесь, я буду самым несчастным смертным.

Марья Петровна. Так говорите же.

Александр. Батюшка желает моего счастья; он только и думает, что о моем счастье; да и я желаю себе счастья — кто не желает себе счастья! Только вы, может быть, не захотите моего счастья?

Марья Петровна. Помилуйте... отчего же?

Александр. Как? Вы хотите моего счастья?.. в самом деле?

Марья Петровна. Разумеется.

Александр. Так я могу надеяться?

Марья Петровна. Я завишу от маменьки.

Александр. Не в маменьке тут дело, в сторону маменьку; вы мне про себя скажите... могу ли я вам нравиться?

Марья Петровна (жеманно). Почему же нет?

Александр. Марья... как по бабушке?

Марья Петровна. Петровна.

Александр. Машенька! Я счастливейший человек в мире, я вас стану любить, любить, любить, как никто не любил еще, да и любить не будет!

Марья Петровна. Да подождите же.

Александр. К чему ждать, ждать? Это — лицемерство; я не хочу ждать; я люблю вас, мы любим друг друга, мы будем счастливы; у нас будут дети; сделайте из меня, что хотите; приказывайте, располагайте, позвольте только доказать вам любовь мою.

Марья Петровна. Вы, право, престранный человек. Однако, послушайте, у нас сегодня танцевальный вечер.

Александр. Вы хотите танцевать со мною? — уж не взыщите, как сумею.

Марья Петровна. Все равно, только, видите, у меня нет букета.

Александр. Так что ж? На что вам букет?

Марья Петровна. Оно в моде: иметь в руках букет... вы не понимаете?

Александр. Нет.

Марья Петровна. Ну, так я вам скажу: ступайте за букетом, только из живых цветов.

Александр. Да куда же я пойду?

Марья Петровна. Куда хотите: это уж ваше дело. А мне надо гостей принимать... До свиданья! (Протягивает руку.)

Александр (целует руку). Какая ручка!

Что за ручки, просто чудо!

Целовать бы век готов.

Марья Петровна.

Ну, ступайте же, покуда,

Привезите мне цветов.

Александр.

Что за странности какие,
Вам в букете что за прок!
Вам на что цветы чужие,
Сами лучший вы цветок!

(Целует ее руку и опрометью кидается к дверям, где встречается с Золотниковым.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Александр и Золотников.

Золотников. Куда ты, сумасшедший?

Александр. Батюшка, с букетом поздравляю тебя! обними меня! я исполню твое приказание... твое же ланье для меня закон! Да! я женюсь на ней... я счастлив... я весь переродился... из живых цветов.

Золотников. Да что случилось?

Александр. Как что случилось? Я влюблен по твоему приказанию. Воля отцовская — закон! Да! тебе угодно, я женюсь, когда хочешь, хоть нынче... Родитель, благослови.

Золотников. Да объясни сперва.

Александр. Нет, обними, обними по-родительски... вот так! Конечно! Я женюсь на ней!

Золотников. Да на ком же, на ней?

Александр. На ней!

Золотников. На племяннице?

Александр. На дочери.

Золотников. На Настеньке?

Александр. На Машеньке, на моей Машеньке, на Марье Петровне. Для всех она Марья Петрогна, а для меня Машенька!

Золотников. Да как же ты мне сказывал, что влюблен в другую, в первую?

Александр. В первую... нет! Это мне так показа-

лось; впрочем, и она очень, очень, очень милая девушка. Только эту ты сам, отец мой, мне назначил, а к тому же она поет... так поет! Батюшка, ты слышал Гризи?

Золотников. Нет, не слышал.

Александр. И я не слышал, так вот как поет. Ну, едем!

Золотников. Как едем?

Александр. Да, едем за букетами, за конфетами... Она этого желает, она приказала; ну, бери шляпу — едем!

Золотников. Да ступай один.

Александр. Нет, один не пойду: ничего не найду; вернемся сейчас.

Золотников. Да объясни, по крайней мере.

Александр. Дорогой все объясню. Не забудь, что от этого зависит судьба всей моей жизни. Ну, идем.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ X

Дарья Семеновна, Марья Петровна, Кубыркина и Катерина Ивановна.

Кубыркина. Это бювар ваш, матушка, конечно.

Катерина Ивановна. Будуар, маменька.

Кубыркина. Ну, все равно, у генеральши Ахлебовой точно такой же есть; скажите, как в Петербурге все живут!

Дарья Семеновна. А вы давно здесь не были?

Кубыркина. Пятнадцать лет; шутка сказать! Только надо признаться, дорогонько у вас.

Дарья Семеновна. Да, не дешево.

Кубыркина. Помилуйте, за что ни возьмись... говядина филей тридцать четыре копейки! Слыханное ли дело! Поверите ль, квартиру наняла такую, что у нас в Тамбове стряпчий не захотел бы жить... К чему ни приступись, такая шарите...

Катерина Ивановна. Chertè, маменька.

Кубыркина. Все равно.

Марья Петровна (Катеньке). Ваше платье шито дома или в магазине?

Катерина Ивановна. Конечно, в магазине.

Марья Петровна (в сторону). Солгала; сейчас видно, что дома. (Ей.) А пелеринку где брали?

Катерина Ивановна. В Пассаже.

Марья Петровна. Очень мило.

Дарья Семеновна. Поигрываете ли вы, Аграфена Григорьевна, в карточки?

Кубыркина. Страстная охотница, матушка; только не из интереса, а так, по маленькой.

Дарья Семеновна. А много ли вы теперь выезжаете? балы начались...

Кубыркина. Да, на беду, Катенька моя захворала; хорошо, что еще натура крепкая, выздоровела скоро, а то доктор боялся, что сделается рецитатив.

Дарья Семеновна. Рецидив, матушка.

Кубыркина. И, матушка, рецидив, рецитатив — все равно. А где же ваша комната, Марья Петровна?

Марья Петровна. Здесь, с этой стороны.

Кубыркина. Ах, позвольте полюбоваться.

Марья Петровна. Пожалуйте.

Кубыркина. Пойдем же, Катенька.

Катерина Ивановна. Сейчас приду, маменька; только локоны поправлю.

Дарья Семеновна, Кубыркина и Машенька уходят.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Катерина Ивановна (одна перед зеркалом).
Какая манерная эта Машенька! из чего она нос подымает?
Вот важность, что живет в Петербурге. А разве я ее

хуже? Ну, чем?.. Просто ничем, просто ничем не хуже.
(Поет перед зеркалом.)

Мне самой семнадцать лет,
И спросить любого,
В Петербурге лучше нет
Кати из Тамбова!
Против барышень других
Я ничуть не хуже:
Станом я не меньше их,
В талии поуже,
Густы волосы в косе,
И к тому ж я с детства
Изучаю тайны все
Женского кокетства;
Знаю, шалости любя,
Сердцем как лукавить;
Как наверное себя
Полюбить заставить;
А глаза мои и взгляд
Вечно куролесят:
То улыбкой подарят,
То насмешкой взбесят.
Мне самой семнадцать лет,
И спросить любого,
В Петербурге лучше нет
Кати из Тамбова!

ЯВЛЕНИЕ XII

Катерина Ивановна и Александр с букетом и коробками.

Александр. Вот и букетец... Насилу достал... Вот еще... (Роняет все.) Боже ты мой! Кого я вижу? Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Александр Васильич! Ах!
(Падает в обмороке на стуле.)

Александр. С ней дурно... с ней дурно!.. Я испугал... Это для меня... Помогите!.. помогите!

Катерина Ивановна. Да не кричите же!
Александр. Очнулась... очнулась... Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна опять падает в обморок.

Фу! опять припадок; она этак задохнется в корсете... Нет ли ножниц, разрезать шнуровку... А, вот кстати... *(Берет поспешно с туалетного столика ножницы.)*

Катерина Ивановна *(вскакивая)*. Не подходите! Не трогайте! Что вам надо? Зачем вы здесь?.. Мало вам что, вы обманули меня, что после всех ваших обещаний, уверений вы бросили меня, сироту? Ступайте, не показывайтесь мне на глаза.

Александр. Вот-те на! Как, я еще виноват?

Катерина Ивановна. Он спрашивает... виноват ли он... Да вы изверг, а не человек! вы Дон-Жуан, бессовестный!

Александр. Это что такое, Дон-Жуан?

Катерина Ивановна. Не ваше дело!.. Отвечайте... объясните ваш поступок. Я, право, не знаю, как говорю еще с вами. Ну, скажите, пожалуйста... вы живете у нас в деревне... вы притворяетесь влюбленным, вы ищете руки моей, и когда я, как неопытная, беззащитная девушка, начала чувствовать к вам склонность..

Александр. Пожалуйста, не смотрите на меня так.

Катерина Ивановна. Когда я согласилась на предложение ваше, вверяю вам участь свою, вы вдруг уезжаете, не говоря ни слова, не простившись, не напившись даже чаю... как вор точно... *(Плача.)* Ах, я, несчастная! Что ж я такое сделала?

Александр. Нет-с, позвольте-с... Нет-с, позвольте... поглядите-ка на меня...

Катерина Ивановна. Извольте...

Александр *(в сторону)*. Фу ты, пропасть... опять похорошела... *(Ей.)* Что, бишь, я хотел спросить? Да, позвольте вас спросить, что вы из меня хотели сделать?

Катерина Ивановна. Как что... я думала, что вы будете моим мужем. Ну, хорошо ли?.. ну, скажите, после этого на кого вы похожи?

Александр. Я похож на матушку... да не в том дело. Каким мужем хотели вы меня сделать?

Катерина Ивановна. Каким мужем? Обыкновенным.

Александр. Да, каким обыкновенным?

Хотелось очень мне узнать бы,
В какие именно мужья,
Спустя недельку после свадьбы,
Попал бы, грешный, с вами я?
Все попадаю у жен с мужьями,
Чем их господь благословит,
Но как же муж, скажите сами,
Гусара с вами разделит?

Катерина Ивановна. Какого гусара?

Александр. Что? Не знаете какого гусара? А вот того гусара ремонтера, который гостил у вас в деревне!

Катерина Ивановна. Да он мне братец.

Александр. Какой братец?

Катерина Ивановна. Трюродный.

Александр. Знаю я этих братцев! Спасибо за такое братство; слуга покорный!

Катерина Ивановна. Вы забываете...

Александр. Нет, я, напротив, очень помню... Вы не притворяйтесь — я все знаю.

Катерина Ивановна. Что вы знаете?

Александр. Я знаю, что он вам письма писал.

Катерина Ивановна. Неправда!

Александр. Вот прекрасно!.. я сам читал, и что за письма такие... «Ангел мой, Катенька!» Ангел мой... где они учатся, гусары, этакое письма писать?

Катерина Ивановна. Так вы за это рассердились?

Александр. Мало, что ли?.. Чего бы вы еще хотели!..

Катенька смеется.

Ну, чему вы смеетесь?

Катерина Ивановна. Помилуйте, вы такой смешной!

Александр. Кто, я смешной? Нет, я не смешной; я обижен... Можете вы объяснить, зачем вы получали гусарские письма?

Катерина Ивановна. Нет ничего легче.

Александр. Ну, попробуйте-ка, объясните-ка!

Катерина Ивановна. Не хочу.

Александр. Катерина Ивановна, пожалуйста, объясните.

Катерина Ивановна. Вы не стоите того.

Александр. Катерина Ивановна! умоляю вас, объясните... не будьте жестоки.

Катерина Ивановна. Ну, так слушайте; помните вы Катеньку Рыбникову?

Александр. Что у вас гостила? Помилуйте, да она Авдотья.

Катерина Ивановна. Это старшая сестра, а та другая; эти письма к ней, я их только передавала... Он даже хотел на ней жениться.

Александр. Как, в самом деле? Ах, Катерина Ивановна! Дурак я, злодей, нечестивец, клеветник! Терзайте меня, бейте меня. Без вины виноват! И зачем мне эти гусары лезли в голову? Простите, Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Нет, поздно теперь.

Александр. Катерина Ивановна, так вы невинны?

Катерина Ивановна. Ну, конечно! А, впрочем, как вам угодно.

Александр (бросаясь на колени). Катерина Ивановна, будьте великодушны, не заставьте умереть с горя.

Катерина Ивановна (плача). Нет! Я бедная

девушка, я люблю гусаров... меня каждый оскорбить может... мне суждено вечно быть несчастной — вечно любить да страдать в одиночестве.

Александр (на коленях). Катерина Ивановна, простите меня.

Катерина Ивановна. Вы не будете больше ревновать?

Александр. Никогда, Катерина Ивановна... только...

ЯВЛЕНИЕ XIII

Александр и Золотников.

Золотников (в дверях). Ба! Это новость какая!

Катенька убегает.

Александр. Батюшка, это она, Катерина Ивановна, Катя тамбовская! Я изверг рода человеческого — гусар писал письма к Рыбниковой, хотел жениться на Рыбниковой, а она, моя Катенька, любила да страдала меня...

Золотников. Да говори хоть по-русски.

Александр. Она страдала, батюшка, да любила за меня.

Золотников. Да ты, брат, из ума выживаешь!

Александр. Батюшка, обними меня.

Золотников. Отвяжись, болван; всего измял!

Александр. Нет, я должен, я хочу, я решился загладить свое преступление... Я обязан перед Катенькой; я не могу иначе: я женюсь на Катеньке, на моей Катеньке.

Золотников. Да женись на ком хочешь; ты мне надоел, наконец. Я даю тебе четверть часа одуматься, а уж там велю освидетельствовать в губернском правлении да посажу в сумасшедший дом. Терпенья никакого не станет! Слышишь ли, чтоб через четверть часа был ответ!

Александр. Батюшка! Обними только.
Золотников. Отвяжись ты, осел, от меня! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Александр (один, ходя по комнате). Нет! Вот положение... вот положение... Я женюсь на Катерине Ивановне... это решено; это моя священная обязанность... Но я просил руки Марьи Петровны; я взволновал ее воображение... И что за девушка Марья Петровна! прелесть, идеал, рассудка гибель. Очень и на ней хотелось бы жениться! Да вот Настенька, племянница, и на ней бы недурно было жениться... Вот положение! На трех жениться не позволят, а на одной мало! Вот оно — нежное сердце! вот оно до чего доводит! А тут батюшка с ножом пристал; ему легко было, ведь он женился на матушке, а мне-то каково? Убит, просто убит! Катенька, Настенька, Машенька; Настенька, Машенька, Катенька... Что мне делать? Погибаю во цвете лет!.. (Подает в кресла с большой спинкой, так что его действующим лицам не видно.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же, Дарья Семеновна и Кубыркина.

Дарья Семеновна. Я не могу наглядеться на вашу Катеньку, Аграфена Григорьевна: в полном смысле красавица!

Кубыркина. Много милости, Дарья Семеновна. Что вам на чужих глядеть! На свою Машеньку, я чаю, не успеете налюбоваться. Давеча мы говорили об ней с генеральшей Ахлебовой. Вот уж девушка, можно сказать, что девушка!

Дарья Семеновна. Все при себе держала, а вы дома свою воспитывали?

Кубыркина. Дома, Дарья Семеновна.

Дарья Семеновна. Скажите, пожалуйста, какие приемы — точно в большом свете век жила... и скромность какая, как себя держит!

Кубыркина. Я уж тем, Дарья Семеновна, довольна, что она с вашей Машенькой сблизилась. Поверите ль, вот месяц, как мы приехали, а я уж нахожу, что Катя много выиграла. Да у кого и перенимать, как не у вашей Машеньки? Вот примерная девица, и бель-ом какая!

Дарья Семеновна. Бель-фам, хотите вы сказать.

Кубыркина. Да, матушка, все равно... Ну, уж нечего сказать, загляденье ваша Маша.

Дарья Семеновна. А на Катеньку вашу, вы думаете, не весело глядеть?

Кубыркина. Что за манеры!

Дарья Семеновна. Какой бон-тон!

Кубыркина. Какая приятность!

Дарья Семеновна. Какая ласка в разговоре!

Кубыркина. Нельзя не поздравить.

Дарья Семеновна. Со стороны порадуешься.

Кубыркина. Я удивляюсь, как она еще не замужем! Женихов-то, я думаю, и перечесть нельзя!

Дарья Семеновна. Да, есть-таки — четырнадцать генералов сваталось.

Кубыркина (в сторону). Врет... просто врет!

Дарья Семеновна. Были и полковники и капитаны; князь был один. Только я Машеньку не неволю, пусть сама выбирает. Ведь ей жить вместе придется, а не мне. Однако ж вам, как доброй приятельнице, я могу сказать секрет: я сегодня Машеньку свою сговорила.

Кубыркина. Неужто? Вот вышел счастливый день, а я Катеньку сговорила сегодня.

Дарья Семеновна. Дочь моя выходит за богача; да не в том дело — человек хороший! Вы, может быть, слышали про Золотникова, Александра?

Кубыркина. Что? Вот пустяки!.. Моя дочь выходит за Золотникова; они обручены давно... а нынче снова решили.

Дарья Семеновна. Нет-с, извините... он сейчас же просил руки Машеньки.

Кубыркина. Нет-с, не Машеньки, а Катеньки.

Дарья Семеновна. Машеньки, говорят вам!

Кубыркина. Нет-с, Катеньки... Ваша Машенька, конечно, милая девушка, однако ж где ей сравниться с моей Катенькой! Оно хоть и не очень заметно, однако всем известно, что она немножко ведь кривобока.

Дарья Семеновна. Как? Машенька моя кривобока!.. У вас глаза разве кривобоки... Я ей прикажу раздеться перед вами. Кривобокая! вот прекрасно! Не с того ли вы это взяли, что у вас-то дочь вся на вате?

Кубыркина. Что? Дочь моя на вате? У меня салоп на вате, а не дочь; дочь моя не салоп. Дочь моя, как родилась, так и есть, а платье она носит только для приличия. Ей обманывать некого.

Дарья Семеновна. Да и не обманет; Золотников, даром что недалежного ума, однако ж и не такой же пошлый дурак, чтоб жениться на вашей дочери.

Кубыркина. А почему так?

Дарья Семеновна. А потому, что всем известно, что дочь ваша бегала за гусарским офицером, который посмеялся над ней да и бросил; и тут же бедную сироту оклеветали, которая ни душой, ни телом не виновата. Благородный поступок!.. Гусар сам рассказывает.

Кубыркина. Вы смеете говорить это мне... Вы! А разве, вы думаете, неизвестно всем, что ваша кривобокая влюблена в итальянского певца? Срам, говорят, смотреть на нее, как в опере сидит... все смеются!

Дарья Семеновна. Да вы, кажется, забываетесь? Я вас к себе впускать не велю.

Кубыркина. Я и сама не поеду; и без вас найдем,

слава богу, знакомство: генеральша Ахлебова и получите вас, да находит со мной удовольствие.

Дарья Семеновна. И не удерживаю, матушка, не удерживаю!

Кубыркина. Прощайте, матушка, пойду за Катенькой... нога моя у вас не будет!

Дарья Семеновна. Скатертью дорога...

Кубыркина. А дочка ваша за нашего жениха не выйдет... не выйдет!

Дарья Семеновна. Ваша просидит в девках!

{	Дарья Семеновна.	Кубыркина.
	Да я вам, да я вас... да это неслыханная грубость!.. Да вы со мною так не разделаетесь. Прощайте, век бы с вами не видеться.	Я с собой шутить не позволю; у меня дядя — сенатор, я найду себе защиту! Уйти поскорей, чтоб хуже не было!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Александр один, потом Настасья Павловна.

Александр (из-за кресел). Вот она! вот она! вот она, штука-то какая! Одна кривобока, другая на ваге. Одна любит гусаров, другая итальянца... а обо мне говорят, что я дурак! (Выбежав из-за кресел.) Так нет же, не дурак! Я не позволю себя дурачить... я сделаю по-своему! Я выберу третью, то есть первую, не ту и не другую, а третью, то есть первую!.. Вот она, штука-то, вот она, вот она! (Увидя Настасью Павловну.) Да, вот и она! Погодите, сударыня, позвольте сказать вам два слова.

Настасья Павловна. Мне?

Александр. Вам... вы на меня сердитесь?

Настасья Павловна. За что?

Александр. Ну-ну, признайтесь, что сердитесь?

Настасья Павловна. Нисколько.

Александр. Как же! Я показал вам с первого раза столько внимания, а потом занялся совершенно посторонними предметами.

Настасья Павловна. Так что же!

Александр. Позвольте сперва спросить, у вас нет родственников гусаров?

Настасья Павловна. Нет.

Александр. Вы не поете итальянских арий?

Настасья Павловна. У меня нет голоса.

Александр. Какая вы бесценная девушка! Настасья... как по батюшке?

Настасья Павловна. Павловна.

Александр. Настенька! Я вам торжественно предлагаю руку свою.

Настасья Павловна. Ах, боже мой! Вы, конечно, нездоровы! Не послать ли за доктором?

Александр. Вы будете моим доктором.

Настасья Павловна. Извините, мне некогда...
(Хочет уйти.)

Александр (удерживая). Нет, решите сперва участь жизни моей. Не конфузьтесь только; скажите, будет ли вам приятно, чтоб я женился на вас?

Настасья Павловна. Я удивляюсь, как вы смаете говорить так со мной. Я бедная девушка, но я не позволю дерзких шуток.

Александр. Да помилуйте, я не шучу; я имею положительное намерение жениться на вас.

Настасья Павловна. Да кто вам сказал, чтоб я разделяла это намерение! С чего вы взяли, чтоб я вышла замуж за первого встречного? Я знаю, в Петербурге богатые женихи не опасаются отказа, но для меня в жизни есть еще многое, кроме денег. Там, в гостиной, говорил сейчас, что у вас два миллиона, и, признаюсь, по этому

случаю я столько наслышалась, что мне гадко стало. Впрочем, вам жениться не трудно, скажите только слово... и невесты сбегутся со всех сторон, а мне нужен не бумажник, а человек, которого я бы могла любить и уважать. Прощайте!

Александр. Настасья Павловна! Выслушайте меня. Настасья Павловна. Зачем? Вы ошиблись во мне: я не похожа на других... Где вам понять гордость бедной девушки, которая, за неимением других сокровищ, хранит свое душевное богатство? Она не променяет души своей на роскошь, ей не нужную; она может сжалиться и несчастливцу, потому что она высоко себя ценит, но никогда не продаст себя.

Александр. Так вы мне отказываете, Настасья Павловна?

Настасья Павловна. Решительно.

Александр. И надежды не оставляете?

Настасья Павловна. Ни малейшей.

Александр. Послушайте, Настасья Павловна, я глуп, смешон, дерзок, неуч — все, что вам угодно; только, право, человек я не дурной. У меня нежное сердце; ну, виноват ли я; ну, поверите ль — все думаю, как бы привязаться, полюбить хорошенько, да затем и basta! Душа-то, душа-то так и шепчет: «Привяжись, болван, привяжись», ну, а тут как нарочно, судьба так и дразнит. То гусар подвернется, то итальянец какой-нибудь, а я в дураках с деньгами! Ну, чорт ли мне в этих деньгах... скажите сами... Все хотят моих денег, а меня-то, меня-то самого никто не хочет.

Настасья Павловна (*в сторону*). Он в самом деле жалок. (*Вслух*.) Поищите, не торопитесь — найдете, может быть.

Александр. Да я хочу вас, Настасья Павловна; вы открываете мне глаза. Я чувствую себя новым человеком; жальтесь над моим богатым положением.

Настасья Павловна. Я вам сказала свой реши-

тельный ответ. Будьте уверены, что я говорила с вами по убеждению, а не из пустого кокетства. Не сердитесь на меня; этот урок может быть вам полезен; когда вы будете слишком забываться с некоторыми женщинами, вы вспомните невольно, что есть такие, которые не только заслуживают, но даже требуют уважения. (Холодно приседает и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XVII

Александр, потом все действующие.

Александр. Фу ты, пропасть! Час от часу не легче. Давеча было три невесты, а теперь ни одной!

Золотников (в дверях). Ну, что, решился?

Александр. Погодите, погодите...

Золотников. С кем поздравить?

Александр. Да ни с кем: отказала!

Золотников. Кто, Катенька?

Александр. Нет.

Золотников. Машенька?

Александр. Да нет!

Золотников. Так кто же?

Марья Петровна (входит). Александр Васильевич, что это значит? Правда ли, что вы делали предложение Катеньке? Вы оскорбить меня хотите? Только это так не обойдется... У меня есть брат на Кавказе... Вы с ним не разделаетесь. Слышите ли?

Александр. Я, право, не понимаю, что вам угодно.

Золотников. Вот она каковская!

Кубыркина (входит). Она уже здесь, а я-то на что? Выпровожу, не оставляю вдвоём. Марья Петровна, я у вас в комнате платочек оставила. Позвольте получить.

Марья Петровна (в сторону). Какая несносная! Вот во-время пришла! Сейчас принесу-с.

Кубыркина. Извините за беспокойство! (Уходит.)

Катерина Ивановна (входит). Александр Василич, что я узнала? Вы опять хотите обмануть меня: на Машеньке сватаетесь. Это уж слишком... это вам не пройдет даром — мой троюродный брат вступится за меня, будет биться с вами на пистолетах, убьет, непременно убьет!

Золотников. Хороша и эта.

Дарья Семеновна (входит). Так и есть, она уж подцепила молодца: а я-то на что? Катерина Ивановна, вас маменька зовет.

Катерина Ивановна (в сторону). Вот в пору пришла, чтоб ее... (Вслух.) Где ж она?

Дарья Семеновна. Сюда, кажется, пошла; я вас провожу... (В сторону.) А уж вдвоем не оставляю.

Уходят.

Александр. Слышишь, батюшка, что за история.

Золотников. Молчи!

Настасья Павловна (проходя через сцену). Ах, я думала, что вы уехали!

Александр. Нет, я иду... я еду... Настасья Павловна, я в отчаянии.

Кубыркина, Катенька, Машенька, Дарья Семеновна выбегают из разных дверей и кидаются на Александра, скороговоркой и почти вместе.

Дарья Семеновна. Нет, это так оставить не может!

Кубыркина. Это должно объясниться!

Марья Петровна. Да-с, извольте сказать правду!

Катерина Ивановна. Довольно я страдала от вас!

Дарья Семеновна. Вы сватались на моей Машеньке?

Кубыркина. Вы сватались на моей Катеньке?

Вместе

Дарья Семеновна. Я не дам оскорбить моей дочери.

Кубыркина. А я буду жаловаться; у меня дядя сенатор.

Катерина Ивановна. Да что же вы глаза вытаращили?

Марья Петровна. Что вы стоите, как вкопанный? говорите же, объясните!

Золотников (выбегая на авансцену). Саша, Саша! Здесь ты? Саша, пропали мы с тобой! Погиб! Беда случилась! Дурно мне!

Александр (с испугом). Батюшка! Что это с тобой сделалось?

Золотников. Лопнул! Лопнул!

Александр. Кто лопнул?

Золотников. Тамбов.

Все. Тамбов!

Александр. Что, землетрясение?

Золотников. То есть не Тамбов, а откуп тамбовский, залоги все пропали — ведь на два миллиона было... все мое состояние! Вот письмо получил. Деревенька одна осталась, и ту с молотка... Саша! У нас ничего нет больше.

Александр. Ну, слава богу! А я так перепугался: думал, что с тобой холера сделалась! Ну и к чему так кричать? Денег у тебя не будет, а я-то на что, я-то на что?

Настасья Павловна (прислушиваясь). Да он благородный человек!

Марья Петровна. Ах, бедная Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Ах, несчастная Марья Петровна!

Кубыркина. Жалко мне вас, Василий Петрович; вот! можно сказать... неприятный контреданс.

Катерина Ивановна. Contre temps, мамзель.

Кубыркина. Все равно; вам остается смеяться!

Перед Промыслом... Сын ваш молод; теперь он остепенится, так женится на Марье Петровне.

Дарья Семеновна. Нет, сын ваш сватался на Катерине Ивановне; я у нее женихов не отбиваю — пускай живет счастливо.

Золотников. Да позвольте спросить: кто же выходит за Сашу?

Марья Петровна. Уж, конечно, не я.

Катерина Ивановна. Да и не я!

Золотников (*Настасье Павловне*). Так не вы ли?

Александр. Нет, батюшка; она мне и, богатому-то отказала! Пойдем отсюда; пора за ум взяться: от денег-то у меня и голова кругом пошла; такая забила дурь в голову. Теперь надо самому быть человеком. Что ж ты думаешь, чурбан я, стул, скотина какая-нибудь, не чувствую, чем я тебе обязан? Ты поработал на своем веку для меня, слава богу; теперь моя очередь. Обеспечу тебя, прокормлю тебя, работать стану, пойду во что угодно, в магазин, в поденщики, в сапожники, в мастеровые, в батраки, в журналисты, в литераторы! (*Публике*.) Господа, есть ли у кого местечко? Без протекций, вы сами знаете, ведь трудно. Не откажите, оправдаю: честен, добро, предан, останетесь довольны! Ну, пойдем, батюшка, будем сами собой, а не придачей к своим деньгам. Урок этот стоит всего твоего богатства.

Золотников. Ну, пойдем.

Настасья Павловна. Погодите, Александр Васильич, я перед вами виновата.

Александр. Вы?

Настасья Павловна. Я оскорбила вас давеча, потому что не знала благородства ваших чувств.

Александр. Не говорите, не говорите, а то опять сердце пойдет вверх дном; я теперь и свататься не смею.

Настасья Павловна. А я только теперь могу

согласиться на ваше предложение; во мне много гордости, и я чувствую, что могу заменить все, что вы потеряли. Вот вам моя рука.

Александр. Что я слышу? Настенька... Настасья Павловна!

Золотников. Дочь моя! Обними меня... Ну, и ты обними меня, только в последний раз.

Катерина Ивановна. Как трогательно!

Кубыркина. Вот глупость-то!

Дарья Семеновна. Да скажите, Василий Петрович, как это несчастье могло с вами случиться?

Золотников. Да оно, извольте видеть, матушка, не случилось, а могло только случиться.

Кубыркина. Что это значит?

Золотников. А это значит, что я еще в прошлом году отказался от всех откупов, а два миллиончика пойдут, так уж и быть, Настеньке на булавки. Схитрил, матушка; грешный человек! Вот Сашу своего выручить хотел.

Настасья Павловна. Так вы меня обманули?

Дарья Семеновна. Это из рук вон!

Марья Петровна. Какова Настя? Ведь провела, догадалась, должно быть.

Катерина Ивановна. Наперед все знала; впрочем, я очень рада!

Кубыркина. Это ни на что не похоже; мы не дадим себя дурачить; у меня дядя сенатор!

Слуга (входит). Гости приехали.

Дарья Семеновна. Пойдем, Машенька; делать нам здесь нечего. А ты, матушка, поздравляю — мастерица! Отплатила за мои попечения! Всех провела!

Настасья Павловна. Я всех провела... Они в самом деле подумают... это нестерпимо! Нет, я скорей откажусь от слова.

Золотников. А кто говорил, что слово свято? Нет, если всякого толка бояться, так и жить нельзя будет. Нет,

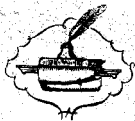
пускай говорят, что угодно, а мы веселым пирком, да за
свадебку.

Александр. Поскорей бы, батюшка!

Золотников. То-то же! А ты гляди на жену да вы-
бей пустяки из головы, и будет тебе радость да утешение,
а не беда от нежного сердца.

Александр.

Свои окончив похождения,
Теперь, в решительный сей час,
Просить я должен снисхождения
За сочинителя и нас.
Боимся мы, что надоели,
Вы, нас утешьте, господа,
Чтоб сердца нежного беда
Бедой не вышла в самом деле!

П. КАРАТЫГИН

ВИЦМУНДИР

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Осип Осипович Разгильдяев.

Иван Никанорович Гуторин.

Анна Егоровна Любецкая — вдова.

Григорий Сидорович Мелюзга — эскутор.

Фекла — кухарка Разгильдяева.

Слуга.

Фадеев — сторож из департамента.

Действие происходит в Петербурге.

Театр представляет порядочную комнату, но в которой все в беспорядке: комод с выдвинутыми ящиками, стол с разбросанными бумагами, в середине общий выход, справа другие двери с наружным замком.

ЯВЛЕНИЕ I

Фекла (одна, метет комнату). Экой человек какой!.. Вечно все разбросано да раскидано, ни одной штуки нет на своем месте; поди вот, прибирай за ним, а после все Фекла виновата: с большой головы да на здоровую! Вот туфля в комод, а полотенце в сюртуке, фуражка на полу, а сапог на столе... Эвось! два двугривенных валяются! Экой богач, подумаешь! А после кричит, куда деньги дева-

лись? Ведь вот другая бы на моем месте нашла бы, да и припрятала, а там ищи да свищи. Ну уж барин, хуже малого ребенка. Ахти, никак кто-то пришел?

ЯВЛЕНИЕ II

Фекла и Гуторин.

Гуторин. Здравствуй, Феклуша.

Фекла. Здравствуйте, батюшка, Иван Никанорович.

Гуторин. Что, проснулся?

Фекла. Куда те, батюшка; с полчаса как уехал.

Гуторин. Уехал? Так рано! Куда же это?

Фекла. К дилектору, батюшка, к дилектору!

Гуторин. А! Верно, какое-нибудь особенное дело?

Фекла. Верно, уж что-нибудь такое.

Гуторин. Да разве он часто ездит к директору?

Фекла. Нет, при мне в первый раз такой чести дослу-
жился... Вчерась непременно мне наказывал разбудить
себя в семь часов. «Коли, дискать, засплюсь, Феклуша, на-
помни, что нужно к дилектору». Я так и сделала, — нель-
зя, служба! Я было самовар хотела поставить, а он гово-
рит — некогда, после напьюсь, велел браться подать. Я
принесла от суседа кипятку, а его и след простыл.

Гуторин. Какой чудак! Как же он вчера просил, меня
притти к нему в девять часов, хотел о чем-то важном по-
советоваться.

Фекла. Ну, батюшка, на этом не прогневайтесь; уж у
него такая поведенция: говорит одно, делает другое, а за
третье хватается... Уж я-то к нему привыкла: все надо на-
помнить да носом сунуть, сам ничего не догадается! Такой
растеряха, что и сказать нельзя... Не приготовь ему обе-
дать, так он просидит до вечера да и ужинать не спросит...
И в департаменте-то, говорят, каждый божий день что-
нибудь да настряпает. Вот... к нам ходит с бумагами сто-
рож Фадеев, так такие штуки про него рассказывает, что

уморушки: то, говорит, пустую бумагу запечатает, то хватит чернила вместо песку, спросит сургучу, а жжет карандаш на свечке... А уж как придет из гостей, так я все карманы обшарю: то чужую табакерку унесет, то запикает салфетку вместо носового платка; о калошах да о шляпах и говорить нечего... Ведь, поди-ка другой, не знавши его, подумает, что он нечист на-руку, а уж куда ему до чужого: свое-то возьми кто хочет!

Г у т о р и н. Прошу. покорно!

Ф е к л а. Один раз у меня на куфне такую штуку отмолил, что, как вспомню, так вот так смех и разбирает. Любит он, батюшка, яички в смятку... Ну, иной раз случится, али не доваришь, али переваришь... Рассердился мэй барин... Я, говорит, тебя, дура, научу... Надо, говорит, варить пять минут... Ну, хорошо, вот и пришел на куфню со своими часами; а часы-то были старинные, здоровые, вот, с большую луковицу... Я, кипятку в кастрюле поставила на плиту, а он, мой сердечный, часы-то бултых в кастрюльку, а на яичко-то смотрит.

Г у т о р и н. Ну, хорош молодец! Да что это с ним сделалось. До моего отъезда в Москву он хоть и был немножко забывчив, да все не так.

Ф е к л а. Есть зазноба, батюшка!

Г у т о р и н. Эге!

Ф е к л а. Жениться хочет.

Г у т о р и н. Неужели?

Ф е к л а. Как же!.. Куда люди, туда и мы; да уж где нашему теляти волка поймати; чай, опять, по-старому, на бобах останется. У него, моего сокола, раза два до обручения доходило, а там, смотришь, напроказит что-нибудь, и мое почтение. Конечно, женитьба дело хорошее, да ведь возьми жену, так надо за ней глядеть, а он и под носом ничего не видит... Нече говорить, барин хороший, и человек-то был бы деловой, да никакого дела поручить нельзя... Ах-ти, никак я двери-то не заперла, кто-то на куфню пришел.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и слуга (с узлом).

Слуга. Здравствуй, Фекла Никитишна. Дома барин? Фекла. На что тебе?

Слуга. На что? Коли спрашивают, так, стало быть, нужно... Поди же, доложи ему.

Фекла. Да где его взять? Он в департаменте.

Слуга. Уехал!.. Ах, боже мой!.. Что же вы со своим барином делаете? На что это похоже!

Гуторин. А что случилось, любезный?

Слуга. Да помилуйте, сударь, наш вицмундир унес.

Гуторин. Как это?

Слуга. Да вчера он был у нас в гостях, играли на мильярде, в комнате было жарко, господа сняли фраки, а он изволил напялить наш вицмундир!

Фекла. Ахти, батюшка, как же это я не догадалась!

Слуга. Сегодня надо барину было ехать к своему директору в восемь часов. Он получил вчера повестку. Хватить и платье, а вицмундир чужой; он меня бранить, а чем я виноват: гостей было много, разошлись поздно, ведь всякого не осмотришь. «Это, верно,— говорит,— сумасшедший Разгильдяев обменял!» Нечего делать, сами надели черный фрак, а меня послали сюда с его вицмундиром.

Фекла. Экое горе какое!

Слуга. Право я не знаю, Фекла Никитишна, как это он у вас такой,— ведь мой барин ему по пояс; как его угодило вспялить на себя?.. Чудное дело! Наш брат иной раз подгуляет, придет без сюртука домой, а уж чужого не наденет.

Фекла. Ну, велика важность!.. Что ж делать! Наш-то фрак еще пошире вашего, так твоему-то бы пришлось в пору.

Слуга. Экая глупая... да ведь это другого министра!

Фекла. Ну что ж что другого, коли ошибка случилась, так бы и директору сказал.

Слуга. Да, ты думаешь, что это как у тебя на кухне, что ложка, что чумичка — все равно: ведь у нашего серебряные пуговицы, а у вашего золотые.

Фекла. Ну, что ж, с золотыми-то еще красивее.

Слуга. Поди вот с ней толкуй. Я твоего-то барина вперед пускать не буду! На, возьми свой фрак, а я за своим после зайду, да вперед гляди в оба, коли камердинерскую должность исправляешь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Гуторин и Фекла.

Фекла. Эх разважничал! Как будто и невесть что? Камердин! Камердин! Было бы из чего... ему не по карману человека держать... Ох, вы, камердины! Станете чистить господское платье, так прежде, чай, карманы очистите, а я вот копейкой не пользуюсь.

Гуторин. Ну, полно, полно, Феклуша.

Фекла. Да нельзя, сударь, обидает. Вот давай двугривенных нашла и положила на стол, а уж камердин бесприменно снес бы в растерацию... Вон и фракто нечищенный принес, весь в мелу, словно из лаптя.

Гуторин. Кто-то звонит? Не он ли?

Фекла. Нет, батюшка, это у суседа. Камердин! Камердин! Небось, как сам господское платье по праздникам надевает, так ничего... а я уж этого никогда не сделаю.

Гуторин. Нет, верно, я его не дождусь... Скажи же ему, как он придет, что я был и что мне некогда было дожидаться.

Звонят.

Фекла. Слушаю, сударь... Эх, какие! Это, верно, звонят опять в пустую фатеру подле нас... весь колокольчик

оборвут, а там никто не живет. Ну, что вы звоните? Кого вам надо?.. Они уже переехали на другую фатеру: спросите у дворника! Ах, батюшки-светы, да это барин!

Гуторин. Ломится в чужие двери; хорош, своих не узнает!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Разгильдяев (в шинели, в шляпе и с распущенным зонтиком).

Разгильдяев. Ну, насили ты пришла! Что ж ты не открываешь дверей? Я целый час звоню.

Фекла. Вольно же вам трезвонить в пустую фатеру.

Разгильдяев. А ты и не слышишь!

Фекла. Как не слышать... да вы-то ничего не видите.

Разгильдяев. Э! пошла, дура!

Фекла (уходя). Вот, я же дура!

Гуторин. Боже мой! Лицо измято, шинель наизнанку, в чужом вицмундире и с зонтиком в комнате...

Разгильдяев. Ах, Никанор Иванович! Здравствуй, мой милый. Давно ли ты здесь?

Гуторин. Да уж с четверть часа тебя дожидаясь.

Разгильдяев. Что же это значит?.. Что тебе вздумалось так рано притти ко мне? Не случилось ли чего-нибудь?..

Гуторин. Да ведь ты сам просил меня...

Разгильдяев. Я? Когда?

Гуторин. Вот хорошо, — а вчера в Гороховой?

Разгильдяев. Да, да; спасибо, что не забыл... очень тебе благодарен: дело важное...

Гуторин. Но скажи-ка лучше, что с тобою сделалось? Зачем ты воротился?..

Разгильдяев. Как воротился?..

Гуторин. Разумеется: теперь только еще девять часов.

Разгильдяев (вынимает табакерку). Ну да, девять часов.

Гуторин. Ха-ха-ха! Хорош! Смотрит часы на табакерке... Да возьми, братец, глаза в зубы.

Разгильдяев. Зачем глаза в зубы?

Гуторин. Да это-то что?

Разгильдяев. Что? Табакерка... Не хочешь ли табаку?

Гуторин. Фу! Какой несносный, ничего не понимает... Я тебя спрашиваю: зачем ты приехал? Что ты забыл что-нибудь, а?..

Разгильдяев. Да я ничего не забыл... Я все помню... Что ты ко мне привязываешься! Ведь это, кажется, моя квартира.

Гуторин. Отчего же ты сам не свой? Отчего на тебе чужой вицмундир?

Разгильдяев. Ах, боже мой! Хорошо, что ты напомнил... Я ведь именно за этим-то и приехал.

Гуторин. Ну, насилу!

Разгильдяев. Вообрази, братец... Я вчера был в гостях у Пучеглазова и, верно, как-нибудь второпях...

Гуторин. Знаю, знаю; вот об этом-то я тебе толкую целый час.

Разгильдяев. Это все она! Ни за чем не смотрит. Эй! как тебя, кухарка!.. Фекла! Фекла!

Фекла (за кулисами). Сейчас, батюшка.

Гуторин. Как это тебя угораздило; ведь он тебе совсем невпору: и рукава коротки и фалды на спине.

Разгильдяев. Эх, братец; я встал в восемь часов, была такая тьма, что ж тут мудреного.

Гуторин. Тебе, я думаю, всю грудь сдавило.

Разгильдяев. Ужасно жало и плечи, и грудь, да я полагал, что это от дурной породы.

Фекла (входит). Что прикажете?..

Разгильдяев. Что тебе надобно?

Фекла. Да вы меня сейчас кликали.

Разгильдяев. Кликал?.. Да, может быть... А зачем я тебя кликал?

Фекла. Не знаю, что прикажете?

Разгильдяев. Какое дурацкое слово — «что прикажете». Коли я звал, так, верно, нужно было. Ну... сделай... что-нибудь...

Фекла. Да что же прикажете?

Разгильдяев. Опять! Убирайся! Ты мне надоела... Коли я что забыл, так ты никогда не вспомнишь!

Фекла (*Гуторину*). Каков молодец! (*Уходит.*)

Гуторин. О! да он сегодня — прелесть! Послушай, Осип Осипович, ведь, глядя на твои проказы, можно лопнуть со смеху. Я удивляюсь, как даже швы-то не лопнут на тебе.

Разгильдяев. Отчего?

Гуторин. Да посмотри на себя: ведь на тебе точно Тришкин кафтан.

Разгильдяев. Ах, спасибо, что ты напомнил. Ведь эта старая дура видит, что я в чужом платье, и не скажет... ни о чем не подумает. Вообрази, братец, какая история вышла из этого вицмундира! Ты знаешь, что касается до службы, я человек исправный, всегда с вечера запишу, что надо сделать поутру; так точно и вчера. Возвратясь от Пучеглазова, вынул из бокового кармана бумаги, разбираю и нахожу записку: «Его превосходительство господин директор просит вас завтра в восемь часов к нему на дом по экстренному делу: если он будет опочивать, вы имеете приказать разбудить его превосходительство». Я стал припоминать, когда я получил такой циркуляр; хоть зарежь, не помню... однако ж, коли записка в моем кармане, стало быть, ко мне... Вот я велел разбудить себя в семь часов, отправляюсь к директору, — спит. Я прошу разбудить, камердинер не хочет; я гово-

рю — приказано; камердинер ушел в спальню его превосходительства. Я сажусь, слышу, его превосходительство изволит ворчать и сердиться... Ну, думаю себе, верно, его превосходительство изволит вставать с постели левой ногой; какое мне дело: я не виноват. Наконец, его превосходительство выходит в неглиже, без парика... Я как увидел его без парика, испугался, ей-богу испугался; так вот мороз по коже и подрал!.. Он смотрит на меня таким зверем, — я молчу... Он протирает глаза, я — ни слова, потом изволит зевать, я тоже из учтивости зевнул; наконец, спрашивает: «Что случилось?» Я отвечаю, что, мол, прикажете. Он глядит на меня, разиня рот, и я смотрю на него. «Здоровы ли вы?» — говорит. Я говорю: «Слава богу, ваше превосходительство. Как ваше здоровье?» — «Вы, верно, — говорит, — не выспались?» — «Нарочно-де приказал разбудить себя пораньше, чтоб не опоздать к вашему превосходительству». — «Да кто вам от меня надобно?..» — «По приказанию вашего превосходительства», — и подаю ему повестку. Он прочел, пожал плечами, перевернул записку, посмотрел адрес... «Это, — говорит, — не от меня и не к вам: вы видите — это чужое письмо!» У меня и руки опустились...

Г у т о р и н. Я воображаю!

Р а з г и л ь д я е в. Потом осмотрел меня с ног до головы; повернул... «Это, — говорит, — что значит? На вас мундир другого министерства...» Я глядь на пуговицы, а от белых орлов у меня в глазах потемнело! «Если, — говорит, — вы не хотите служить под моим начальством, так можете подать в отставку!» Я говорю: «Ваше превосходительство, простите великодушно, не доглядел... по ошибке!» — «Хорошо, — говорит, — я думаю, у вас дела должны идти». Сказал что-то по-французски и пошел опять в спальню. Я поклонился ему вслед и со всех ног бросился, как угорелый!

Г у т о р и н. Ну, брат, директора этаких шуток не лю-

бят... Я тебе советую переодеться, съездить опять к нему и хорошенько извиниться.

Разгильдяев. Непременно, непременно. Я для того-то и заехал домой... Чорт возьми! Это предосадно!.. Особливо, если узнает об этой истории наш экзекутор, он завтра по всему городу разнесет... Вообрази, что он на меня наговорил...

Гуторин. Бог с ним... Итак, то дело, для которого ты звал меня, мы отложим до другого раза.

Разгильдяев. Нет, братец, нет, никак нельзя. Это такое дело... такое важное дело, что непременно надо его кончить сегодня поутру; от него, может быть, зависит мое счастье, моя будущность... и ты по дружбе мне поможешь... Ведь ты законник... юрист! Ты знаешь все указы, как свои пять пальцев.

Гуторин. Что же это за дело?

Разгильдяев (*надевает халат на мундир*). Сейчас, сейчас. Я вот только надену халат, чтоб покойнее было работать... Я уж не пойду в департамент... Мы вместе с тобой займемся, и к обеду все будет готово...

Входит Фекла.

Ну, что тебе еще? Зачем ты опять?..

Фекла. Да Пучеглазый лакей за мундером пришел.

Разгильдяев. Ну, хорошо... отдай его и убирайся, не мешай нам. Вот, видишь ли, в чем дело...

Фекла (*ищет мундир*). Куда же вы его положили?

Разгильдяев. Ах, как она надоела!

Фекла. Ведь вот это наш мундер, а чужой-то где?

Разгильдяев. Так неужели же я его проглотил. Поди ищи, где хочешь, только оставь меня в покое. Вот, видишь ли, дело очень простое; нужна только справка: есть ли такой закон, на основании которого вдова... например... в вицмундире другого министерства.

Гуторин. Что, что такое? Вдова в вицмундире?..

Разгильдяев. Эх, нет, братец, я все думаю: как это я его вчера надел...

Гуторин. А я так удивляюсь, как ты его до сих пор не снимешь.

Разгильдяев. Как не снимешь?.. Разве... я... Ах, чорт возьми! На, бери и убирайся! *(Бросает ей халат.)*

Гуторин. Ха, ха! О! да с ним комедия!

Фекла. Нет... уж халат-то вы носите себе по праздникам, а чужое-то надо отдать.

Разгильдяев. Ты ни за чем не смотришь. Я из-за тебя, старой дуры, всегда в дураках остаюсь.

Фекла. Ну уж, батюшка, я в этом не виновата ни душой, ни телом!

Разгильдяев. Постой, постой! Что бишь я такое хотел спросить?.. Да, пил ли я сегодня чай?

Фекла. Нетутка, сударь, не кушали.

Разгильдяев. Видишь! Ты никогда ничего не помнишь: подавай самовар!

Фекла уходит.

Гуторин. Ну, полно по пустякам сердиться; продолжай лучше о своем важном деле.

Разгильдяев. Постой... я вот тебе лучше его прочту. У меня уж почти все написано... Куда оно девалось? *(Разбрасывает бумаги по полу.)* Я помню, что вчера здесь его положил...

Гуторин. Да что же, это — департаментское дело?

Разгильдяев. Нет, братец... одна особа поручила мне быть ходатаем по ее делам.

Гуторин. Эге! да ты у нас хлеб отбиваешь.

Разгильдяев. Вот, кажется, оно... Нет, это купца Северюгина о покупке дров... Вот, вот... Нет, опять не то... Что за дьявольщина! *(Ходит по разбросанным бумагам.)*

Гуторин (смываясь). Ну, брат, я вижу, ты славно ходишь по делам!

Разгильдяев. Как это досадно! Чем больше торопишься, тем хуже... Ну да все равно, я покуда на словах объясню.

Гуторин. Ну, ну, говори...

Разгильдяев. Вот видишь ли... Согласись, что холостая жизнь в наши лета самая неприятная вещь.

Гуторин. А, вот что: так об этом-то ты и хотел со мною посоветоваться?

Разгильдяев. Нет, это так. теперь к слову пришлось... Ведь мне пора жениться, не правда ли?

Гуторин. Разумеется; это тоже хорошее дело; добрая жена — сокровище.

Разгильдяев. Ну, спасибо; я был уверен, что ты одобришь мое намерение... Ах, как я рассеян в самом деле и не спрошу, здорова ли твоя жена?

Гуторин. Моя жена? Да я, братец, еще не женат.

Разгильдяев. Неужели? Да с чего же я это взял.

Гуторин. Так, маленькое рассеяние...

Разгильдяев. Вот хорошо... рассеяние! Я все помню. Ты мне писал, кажется, десять лет тому назад.

Гуторин. Прошу покояно! Ведь вот этакую старину вспомнил! Да, мой друг, был бы женат... да...

Разгильдяев. За чем же дело стало?

Гуторин. Полно, полно; что об этом говорить! Это дело решенное, давно спрятано в сердечный архив, так уж не воротишь.

Разгильдяев. Нет, нет, это нехорошо. Ты знаешь, как я тебя люблю... Ты должен мне все рассказать, ведь я твой друг.

Гуторин. Мой друг! На свете нет друзей: это — все мошенники.

Разгильдяев. Неужели?

Г у т о р и н. Да, и если ты этого еще не испытал, так со временем узнаешь. Я тебе за это отвечаю.

Один приятель мой давнишний
Свою мне дружбу доказал;
С тех пор уж дружбе закадычной
Я ни на грош не доверял.

Р а з г и л ь д я е в. За что ж ты отальных порочишь?

Г у т о р и н.

Верь философии моей:
Когда врагов иметь не хочешь,
Не заводи себе друзей.

Да, брат, десять лет назад я действительно был почти сговорен; все было слажено, но добрый приятель, который мне был даже многим обязан, оклеветал меня перед отцом невесты; мне отказали; ее выдали замуж почти насильно, а я уехал в Москву... Эх, зачем ты заговорил об этом... Смешно сказать, а я до сих пор еще грущу о ней, до сих пор не могу забыть ее; да, старая любовь не ржавеет; а как мы любили друг друга, и как она, бедняжка, после была несчастлива!.. Ну, да довольно: что было, то прошло. Рассказывай лучше о своем деле.

Р а з г и л ь д я е в. Мне тебя очень жаль, но девушки народ легкомысленный: у них только ветер в голове; поэтому, если жениться, так на вдове... По крайней мере, я терпеть не могу нанимать квартиры в новом доме, в котором никто еще не жил, не люблю ни нового платья, ни сапогов, ничего нового.

Г у т о р и н. О вкусах не спорят, но ведь жена — не сапог, с ноги не сбросишь, и потому надо быть осторожным.

Р а з г и л ь д я е в. Ах, брат, если бы ты видел мою вдовушку.

Г у т о р и н. А! так ты женишься на вдовушке? И у вас все уже кончено?

Р а з г и л ь д я е в. Напротив, еще не началось, но я на-

деюсь... Вот об ее-то деле я и хочу с тобой посоветоваться. Она месяца два назад приехала сюда хлопотать о своей тяжбе; надо на этих днях непременно подать бумагу... туда... Ее тетушка мне давно знакома и обещалась посватать, если я помогу им выиграть их дело.

Г у т о р и н. Дело, дело. Мы тебе тоже поможем.

Р а з г и л ь д я е в. Спасибо, спасибо, дружище, но вот беда: на прошедшей неделе они обе на меня ужасно рассердились.

Г у т о р и н. За что же?

Р а з г и л ь д я е в. Это все наш экзекутор насплетничал!.. Он как-то втерся к ним в дом, начал приволакиваться за вдовушкой и, вообрази, что наговорил им обо мне, будто я человек пустой, рассеянный, и что, если они не передадут кому-нибудь другому свою тяжбу, то непременно ее проиграют. Я—рассеянный? Да, кажется, нет человека исправнее меня. Я решительно все помню.

Г у т о р и н. Ну, а как зовут твою вдовушку?

Р а з г и л ь д я е в. Как зовут... то есть, как фамилия... или имя и отчество?

Г у т о р и н. Неужели ты забыл?

Р а з г и л ь д я е в. Ну, вот забавно: и ты, как экзекутор!.. Разве можно ее забыть, когда я от нее без памяти. Ее зовут... Куда я девал ее бумаги?.. Там все подробно описано... и как зовут и за кем была замужем и о чем хлопочет, все как следует...

Г у т о р и н. Боже мой! Какая это несчастная вдова поручила ему свою тяжбу.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Фекла.

Фекла. Письмо, батюшка, принесли.

Р а з г и л ь д я е в. От кого?

Фекла. Из Гороховой, говорит, улицы.

Разгильдяев. Боже мой! Это от нее!

Гуторин. От вдовушки?

Разгильдяев. Ах, какое счастье! Она в первый раз ко мне пишет!.. Извини пожалуйста. «Что вы с нами делаете? Вот уж целые две недели вы не можете приготовить той бумаги, о которой мы вас просили; послезавтра срок. Если вы не можете или не хотите, то, ради бога, пришлите назад наши бумаги — и бог с вами». Боже мой, что она обо мне подумает? Что я наделал? Куда я девал ее бумаги? Поди, скажи человеку, что я сейчас приду... Постой, постой! Помоги мне пожалуйста: дело пустое!.. Только надо подвести ссылку на указ. Ступай, скажи, что хорошо... Видишь, у ней о чем-то тяжба... Постой, погоди!.. Скажи ему, чтоб он подождал. Ступай... нет, нет, подожди... Ну, братец, если б тебя здесь не было, я не знаю, что бы со мною было!.. Нет ли у тебя «Свода законов»? Принеси, пожалуйста.

Гуторин. Как, все томы?

Разгильдяев. Нет, нет... не все, а надо справиться в этом томе, где говорится о том... Понимаешь?

Гуторин. О тяжбах, что ли? Это в десятом томе.

Разгильдяев. Да, да, в десятом я и хотел сказать. Выручи меня, пожалуйста; мы с тобой разом кончим, привези поскорее. Если ты мне друг, найми извозчика, не теряй времени, а я между тем отыщу бумаги.

Гуторин. Ну, хорошо, хорошо, я сейчас ворочусь... О, бедная вдова! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Разгильдяев и Фекла.

Фекла. Что же человеку-то сказать?

Разгильдяев. Человеку? Какому человеку?

Фекла. Ну, а лакею-то из Гороховой?

Разгильдяев. Дай мне бриться!

Фекла. Вот во-время выдумал! А человеку-то велеть подождать, что ли?

Разгильдяев. Да, пускай дожидается... Я сейчас напишу... Точно, надо написать, извиниться... Это будет лучше всего. *(Пишет.)* «Ради бога не сердитесь на меня! Я вас люблю, обожаю... и через час все будет готово; один ваш ангельский взгляд, — и я счастливейший человек в мире!» Прекрасно: и коротко, и ясно.

Фекла *(входит со стаканом воды)*. Вот вода, батюшка.

Разгильдяев. Дай огня.

Фекла *(уходя)*. Ох, батюшка, с ног сбил меня, старуху... Хоть бы уж женился скорее, авось бы жена взяла в руки!

Разгильдяев. Впрочем, все равно... можно облаткой запечатать... Надо выбриться поскорее, а то после забудешь как-нибудь, приедешь к ней небритый.. *(Мылит бороду.)* Неужели она не сжалится надо мною? Попрошу тетушку, чтоб она заступилась за меня.

Фекла *(входя)*. Сторож из департамента пришел.

Разгильдяев. Что ему надобно?

Фекла. Не знаю, говорит, мол, нужно самого видеть.

Разгильдяев. Ну, зови его. Что может быть ужаснее, как торопиться: хочешь бриться, а тут к тебе с ножом к горлу приступают!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Разгильдяев и Фадеев.

Фадеев. Здравия желаю, ваше благородие.

Разгильдяев. Здорово, брат... как тебя? Что скажешь?

Фадеев. Секутор вас к себе требует, по приказанию директора, ваше благородие.

Разгильдяев *(вскакивая)*. Ну так! Это все из-за

проклятого вицмундира. Скажи, братец, что не застал дома.

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие.

Разгильдяев. Я болен!

Фадеев. Не могу знать, ваше благородие.

Разгильдяев. Вот тебе двугривенный, и чорт с тобой.

Фадеев. Покорно благодарю, только уж пожалуйте вместе со мною.

Разгильдяев. Ну вот тебе еще двугривенный, только скажи, что ты меня не видел, что я не могу встать с постели.

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие.

Разгильдяев. Что ж тебе еще надобно? Я болен! Видишь, я в белой горячке, я простудился; мне доктор не велел выходить со двора. Что ж ты меня за шиворот потащишь, что ли?

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие. Вы лучше извольте записку написать, а лгать перед начальством нижним чинам не приказано.

Разгильдяев. Ну, хорошо... сейчас! Подожди немножко... Проклятый экзекутор! Он рад теперь будет этому случаю... все им перескажет. *(Пишет.)* «Я болен, не могу явиться в департамент, а если вы, по обыкновению, мне не верите, так пришлите доктора. Ваш покорный слуга...» Как бишь моя фамилия?.. Ну, все равно — поставлю ковычку...

Фекла *(входит)*. Давешний-то человек говорит, что ему некогда дожидаться. Что же прикажете сказать?

Разгильдяев. Ах, боже мой! Это все ты! Ничего не напомнишь. *(Отдает письмо.)* На, отдай ему скорее. Ну, слава богу! Немножко поуправился, а то совсем вскружили голову.

Фадеев. Пожалуйте же, ваше благородие.

Разгильдяев. Что тебе еще?

Фадеев. Да записку-то к секютору. Ведь он без записки не поверит, опять меня протурит.

Разгильдяев. Разве я тебе ее не отдал?

Фадеев. Никак нет, ваше благородие, ничего не получил.

Разгильдяев (отдавая письмо.) На, вот оно. Смори, коли станет спрашивать, ничего не говори.

Фадеев. Слушаю, ваше благородие.

Разгильдяев. Ну, ступай же.

Фадеев. Счастливо оставаться! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Разгильдяев (один). Уф! совсем измучился! Выдастся же этакий денек! Кажется, теперь все улажено... Милая вдовушка, без сомнения, простит мою забывчивость... Ну, что за важность, что я приехал в чужом вицмундире, а директор, хоть человек горячий, но, верно, это не припишет какому-нибудь нерадению... долго ли написать апелляцию!.. И меня еще называют рассеянным; как будто рассеянные говорят так рассудительно. Я все помню, решительно все... Но что мне такое надо было еще сделать?.. Что-то очень нужное... Вот ведь и забыл! Экая память какая! Спросить разве Феклу, — нет, и она ничего не помнит. Я что-то такое потерял... Да, точно... Что же я потерял?.. Этот глупый экзекутор со своей дурацкой присылкой... Ах, да, вспомнил! Я искал бумагу моей милой вдовушки; давеча поутру я их положил, кажется, в боковой карман. Вот мой вицмундир... тут ничего нет... Кто же их взял? Ах, чорт возьми, давеча я был в чужом вицмундире, а его уже отослали... Надо поскорее ехать к Пучеглазову (надевает шляпу), чтобы он их как-нибудь не потерял!..

Фекла (приносит самовар). Ну вот и самовар готов. Кушайте на здоровье, а я сбегаю за сухарями. (Уходит.)

Разгильдяев (стоит в размышлении перед самоваром). Гм! подумаешь, какое прекрасное и полезное изобретение самовар!.. Гм! гм!.. да зачем же она его подала? Разве я еще не пил чай? Стало быть, не пил, коли она подала. В самом деле, у меня в горле пересохло от сегодняшней передрыги... Вот, как женюсь, уж не надо будет заниматься этими мелочами... Оно, разумеется, вещь простая... Что тут мудреного, положить чай... сахар.... (Все делает наизворот.) Налить кипятку... вздор, пустяки... (открывает кран; кипяток течет по полу), а все не так сделаешь, как женщина... Да, хозяйство в доме важное дело.

Жизнь холостая мне очень наскучила!

Как одному не скучать?

Целый день дома, заседаешь, как чучело,

Не с кем и слова сказать!

Нет никакого тебе утешения;

Вот хоть хозяйство возьмешь:

Тут беспорядок, а там упущение,

Точно в казармах живешь.

Кроме домашних хлопот и опрятности,

Даже по службе самой

Сколько различных обид, неприятности

Встретит наш брат холостой!

Как ни работает, как ни старается,

Все замечать не хотят;

В наших способностях всяк сомневается:

Он, говорят, не женат!

Если ж красавицей женой, как следует,

Кто заведется из нас,

Смотришь, начальник ласкает, обедает,

Там и прибавка тотчас!

Дети пошли, покумишься с директором;

Тут уж грешно отказать;

Будет вторым их отцом и протектором,

Это не шутка сказать!

Там и пошел! Через два или три года

Всех перегонишь друзей...

Да, быть женатым огромная выгода...

Надо жениться скорей!..

Да, да, пора жениться (смотрит на часы), пора; десятого половина, в самом деле, половина... Этак я опоздаю. (Надевает шинель.) Надо поехать к Пучеглазову за бумагами... Вот говорят, будто я рассеян, все помню, что надобно...

Фекла (входит с сухарями). Вот и сухари, батюшка. Кушайте на здоровье.

Разгильдяев (в шляпе). Подай мне фуражку...

Фекла. Вона, куда же это вы опять собрались?..

Разгильдяев. Не твое дело! Вот дура! Ни за чем не смотрит: видит, что я не в шляпе, и не скажет... Смотри же, я скоро ворочусь, а если кто-нибудь придет, так кланяйся, скажи, что я... ушел. (Уходит.)

Фекла. Здравствуй, батюшка! Кланяйся нашим, коли увидишь своих! Куда это его подмывает... Неужели он уж успел напиться... Ах, господи... Что он тут без меня настряпал!.. Экое море разлитое; и сам утек, и самовар выпустил. Ну уж механик!.. Поди вот служи этакому сумасброду, а еще жениться хочет! Этак, пожалуй, сосватается, да из-под венца тягу даст, ей-богу... Эх, он набедокурил! (Прибирает.)

ЯВЛЕНИЕ X

Фекла и Любецкая.

Любецкая. Здесь живет господин Разгильдяев?

Фекла (в сторону). Вот тебе раз, какая нарядная... Ах, батюшки-светы!.. Это, верно, невеста пожаловала.

Любецкая. Я тебя спрашиваю, здесь ли живет г. Разгильдяев?

Фекла. Здесь, матушка, здесь, милости просим; рады дорогим гостям.

Любецкая. И он смел мне прислать такое письмо?

Фекла. Садитесь, матушка, он скоро воротится.

Любецкая. Как, разве его дома нет?

Фекла. Сейчас вышел, матушка; да присядьте, присядьте, отдохните; он скоро воротится.

Любецкая. Несносный человек! И этому сумасшедшему мы поручили нашу тяжбу; и он еще просил тетушку, чтоб она его посватала! О, как я на него зла! Я его дождусь, непременно дождусь, чтобы разбраниться с ним навсегда!

Фекла. Экая лебедь какая! Ну, да и мой-то хорош гусь; беспорядочен маленько, а собой-то еще на порядках; право, пара хоть куда... Нече делать, надо к ней поддаться: будущая хозяйка! Вы уж, матушка, пожалуйста, не оставьте меня, бесталанную, своею милостью.

Любецкая. Что тебе надобно?

Фекла. Дело известное, сударыня, что и говорить... Конечно, может статься на первую пору, что и неладно сделаю, так уж не взыщите,— я ведь барину десятый годок служу; он мною доволен, хоть и выругает иной раз... да я неприхотлива; ведь всего восемь рублей на месяц, ну а тепереча побольше будет работы, так уж вы рублишко другой прибавьте.

Любецкая. Что ты ко мне пристаешь? Оставь меня, пожалуйста.

Фекла. У, какая недотрога! Допечет она моего сахара! Пожалуйста, сударыня, уж не берите другой куфарки; ведь старый человек надежнее какой-нибудь ветрогонки, сами знаете.

Любецкая. Ах, какая несносная! Иди прочь... Мне совсем не нужно кухарки...

Фекла (в сторону). Эге! Повара хочет взять! Вона какая! (Сквозь слезы.) Бог с вами! Ваша воля, матушка, я человек маленький, обидеть долго, ли, а уж другой такой не найдете; ей-богу, не найдете.

Хвастать мне собой не для чего,
А спросите обо мне хоть самого,
Кроме кофею горячего,
Никогда я не пивала ничего!

Повариха просто редкая:

И зажарю, и сварю, и закуплю.

Не чухонка и не шведка я,

А уж им я в чистоте не уступлю.

Со двора я неуходчива,

Шашни нет за мною, право, никакой;

Что ж касается до прочего,

Так останетесь во всем довольны мной.

Любецкая я. Да к чему ты мне все это говоришь? Я уж тебе сказала, что мне совсем не нужна кухарка.

Фекла. Понимаю, сударыня, понимаю; да ведь повар-то станет вам в копейку, ведь они, матушка, мошенники, ей-богу, мошенники; я вот на рынке-то насмотрелась: господам купит на рубль, а полтину в карман; сделает какую-нибудь фрикассею из костей, а покажет в счету и нивесть что; я хвастать не хочу: бламанжеи да немецкие совусы не беруся делать, а уж простое, облаковенное все смыслю. Кулебяку на свадьбу такую состряпаю, что любо-дорого.

Любецкая я. Какая свадьба? Что ты с ума сошла!

Фекла. Извините, матушка, проболталась, да ведь дело доброе, что скриваться. Коли бы не были невестой, так не пришли бы к нам... Дай бог вам совет да любовь! у него душа добрееющая; забывчив маленько, да как почаще напоминать, так будет исправен, не сумлевайтесь! Ах! да вот и он воротился!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Разгильдяев (с бумагами, кидает их на стол).

Разгильдяев. Вот дураки! Что тут смешного, что человек не успел выбриться... Ну, слава богу, — бумаги у меня; теперь все в порядке и я... Боже мой! Вы здесь! А я в халате... что я наделал! Извините, пожалуйста, я по-домашнему! Вы меня удостоили вашим посещением... Вы были так снисходительны...

Любецкая. И он еще хочет любезничать, как ни в чем не бывало... Послушайте, сударь, вы, наконец, вывели меня из терпения, и я решила сама приехать, чтоб увериться — в полном ли вы рассудке. Если бы вы, действительно, были больны, вы бы не ушли со двора, если же вы можете ходить, так могли бы обойтись со мной поучтивее.

Разгильдяев. Вы, кажется, сердитесь? Чем же я виноват перед вами?..

Любецкая. И он еще спрашивает! Смотрите, сударь, разве можно писать дамам такие вещи? *(Показывает письмо.)*

Разгильдяев. Как, неужели мое нежное письмо могло оскорбить вас?

Любецкая. Нежное письмо! Да вы, сударь, прочли ли то, что мне написали?

Разгильдяев. Помилуйте, за кого вы меня принимаете?

Любецкая. Читайте, сударь, читайте, если вы имеете привычку не думать о том, что делаете.

Разгильдяев. Позвольте, я вас не понимаю... Что я вижу!!! Это письмо совсем не к вам, ай-богу, не к вам. Это я писал к экзекутору; он ужасный человек; он хочет меня с вами поссорить; он, бог знает, что вам на меня наговаривает; вы ему не верьте.

Любецкая. Но ведь это ваша рука?

Разгильдяев. Моя-с... только я его не вам послал... Это все Фекла перепутала. *(Рвет письмо и бросает на пол.)*

Фекла. Я? Вот так-то! Да ведь вы сами мне отдали!

Разгильдяев. Ну, пошла, пошла, убирайся на кухню... Да смотри: кто бы ни пришел, скажи, что дома нет.

Фекла *(уходя)*. Понимаю, батюшка: не в пору гость хуже татарина.

Разгильдяев. Боже мой! Как мне совестно, как

досадно... Проклятый эзекутор; нужно же было ему прислать ко мне в то время, когда я... Ради бога, берегитесь этого человека: он к вам неравнодушен; он мне вчера еще говорил, что перебьет ваше ко мне расположение.

Любецкая. Он мне так же несносен, как и вы, сударь; но теперь не о нем. Послезавтра срок, надо подавать в Сенат...

Разгильдяев. Да-с, я знаю, ей-богу, знаю...

Любецкая. Вы знаете и до сих пор не можете написать прошение?..

Разгильдяев. Помилуйте, все готово, как следует: на гербовой бумаге; вот оно, извольте.

Любецкая. Что это? Тут о каких-то дровах?

Разгильдяев. О дровах! Ах, боже мой! Как поленом по лбу! Это дело Севрюгина, вот ваше. Извините, я каждую минуту думаю о вас, оттого-то и делаю беспрепятственные глупости.

Любецкая. Благодарю вас за комплимент.

Разгильдяев. Нет, Анна Григорьевна, я не то хотел сказать...

Любецкая. Прекрасно, сударь, вы даже имени моего не запомнили.

Разгильдяев. Тыфу, чорт возьми! Анна Егоровна хотел я сказать! Не сердитесь, ради бога, не сердитесь... Вот копия с определения Новгородской гражданской палаты, а вот и апелляция в Сенат совсем готова... только двух строчек не дописано... Это я здесь же при вас кончу... Дело ваше чистое. Садитесь, пожалуйста... И вы называете меня рассеянным, вы сомневаетесь во мне... Я вам сейчас докажу... тут два слова, и дело кончено... вот оно готово, совершенно готово... (Заливает чернилами.) Ах, чорт возьми!

Любецкая. Что еще?

Разгильдяев (бросает песочницу). Что я наделал! Проклятая песочница!

Любецкая. Прекрасно, сударь, только этого не доставало!..

Разгильдяев. Не беспокойтесь... Это я сейчас подскоблю.

Любецкая. О, варвар! О, мучитель!

Разгильдяев. Не сердитесь, ради бога. Я сейчас все сызнова перепишу, тут всего только три листа.

Звонят.

Любецкая. Боже мой, кто-то пришел! Если меня застанут здесь, у холостого мужчины!..

Разгильдяев. Не беспокойтесь: я приказал никого не принимать.

Фекла (за кулисами). Нетутка дома, ей-богу, нету дома!

Экзекутор (тоже). Врешь, дура! Он дома, пусти меня!

Разгильдяев. Ах! это проклятый экзекутор!

Любецкая (тихо). Не пускайте его сюда!

Разгильдяев. Не пушу, ни за что, не пушу.

Экзекутор (за кулисами). Осип, Осипович, отворите, сию минуту отворите, а не то худо будет!

Любецкая. Тс! Не говорите ему ничего.

Экзекутор. Отворите, вам говорят!

Разгильдяев. Меня дома нет! Я ушел в департамент!

Любецкая. Что вы делаете?

Разгильдяев. Ах, проклятый экзекутор! } *Вместе*

Экзекутор. А! Прекрасно, прекрасно! Если же вы мне сию минуту не отопрете, так я дворника кликну! Я двери выломаю. Я человек военный, шутить не люблю.

Любецкая. Нельзя ли мне куда-нибудь спрятаться?

Разгильдяев. Да, да, спрячьтесь, пожалуйста,

спрячьтесь. Если он вас здесь застанет, завтра весь департамент узнает! Войдите вот сюда направо, в мою комнату.

Любедкая. Ради бога, выгоните его отсюда поскорее... Боже мой, боже мой! Какое мучение!.. (Уходит направо.)

Разгильдяев. Будьте покойны, сию же минуту... Чтоб он не вошел сюда как-нибудь... (Запирает дверь на ключ и прячет его в жилетку.) Вот этак вернее! (Идет и отворяет средние двери.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и экзекутор.

Экзекутор. Помилуйте, господин Разгильдяев, что вы делаете? На, что это похоже? Что это за насмешки?.. Ведь я не ваш дурак... — в своем ли вы уме! К вам придешь, а вы еще дома не говоритесь; ведь если мне ходить за всяким чиновником, так этак и сам дома не скажешься.

Разгильдяев. Что вам надобно, господин Мелюга? Вы точно с цепи сорвались.

Экзекутор. Нет, вот вас то бы надо на цепь посадить. Как это можно? Как вы смели прислать ко мне такую записку? Если б я ее в подлиннике представил директору, так, знаете ли, что бы вам за это было? Я человек военный; где касается до чести, вы меня извините, я шутить не люблю!

Разгильдяев. Что такое? О какой записке вы говорите?

Экзекутор. О той, которую вы мне прислали со сторожем Фадеевым; вот она... покорно прошу объяснить... «Я вас люблю, обожаю...» Что это такое? Что это такое?

Разгильдяев. Ах, чорт возьми!

Экзекутор. «Один ваш англйский взгляд, и я счастливейший человек в мире». Помилуйте! За кого же вы меня принимаете?

Разгильдяев. Это совсем не к вам: ну, стану ли я вам писать такой вздор. Вот ваша записка, возьмите ее... (Подымает с полу разорванную записку.)

Экзекутор. Что? что? Как вы смеете? Как вы можете?.. Вы забываетесь!.. Я человек военный! Я шутить не люблю! Я понимаю и догадываюсь, к кому вы писали эти нежности: вы с ума сходите от приезжей вдовушки, которая живет в Гороховой, да отложите попечение... вам не видать ее как ушей своих.

Разгильдяев. Да, особливо если вы будете наушничать да сплетничать...

Экзекутор. О, она и без меня никогда бы за вас не вышла. Ну, что у вас за жалованье, что за чин и что вы сами такое: пустой человек — больше ничего!

Разгильдяев. Да уже лучше быть пустым человеком, чем набитым чучелом!

Экзекутор. Ну, да кто бы я ни был, а уж вы из Гороховой вернетесь с носом на Козье болото.

Разгильдяев. Уж не вы ли думаете перебить у меня дорогу?

Экзекутор. А почему ж бы не так? У меня и в голове и в кармане побольше вашего; и собой-то по крайней мере во всем почище вас! Еще вызвались хлопотать о ее тяжбе?.. Уж где вам хлопотать по чужим делам: у вас и в своих-то собственных чорт ногу переломит.

Разгильдяев. Разумеется, где нам тянуться за вами; вы умеете свои дела вести, — умеете показать начальству расход, а приход спрятать в карман.

Экзекутор. Эге!.. Как вы можете говорить такие слова?.. Я это так не оставляю... Я не перенесу этого, все донесу его превосходительству.

Разгильдяев. Да вам только и дела, что доносить да переносить...

Экзекутор. Ого!.. Ну, да об этом после мы поговорим, это дела келейные, а теперь подите-ка разделайтесь за ваши давешние проказы!.. Вы, сударь, срамите весь департамент!.. Что о вас должен подумать его превосходительство?.. Притти к нему ни свет, ни заря и явиться не в своем виде!

Разгильдяев. Что? что? Как, не в своем виде?

Экзекутор. В вицмундире другого министерства! Ведь это криминал!.. Вольнодумство! Явный знак беспорядочной службы!.. Осмелиться разбудить такого неусыпного начальника, потревожить его отдохновение от дневных трудов! Знаете ли вы, что его превосходительство изволили започивать в два часа, а вы уж в восемь часов!.. Страшно, за человека страшно! За то вот теперь подите-ка, разделяйтесь. Он сию минуту приехал в департамент зверь-зверем! Чуть вошел на лестницу, то изволил меня разругать ни за что, ни про что, а это все по вашей милости... Начальника отделения так распек из-за вас, что не приведи господи! Что, говорит, это у вас за беспорядок? Что за народ? Как, говорит, можно терпеть таких сумасбродов? Филипп Филиппович сейчас меня послал за вами и приказал вас доставить живого или мертвого!.. Я человек военный, знаю субординацию... Извольте-ка надеть свой вицмундир, а то вы, чего доброго, в халате затешетесь в присутствии!

Разгильдяев (надевает вицмундир). Проклятый вицмундир. Как это вчера Пучеглазов не разглядел, как сегодня Фекла не досмотрела?.. Послушайте, господин Мелюзга, вы не увидите отсюда?

Экзекутор. Без вас шагу не сделаю, останусь здесь хоть до завтра.

Разгильдяев. Нечего делать... Пойдемте, но только

вы не воображайте, чтоб я вас испугался. Я это делаю по другой причине.

Экзекутор. Мне все равно, только извольте идти со мною.

Разгильдяев. Вы можете пугать ваших сторожей а я вас не боюсь... Я иду с вами потому, что... потому, что Анна Егоровна меня просила...

Экзекутор. Ну да уж там начальство разберет: Анна ли Егоровна или Григорий Сидорович, только извольте идти.

Разгильдяев. Пойдемте, пойдемте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Фекла и Любецкая (спрятанная).

Фекла. Эк, они тут горланили! Ну уж, секатор, какой голосистый! Мой-то как мокрая курица, а он даром что мал, а словно цыарский петух расхотелся!.. Да куда же наша залетная пташка девалась?.. Она, кажется, не выходила отсюда?..

Стук.

Те, те, те, в клетку попалась!

Любецкая (за кулисами). Послушай, послушай!

Фекла. Что прикажете, сударыня?

Любецкая. Отопри скорее...

Фекла. Сейчас, матушка... Да что это она так туго отворяется... Ахти, баюшки, да ведь дверь-то на ключе.

Любецкая. Так отопри скорее.

Фекла. Да чем, матушка? Ключа-то здесь нету.

Любецкая. Боже мой, он меня запер! Посмотри, не выпал ли ключ?..

Фекла. Нету, матушка, нигде не видно; надо быть, что запер... Вот молодец: прежде свадьбы под замком держит!

Любецкая. Отодвинь поскорее задвижки.

Фекла. Да задвижек-то нет, сударыня, задвижки-то внутри.

Любецкая. Так сломай двери!

Фекла. Что прикажете?

Любецкая. Сломай двери, я тебе говорю...

Фекла. Да чем же, сударыня? У меня никакого инструмента нету... Разве сходить за слесарем али кликнуть дворника; так ведь нехорошо: шуму наделаешь, и невесты что подумают! Лучше посидите, матушка; он к обеду воротится, коли что не задержит...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Гуторин (с книгой).

Гуторин. Ну, брат, торопился к тебе сломя голову... Эге! Да его нет здесь. Где же он?

Фекла. Уехал с секутором в департамент.

Гуторин. Уехал! Вот полоумный, а я нарочно для него оставил свои дела... Да что ты там делаешь?

Фекла (вполголоса, махая рукой). Опять набедокурил!

Гуторин. Что такое?

Фекла (вполголоса). Невесту запер.

Гуторин. Что, что? Какая невеста?

Фекла. Секутор пришел; видно ей, сердечной, зазорно стало, хотела спрятаться, а он ее на ключ, да и унес с собою.

Гуторин. Ах, он сумасшедший!

Любецкая. Кто бы вы ни были, сударь, отворите...

Гуторин. Это, верно, его вдовушка, о которой он мне говорил... Извините меня, сударыня, я хоть и не имею чести вас знать, но будьте уверены в моей скромности... Принеси молоток!

Фекла уходит и возвращается с молотком.

Любецкая. Отоприте, отоприте, ради бога!

Гуторин. Что я слышу! Этот голос мне что-то знаком.

Любецкая. Если вы сейчас не отопрете, я упаду в обморок.

Гуторин. Ого, это уж не шутка! Успокойтесь, сударыня, я старый друг Разгильдяева; и поверьте, что не сделаю никакой огласки... Любопытно посмотреть, какая это несчастная попалась. Извольте, сударыня, я очень рад, что пришел во-время и что мог... (Отворяет дверь.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Любецкая.

Гуторин. Что я вижу! Анна Егоровна!

Любецкая. Иван Никанорович! Ах, мне дурно!

Фекла. Вот тебе раз, да она с ним знакома!

Гуторин. Успокойтесь, ради бога, успокойтесь... Придите в себя!..

Фекла. Ну, прогуляет мой голубчик свою голубушку.

Гуторин. Поди, поди... Феклуша, оставь нас, тебе тут нечего делать.

Фекла. Вижу, батюшка, вижу... наше дело сторона. (Уходит.)

Гуторин. Так это была Анна Егоровна!.. Она приходит в себя... Лучше ли вам, Анна Егоровна?

Любецкая. Боже мой!.. Где я? Что было со мною? Что вы обо мне подумаете!

Г у т о р и н. Помилуйте, я очень хорошо знаю моего сумасшедшего приятеля, но никак не могу понять, каким чудом вы здесь у него!

Л ю б е ц к а я. Ах, не говорите мне о нем: он чудовище. Он меня чуть не уморил!

Г у т о р и н. Но мне давеча Разгильдяев говорил, что хлопочет по делу какой-то вдовы... и хоть не называл мне фамилии, но... неужели?..

Л ю б е ц к а я. Да, это я; — он говорил обо мне?

Г у т о р и н. Как, разве вы?..

Л ю б е ц к а я. Вот уже два года, как я лишилась Матвея Петровича.

Г у т о р и н. Возможно ли? Какое счастье!

Л ю б е ц к а я. Как, сударь!

Г у т о р и н. Нет, нет, извините, какое несчастье, хотел я сказать... Боже мой! Я сам теперь не лучше Разгильдяева. Сам себя не помню, совсем растерялся... Он мне говорил, что вы в Петербурге уже два месяца, и мы с вами нигде не встречались. Но в какую несчастную минуту вы могли поручить ему ваше дело?

Л ю б е ц к а я. Это все тетушка виновата: она мне его рекомендовала как честного и знающего человека... Он уверил нас, что наше дело чистое... и посмотрите... *(Показывает ему бумагу, залитую чернилами, которую оставил Разгильдяев на столе.)*

Г у т о р и н. Ну так, так! Я знаю его работу.

Л ю б е ц к а я. Боже мой! Как я несчастна... Я никого не знаю в Петербурге, не знаю — к кому обратиться... Если мы послезавтра не представим апелляцию в Сенат, я проиграю тяжбу.

Г у т о р и н. Вы забываете ваших старых друзей, Анна Егоровна, друзей, которые...

Л ю б е ц к а я. Нет, нет, Иван Никанорович! Я так виновата перед вами! Мне даже совестно глядеть на вас... Но я дорого заплатила за свое легкомыслие.

Г у т о р и н. Все знаю, все слышал... Вы отдали руку человеку, который не стоил вашего мизинца, но бог с ним: о мертвом не надо говорить дурного, а хорошего о нем нечего говорить. Но я... я с ума сходил о вас, почти не спал; в продолжение десяти лет вы ни на минуту не выходили из моей головы, и я дал себе клятву остаться холостым.

Л ю б е ц к а я. Что я слышу, вы еще не женаты?..

Г у т о р и н. Да разве я мог найти подобную вам! Вы — мой идеал; в вас именно все то, что должна иметь женщина, чтобы осчастливить мужчину. Посмотрите, для другой десять лет — полвека, а вы... вы стали еще лучше, роскошнее... Ну кто, глядя на вас, скажет, что вы вдова? Боже мой, я кажется, сам помолодел десятью годами. Помните ли, Анна Егоровна, то блаженное время... когда вы...

Л ю б е ц к а я. Ах! ради бога перестаньте..

Г у т о р и н. Извините, Анна Егоровна, я увлекаюсь прошедшим, мечтаю уже о будущем и забываю о настоящем. Неужели я должен опять расстаться с вами, неужели и этот друг отнимет мои прежние права?

Л ю б е ц к а я. Ах, что вы говорите: я никогда за него не пойду! Это все тетушка...

Г у т о р и н. Как? Так вы его не любите? Я могу надеяться! О, ради бога, передайте мне ваши бумаги, ваши дела... Как бы Разгильдяев ни напутал, я все к завтраму же вам исправляю, все обделаю. Вы молчите... Вы колеблетесь, вы боитесь, что это вас обяжет... Нет, нет! Я ждал десять лет, буду ждать еще столько, если вам угодно, только удостойте меня своей дружбой, своей доверенностью...

Л ю б е ц к а я (*подает бумаги*). Возьмите!

Г у т о р и н (*целует ее руку*). О! я счастливейший человек в мире!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Разгильдяев и Фекла.

Разгильдяев. Где оно? Куда девалось? Фекла! Фекла! Поди сюда, ищи, ищи скорее.

Фекла. Что такое? Что еще искать?

Разгильдяев. Куда ты, дура, положила дело купца Севрюгина, а?.. Где оно?

Фекла. Ах, батюшка, да мое ли это дело?

Разгильдяев. Ты ни за чем не смотришь, ничего не видишь, ничего не знаешь!.. А, мой друг, ты здесь, ты воротился... Очень рад... Боже мой! Кого я вижу: и вы здесь? Вы меня удостаиваете вашим посещением.

Любецкая. Прекрасно... он опять начинает давешнюю сцену.

Разгильдяев. Честь имею рекомендовать вам моего друга... закадычного друга... Как бишь тебя?..

Гуторин. Прошу покорно!.. Он и не думает извиниться перед вами.

Разгильдяев. Извиниться, в чем извиниться?..

Гуторин. Хорош, очень хорош! И он еще говорит, что все помнит.

Разгильдяев. Да что же я забыл?

Гуторин. Что забыл?.. Ах, ты, неключимое создание... Запер-Анну Егоровну и ключ унес с собою...

Разгильдяев (*шарит в кармане*). Я запер?.. Я?.. Что ты!.. Ах, я дурак! Точно, точно, вот он. Извините, пожалуйста. Я вам сейчас отопру. (*Бежит отворять дверь.*)

Гуторин. Ха, ха, ха! Ну, уж это лучше всего; полно, полно, не трудись... Скажи-ка лучше, как ты разделался с директором.

Разгильдяев. Вымыли голову в полном присутствии. Тут еще подвернулся купец Севрюгин, а его дело у меня на дому — и пошла катавасия... Впрочем, вы, ради бога, не беспокойтесь о своем деле: я его кончу, непременно кончу.

Гуторин. Ну, уж тебе тут нечего хлопотать, Анна Егоровна передала мне свои бумаги.

Разгильдяев. Неужели?.. Вот это прекрасно! На эти вещи он собаку съел. Стало быть, вы с ним познакомились?

Гуторин. Да, ровно за десять лет прежде тебя. Это та самая особа, о которой я тебе давеча говорил.

Разгильдяев. Да, да, которую у тебя перебил закадычный друг? Помню... Вы напрасно за него не вышли замуж; ведь он прекрасный человек... Он давеча так горевал о вас... Я вас прошу за него...

Гуторин. Не беспокойся, мой друг, может быть, еще дело сладится...

Разгильдяев. Неужели? Ну, очень рад, очень рад... Однако... постой... чему же я радуюсь? Ведь это значит, что теперь ты у меня ее перебиваешь?

Гуторин. Я тебе говорил, что все закадычные друзья одинаковы.

Разгильдяев. Совершенно справедливо! Ты очень хорошо знаешь человеческое сердце... Что же это такое? Там вымыли голову, здесь отбили невесту; и это все из-за чужого вицмундира. Ну, да бог с вами! Прощайте, мне пора в департамент... *(Бежит вон.)*

Гуторин. Постой, постой!..

Разгильдяев. Что же еще надобно?.. Разве не все кончено?.. Ведь ты о ней будешь теперь хлопотать?

Гуторин. А ты позабыл?..

Разгильдяев. Да, да, спасибо, что напомнил...
(Поэт.)

Кто глупо так, как я, хлопочет,
Так толку тут не быть ни в чем;
Но автор непременно хочет,
Чтоб я похлопотал о нем.
Мне эта просьба — наказание,
Я взялся на беду свою
И прямо в общее собрание
Теперь ее передаю.
Здесь судят коротко и ясно,
Не станут дела волочить,
И апелляции напрасной
Уж некуда переносить.
В моем лице вас автор просит...
О чем... не пужно пояснять...
И если там меня он спросит,
Так что прикажете сказать?

П. ГРИГОРЬЕВ

ДОЧЬ РУССКОГО АКТЕРА

Шутка-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михайло Васильевич Лисичкин, старый актер в отставке.

Верочка, его дочь.

Акакий Назарыч Ушица, отставной прапорщик; влюбленный в Верочку.

Катерина, служанка.

Сцена представляет небогатую комнату. Дверь в середине и дверь в комнату Верочки. Налево со сцены окно.

ЯВЛЕНИЕ I

Лисичкин стоит посредине сцены, с поднятыми вверх руками. Вокруг него на стульях — несколько костюмов, париков, театральной обуви; у ног лежат разные пьесы и афиши.

Лисичкин. О, неблагоприятное отечество, что со мною сделало! Жестокая дирекция! За что самого уморительного актера подкузьмила так ужасно? Я хотел служить вечно, хотел умереть на сцене, и вдруг... объявили, что стар и никуда не гожусь. Вздор, это интриги, зависть... (*Рассматривая вещи.*) О, вы, друзья мои, драгоценные помощники мои, теперь вы осиротели. Вы служили мне верой и правдой. Вот в этом лысом паричке я удивительно играл Си-

ничкина. Чорт знает, как мне аплодировали. (*Берет другой парик.*) А вот в этом — морил со смеху, играя Наумыча в «Жене кавалериста». (*Плачет.*) Ох, лейтесь, лейтесь, слезы сокрушенья. Но нет... нет... я не уступлю. Пусть все погибнет, кроме чести. Выдам дочь замуж, а сам уеду в провинцию собирать лавры и — целковые. Чорт возьми, а я еще приготовил было и дочь для сцены, развил ее природные способности... Конечно, не видать им моей дочери, сегодня же кончу все, приведу жениха, назначу день свадьбы, и прощай Петербург. Прощай навсегда, почтенная публика... (*Плачет.*) Коли я не гожусь, не нравлюсь, ну, бог с вами, веселитесь без меня.

ЯВЛЕНИЕ II

Лисичкин и Верочка, вбегает с письмом.

Верочка. Ах, какая радость, ах, папенька, голубчик, вот письмо! Письмо из Дерпта.

Лисичкин. Ну, чего, чего распрыгалась, как глупый козленок? От кого письмо?

Верочка (*быстро*). От моего двоюродного брата. Он пишет, что скоро будет у нас и сто раз целует меня заочно, и говорит, что больше учиться не намерен, одобряет мою страсть к театру, желает мне успехов, и прочее и прочее. Ах, я вне себя от восхищения!

Лисичкин. Ну, ну, замолола, затарантила.

Верочка (*с живостью*). Ах, да как же, ведь мы с ним лет десять не видались. Он всегда был такой веселый, играл, шалил, дурачился со мной. Бывало, вы в театре играете что-нибудь, а мы возьмем растормошим ваши костюмы, наденем дурацкие парики да и давай тоже представлять какую-нибудь странную трагедию. Ха-ха-ха! Ужас, какие сцены сочиняли. Он подойдет ко мне, выхватит вместо кинжала столовый ножик, да и закричит (*мужским голосом*): «Приди в мои объятья, а не то сей кинжал по-

разит твое сердце». Бррр... (Своим голосом.) Я сейчас так, знаете, и затрепещу... (Трепещет, стоя в трагической позиции.) Вот этак... потом, как будто нехотя, и обниму его и поцелую. И как это у нас всегда выходило натурально, чудо! Лучше, чем, у вас на большой сцене... право. После этого он бросается передо мной на колени... но вдруг мы слышим, что вы приехали из театра, перепугаемся, сбрасываем костюмы, кидаем по углам ваши парики, вытираем лица и садимся смиренхонько, как будто ни в чем не бывало: я — за шитье, а он — за философию... Ха-ха-ха... Смотрим — вы входите пресердитый, топаете ногами, вот так, и начинаете по обыкновению... (Передразнивает отца.) «Чорт бы взял весь этот театр, Верочка. Пьеса шлепнулась, и меня опять ошикали. Переводчик кричит, что я перефарсил, осел этакий. Давай ужинать. Это не переводчик, а перевозчик». Ха-ха-ха... Ведь так? Не правда ли?

Лисичкин (любуясь ею, сквозь слезы). Злодейка, как она изучила все мои слабости. (В сторону.) В ней будет прок. Девчонка с неподдельным дарованьем. Увы, и я должен поразить ее сердце неожиданным ударом...

Верочка. Ах, если бы приехал братец Николая! Но что это, папаша? Зачем вы здесь разложили ваши театральные вещи? Что это значит?

Лисичкин (важно, с душевным вздохом). Дочь моя, все кончено. Взгляни на эту бумагу. (Вынув из кармана лист бумаги и качая головой, поет.)

Дитя мое, мой час пробил,
Я ждал, что мне дадут прибавку...
И вдруг неожиданно получил
С печатью чистую отставку. } 2 раза.

Верочка (ужасаясь). Возможно ли?

Лисичкин.

Но не забудется вполне
Мой дар, талант мой исполинский...
И после смерти обо мне
Вздохнет театр Александринский. } 2 раза.

Верочка. Вы в отставке... Да это невероятно! Ах, боже мой! Да вы не соглашайтесь, не слушайте никого.

Лисичкин. Да я и сам хотел было служить, хотел умереть на сцене, да дирекция не позволяет.

Верочка. Да на что же это похоже? А я собиралась было дебютировать в вашем будущем бенефисе, надеялась сама поступить скоро на сцену... это ужасно... это убийственно. *(Топает ногой и плачет.)*

Лисичкин. Утешься, дитя мое. Ты будешь дебютировать в другом роде: из девушки ты скоро сделаешься женой благородного человека. Уж дело решено. Убитый артист на все готов.

Верочка. Как? Что такое?

Лисичкин. Да, да, радуйся. Акакий Назарыч недаром угощал меня обедами: он влюблен в тебя по уши... помещик... Двести душ, человек заслуженный — прапорщик в отставке. Это находка для дочери отставного артиста... Я дал ему слово скорей обвенчать вас и ехать в его деревню. *(Стиснув зубы.)* Вон, вон из этого омота!

Верочка *(с удивлением)*. Ни за что на свете! Как? вы всегда готовили меня к театру, старались всячески развить мое дарование, поселили во мне страсть к благородному искусству... я начала изучать образцовые характеры... и теперь — все это бросить, забыть, выйти замуж за какого-то отставного прапорщика и поселиться в деревне! Боже сохрани... я умру преждевременно...

Лисичкин. Пустое, сударыня. Я теперь так озлоблен своей отставкой, что ни за что не пушу тебя на здешнюю сцену. Злость моя кипит во всех жилах. Сейчас же отправляюсь к твоему жениху; нынче вечером я дал слово представить его тебе, чтоб решить все.

Верочка. Папенька, папенька, ради бога, не торопитесь! Помните, что я ведь не театральная невеста, которую в полчаса можно сосватать и обвенчать, ведь вы же

мой родной отец, а не какой-нибудь водевильный дядюшка... Дайте мне подумать.

Лисичкин. Ты дура, дитя мое. Акакий Назарыч Ущипа будет тебя на руках носить, сделает дворянкой, помещицей, отставной прапорщицей, а ведь ты — дочь артиста, и больше ничего, — как же было не дать слова?

Верочка. Ах, боже мой! Во всем этом виновата ваша отставка. Ах, я несчастная, я умру с печали!

Для чего вы дали слово?
Ах, нельзя ли подождать?
Посмотрите, я готова
Со слезами умолять.
Признаюсь чистосердечно,
Лучше век на сцене жить,
За кулисами быть вечно,
Чем за прапорщиком быть.

Лисичкин. О, да, ведь тебя, я знаю, не переслушаешь... а Акакий Назарыч ждет меня. Прощай... и смотри, будь готова весело встретить нашего благодетеля.

Верочка. Папенька! Голубчик! Послушайте... (Начинает плакать.)

Лисичкин. Что, думаешь сыграть драматическую сцену? Дудки. Я уж все наизусть знаю... я умею заплакать во всякое время. (Кричит.) Эй, Катерина! Катерина! Где ты, Катерина?

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и горничная Катерина.

Катерина. Здесь, Михайло Васильевич. Что вам угодно?

Лисичкин. Спрячь все эти вещи и к восьми часам приготовь самовар, я приведу приятного гостя.

Катерина. Неужели-с? А в театр вы разве нынче не поедете?

Лисичкин (с отчаянием). В театр? Молчи, не заикайся мне о театре, ни ей, ни мне, а не то... я не выдержу... заплачу кровавыми слезами. Верочка, перестань. Ты и в самом деле разрюмилась. Ну, я знаю, что ты любишь театр... что могла бы быть актрисой... но уж если я оставлен, так чего ж тут надеяться?

Катерина. Как? Что? Вы оставлены?

Лисичкин (с бешенством, возвышая голос). Молчи, или нет, говори! Да, да. Отставлен! Убит! Зарезан! Осрамлен! Ограблен! Разорен! Осмеян! Уничтожен! К восьми часам самовар готов! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, кроме Лисичкина.

Катерина. Ах ты, господи! Неужели это все правда?

Верочка. Да, да... и представь себе: с досады теперь хочет выдать меня за своего приятеля, за этого урода Ушицу... Хочет, чтоб я весь век жила в деревне отставной прапорщицей. (Вскакивает со стула.) Ну, хорошо, пусть я не поступлю на сцену, пусть они сделают меня несчастной, но уж зато до свадьбы я постараюсь вполне опротивить моему жениху. Катя, ты будешь моей помощницей. (Продумывает что-то.)

Катерина. О, извольте, сударыня, за вашу честь я кому угодно глаза выцарапаю. (Подходит к окну.) У, ведь я тоже не трусливого десятка... меня и вас батюшка не испугает. (Взглянув в окно.) Ахти, да посмотрите-ка, барышня... ведь это никак сам Акакий Назарыч едет сюда. А Михайло Васильич отправился к нему... вот хорошо!

Верочка. А если он один... тем лучше. Пока папенька не воротился, скажи ему, что я сделалась недо-

рова и заперлась на весь вечер в своей комнате, понимаешь? (Шепчет ей на ухо во время ригурнели следующего номера.)

(Из оперы «Любовный напиток»)

Пускай он присажает
И свадьбу затевает,
Его здесь ожидает
Не свадебный прием.
Лишь стоит постараться,
На хитрости подняться,—
Так мы свое возьмем:
Расстроим свадьбу, а потом
И одурачим, осмеем
Перед отцом.

Да,

Уж мы поставим на своем,
Да и с ума его сведем.
Я изучила с детства
Все хитрости кокетства,
Так и теперь все средства
Должна я предпринять,
Чтоб жениха заставить
Затем все оставить
И многих позабавить...
Прощай. Бегу начать.

Катерина показывает, что поняла ее.

(Убегая, снова шепчет Катерине на ухо.)

ЯВЛЕНИЕ V

Катерина, потом Акакий Назарыч Ушица.

Катерина. Вот мидая-то барышня. Я не знаю, а надо бы, кажется, однажды навсегда самый строгий закон, чтоб ни один старый жених, начиная с сорока лет, вовеки веков не смел свататься за молоденьких; а то, ей-богу, только горе и слезы от этих обветшалых селадонов. Поневолениная дурачит всячески своего сожителя. Просто серд-

це не терпит. То ли дело молоденький голубчик... мигнет только глазком... так уж сейчас его понимаешь.

Ушица (в венгерке).

Здорово, Катюша. Здорово, друзья.
А где же милашка и прелесть моя?
Приятно любовным счастливецem родиться,
Приятно при страсти на милой жениться.
Поедешь венчаться, и все зашипят:
«Ах, что за невеста! Вот чудо! Вот клад!
А кто ж новобрачный? Что он-то за птица?
Да просто — Акакий Назарыч Ушица».

Ну, что, Катя, где мой почтенный, знаменитый Мишель?

Катерина. Да он, кажется, к вам отправился, сударь.

Ушица. А! Так мы разошлись с ним... Жалко. Впрочем, я подожду его у вас. Ах, Катюша, ужасно тороплюсь ознаменовать свою жизнь третьим бракосочетанием. Два первые покойницы как-то не удалась мне, и обе, волею божиею, помре. Не знаю, что теперь третья скажет.

Катерина. Эх, Акакий Назарыч! Сказала бы я вам доброе слово, да боюсь — вы душой назовете...

Ушица. Э. Катюша, так ты не знаешь меня. Говори, что такое? Верно, о моей прелестнейшей Вере Михайловне?

Катерина. Да-с.

Ушица. Говори, Катюша, говори, что она? Здоровали? Верно, радехонька моему предложению? А?

Катерина. Ох, нет, сударь: она больна сделалась от вашего предложения. (Кланяясь низко.) Батюшка Акакий Назарыч! Оставьте ее в покое, не сватайтесь. В пожки поклонюсь.

Ушица. Что ты, что ты, дура этакая! Да знаешь ли ты, как я в нее врезался? Ведь вот как!

Катерина (так же кланяясь). Ох, знаю, Акакий На-

зарыч. Ей-то от этого не легче. Она очень влюблена, я знаю, только не в вас, Акакий Назарыч.

Ушица. Как не в меня? Да в кого же?

Катерина (так же). Ох, в Александринский театр, батюшка. С измалолетства, днем и ночью, только и бредит о том, чтобы быть актрисой.

Ушица. О, эта пустая, вздорная страстишка не может помешать моему счастью. После свадьбы я увезу ее в деревню, окружу ее всевозможными удовольствиями, поручу ей смотреть за моим погребом, за скотным двором, научу ее разводить гусей, цыплят и уток, познакомлю ее со всем, что называется, изящным... и она забудет и театры и все эти глупые, пустые желания.

Катерина. Да и вас тоже. Смотрите, коли вы двух жен схоронили, так уже эта до вас доберется.

Лучше не вяжитесь,
Право, откажитесь,
А то ведь она как раз
Успокоит вас.
Ты ведь сам не чаешь,
Что ты затеваешь.
Редкий муженек в очках —
Здесь не в дураках.

Ушица. Пожалуйста, не беспокойся обо мне, я уж пожил на свете. Поди-ка лучше, скажи Вере Михайловне, что я здесь... поди.

Катерина (в сторону). Как бы мне не забыть, что она мне наказывала... (Ему.) Да, подите. Она в слезах, бедняжка, и заперлась в своей комнате; к ней приходила давеча какая-то старая цыганка-ворожея московская, точно вот бес какой, столько ей наговорила всяких бед от будущего мужа, что барышня теперь, как река льется.

Ушица. А! Так она гадала обо мне? Прекрасно. Верный знак, что она будет моею. Поплачет, да и перестанет. Девичье сердце мягче воску, это я испытал по милости моих двух покойниц.

Катерина (смотря в глубину). У, душегубец! Хорошо же. Что это, кажись, Михайло Васильич возвратился... Ах, да это опять старая колдунья явилась... уйти от греха.

Ушица. А! Вот кстати. Давай ее сюда.

Катерина уходит.

Постой, выведаю все тайны Веры Михайловны. За деньги московская ведьма все разболтает.

ЯВЛЕНИЕ VI

Ушица и Верочка в богатом костюме цыганки.

Верочка.

Господа,
Все сюда,
Я все тайны знаю.
Всем служу,
Ворожу,
Все вам разгадаю.
Женихам-
Молодцам.
Я невест назначу:
Старичков-
Простачков
Сразу одурачу.
Я и зла,
И мила,
Весела, игрива,—
Холодна;
И странна,
И, как чорт, ревнива.
Там и сям
По гостям
Песни распеваю
И с купцов-
Молодцов
Денежки собираю.

(Под мотив пляшет по-цыгански.)

Ушица (про себя). Эге, да это и впрямь московская сатана.

Верочка (изменив голос, говорит отрывисто и грубо). Что глядишь на меня, барин? Здравствуй, барин. Здоров ты? Ага?

Ушица. Как тебя зовут? Откуда ты?

Верочка. Изволь, барин, скажу, подари золотой на платочек...

Ушица. Э! Ничего не видя, уж и подари. Где это тебя так избаловали?

Верочка. Ха. Где? Разумеется, в нашей матке Москве, барин. Там без нас жить никто не может, а здесь не такие господа, барин. А купцы не такой характер имеют: все боятся своих жен и худо живут, не мотают денег.

Ушица. Неужели? Как же тебя зовут-то?

Верочка. Любаша, барин. Любаша. Я первый человек в таборе Ильи Иваныча Соколова. Он сюда приехал с нами деньги заживать. Подари на сережки, барин. (Протягивает руку.)

Ушица (в сторону). Постой. Попробую, умеет ли она угадывать. (Вынув из бумажника ассигнацию.) Ну, Любаша, загадай-ка мне, скоро ли возвратится моя жена из вояжа и здорова ли она? Вот тебе на платочек.

Верочка. Ха. Изволь, барин... давай руку от сердца... Чен-ча-алаба-мимши... (Поглядывая на его руку, смотрит потом ему в глаза и немного погодя грозит пальцем.) У! Ага! Ты, барин, плут.

Ушица. Что? Что такое?

Верочка (смотря на руку). Да, большой плут. Тут нет никакой у тебя жены. Право. Да совсем, барин, нет и не может быть у тебя жены.

Ушица. Как не может быть? Врешь, Любаша. С чего ты это взяла?

Верочка (продолжая вертеть руку). Не знаю... у

тебя тут что-то такое... и странное, барин... Давай мне правую руку...

Ушица. Ну, на, на. Смотри только в оба и не обманывай.

Верочка (смотря его правую руку). Э-ге-ге. Какой ты странный, барин. У тебя уж были две жены, ты обеих уморил, барин, ай-ай-ай!

Ушица. Как уморил? Что ты врешь, колдунья?

Верочка. Право. Вот тут одна женушка лежит... вот тут другая... смотри... а вот скоро и тебе дорога в холодную могилу.

Ушица (поплеывая на свою руку, вытирает, отходя от нее). Ах ты, проклятая, что ты мне за глупости пророчишь? Ну, где ты тут нашла глубокую могилу? Неужели я поверю твоим бредням?

Верочка. Гм. А вот ты будешь скоро умирать, барин, так поверишь Любаше.

Ушица (громко). Перестань перестань! Скажи лучше, о чем гадала Вера Михайловна? Верочка, жених у тебя...

Верочка. Да, да, о женихе.

Ушица. А сказала ли она тебе, что ее жених...

Верочка. Нет, барин, да сама угадала.

Ушица. Угадала? Что же? Кто он? Что за человек?

Верочка. Гм. (Махнув рукой.) Никуда не годится. Старый, нехороший, совсем не годится.

Ушица. Что? Что?

Верочка. Если он захочет жениться на ней — пропал барин. (Опять машет рукой.) Она его сделает совсем дураком. (Вполголоса.) Она любит другого, барин. Молодого. Страшно любит.

Ушица. Неужели?

Верочка. Да, да... а этот старый перед свадьбой за неделю... тоже умрет.

Ушица. Что за чорт, все умрет да умрет. Ну, а если он останется жив?

Верочка (так же ему с таинственностью). Не останется, барин. Право, умрет. Этот молодой; которого она любит, очень часто к ней пишет и божился, что убьет старика досмерти. У них есть, барин, какая-то тайна.

Ушица. Тыфу ты, дьявольщина! (В сторону.) Как же Мишель уверял меня... Впрочем, она такая бойкая, глядит так подозрительно... что, пожалуй... (Ей.) Ну, московская пройдоха, если твое колдовство хоть немножко похоже на правду... то, чорт возьми...

Верочка. Ага, вся Москва знает, что я всегда гадаю правду, чен-ча-алаба-мимши.

(Повторяет цыганскую песню.)

Господа,
Все сюда,
Я все тайны знаю... и т. д.

(Приплясывая, уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Ушица один, смотрит на свои ладони. Потом Катерина.

Ушица. Проклятая колдунья! Где она тут нашла глубокую могилу? Ну, просто врет бессовестным манером, чорт возьми, неужели до такой степени можно напрактиковаться? Не знаю, что подумать. Мишель ручался мне за скромность своей дочери, уверял, что сердце ее свободно, а теперь я слышу... Да и Катерина на что-то намекает... упраскивает... Постой, дай только ему приехать. (Увидя входящую Катерину.) А! Да вот Катерина... Поди-ка сюда, поди... Что? Мишель еще не приехал?

Катерина (входит со свечой, оглядываясь). Да не видать еще... (В сторону.) То есть, глядя на него, так

смех и разбирает. Хи-хи. (Ему.) И барышня к вам также не выходила?

Ушица. Нет, и не показывалась.

Катерина. Неужто и не показывалась? (В сторону.) Ой, ой, не выдержу! (Ему.) Ну, Акакий Назарыч, а о чем вы толковали с колдуньей? Я, чай, она напророчила вам всякого счастья с три короба?

Ушица. Э, вот как... Послушай, Катерина, ты знаешь, что я люблю Веру Михайловну и должен скоро жениться, но прежде хочу знать все ваши секреты: во-первых, отчего она прячется от меня, во-вторых, что значат твои давешние намеки? Уж не дурачите ли вы меня? Правда ли, что твоя барышня влюблена в кого-то?

Катерина. Как, сударь, а уж разве вы все узнали?

Ушица. Все не все... а слышал-таки довольно.

Катерина (машет руками, со страхом). Ну, так лучше и не спрашивайте, а то нам беда будет. (Хочет уйти.)

Ушица (останавливая ее). Стой, стой, плутовская душа! Ты должна мне все сказать.

Катерина (с робостью). Не смею, ваше благородие, вот-те бог не смею.

Ушица. А! Не смеешь! Так, значит, тебе все известно? Признавайся сейчас! Говори все, а не то...

Катерина (подбоченясь). А что не то? Не хотите ли застрашать, да и выведать всю подноготную? Нет, ваше благородие, уж коли наша сестра заупрямится, так хоть ты тресни, — ничего не возьмешь.

Ушица. Пустяки. Все скажешь, все шашни откроешь, дай только возвратиться Михайлу Васильичу.

Катерина. Вот нашли, как пугать! Да мы уж давно его за нос водим. Я ведь не крепостная, а вольная, как хочу — так и живу.

Ушица. Какова разбойница!

За кулисами слышен голос русской песни.

Катерина. Это что! Ахти! Никак это наш посланный? Беда, как проболтается.

Ушица (*услышав ее слова*). Какой посланный? Что это здесь за дьявольщина?

Катерина. Это кульер моей барыни, он тоже не смеет ничего открыть... (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Ушица и Верочка в костюме молодого деревенского парня: красная рубаха, короткий синий армячок и шляпа.

Верочка (*поет и говорит, подражая мужскому голосу*).

Ах ты, молодость разудалая,
Ах ты, жизнь моя горемычная,
Губит молодца девка красная,
Режет с ног долой чарка лишняя,
Из ума нейдет эта парочка.
Днем мерещится, ночью видится...
Полюби ж меня, душа-девица,
Оживи меня, свет мой чарочка!

(*Пляшет русскую под мотив этой песни.*)

Ушица. Что это за сорванец? Он здесь как будто у себя дома. (*Ей.*) Эй, ты, хват! Кто ты такой?

Верочка (*простодушно*). Ас?

Ушица. Кто ты и зачем сюда зашел?

Верочка (*громко*). Ас? Кто я? Филимон, ваше превосходительство. (*Кланяясь в пояс.*) А для че зашел сюда? По своему делу, ваше благородие. (*Осматривает комнату.*)

Ушица. Да кого тебе здесь надо?

Верочка. Ас? Кого надо-то? (*Отвесив поклон.*) Не вас, барин.

Ушица. Но кто тебя прислал сюда?

Верочка. Ас? Кто прислал? Ишь ты, больно любопытен. Дашь на чай, так скажу.

Ушица. Изволь, изволь, только смотри не скрывай ничего, мне надо знать.

Верочка (хочет взять деньги и останавливается). Гм. А что это у тя? Пятиалтынный? Ишь ты, барин. Больно лаком. Так я и сказал. Да, держи карман. Нет, барышня Вера Михайловна больно жалует за службу. Что хошь, говорит, возьми, Филимонушка, только, говорит, молчи да помалкивай, чтоб тятенька не узнал. Во как у нас дела-то делают!

Ушица (про себя). Прошу покорно. Да тут, в самом деле, что-то недоброе... (Ей.) Но ведь я не тятенька, мне сказать все можно, я с ней дружен и тебя не выдам. Ты от кого к ней пришел?

Верочка. Ас? Не выдашь? Полно, так ли? Смотри, барин, не то мне беда будет. (Оглядываясь, говорит с таинственностью.) Я к ней принес грамотку.

Ушица. Неужели?

Верочка. Вот те бог.

Ушица. От кого же, от кого?

Верочка (посмотрев на него). Э! От кого! Известно дело, от кого. (Осмотревшись кругом, говорит вполголоса.) От него.

Ушица. А! Понимаю. А я было думал, что...

Верочка. Что от другого? Нет, опять-таки от него.

Ушица (про себя). Ах, чорт возьми. Вот не ожидал... (Ей.) Так Михайло-то Васильич не знает ничего об этом?

Верочка. Эво! Да кто бы смел ему сказать? Барышня-то давно собирается открыть ему все, да дело-то такое страшное, барин, что у нее смелости нехватает, а теперь, как друг-то ее сердечный проведал, что на ней хочет жениться какой-то негодящий старичишка, то вот и пишет ей слезную грамотку.

Ушица. Вот что! А где он живет?

Верочка. Да там, у нас там... на Козьем Болоте.

Ушица. Но кто же он такой? Я, кажется, не видал его здесь...

Верочка. Э! Да и не увидишь. А важный барин, почище, поглаже эвтофа старичонка... ахвицер.

Ушица. Офицер?

Верочка (таинственно). Да еще какой! С аполетами.

Ушица. Вот...

Верочка. Да мало того, еще и при шпаге. А какой храбрый! На эвтих днях побожился поймать старичонку-жениха и заколоть навеки веков. Во как! А на ночь в отчаянности написал только ей грамотку и просил меня хоть через здешнюю Катерину доставить Вере-то Михайловне. (Отходя.) Эй, где ты, Катюша? Слышь ты, Катюшка?

Ушица. Да где ж у тебя письмо-то? Покажи-ка.

Верочка (вынув из шляпы пестрый платок, вытаскивает письмо из угла). А во, во. Ишь, куды скоропил... ишь ты... небось... Всегда в исправности доставки. Што твоя почта. (Показывает записку.)

Ушица. Так дай же, я сам отдам Вере Михайловне, пока еще Михайло Васильевич не приехал... давай скорей!

Верочка (оглядываясь). Ну, на, пожалуй, коли так. Да еще скажи ей: что, мол, там больно нездорово, дескать. Слышь? Мол, друг ее там-то... уж она знает, где. А? Понимаешь?

Ушица. Хорошо, хорошо, ступай с богом.

Верочка (кланяясь). Ну, так прощай, барин. Всякого те благополучия навеки иерушимо... (Идет и возвращается, протягивая руку.) А што ж обещал на чаек-то, ас?

Ушица. На, на. Только убирайся, пока отец не при-
схал. (Дает ей деньги.)

Верочка (смотря на деньги). Вот уважил. Спасибо.
Пойду в ресторацию.

ЯВЛЕНИЕ XI

Ушица (один, держа письмо). А! Так вот какова
Вера-то Михайловна! Да хорош и батюшка! До сих пор
не мог поймать дочку, не умел догадаться, старый олух...
а еще называет себя опытным, умным актером. Письмо
не запечатано... стало быть, я, как жених, могу его про-
честь. Что? Что тут за тайна? (Читает вслух.) «Милый
друг, я узнал, что за тебя сватается какой-то урод...»
(Говорит.) Что? Что? Про кого же это? (Читает.)
«...Но разве ты не знаешь, что мы хоть и тайно, но уже
обвенчаны с тобою давно...» (Говорит.) Что? Что?
Возможно ли? Как, она, моя невеста, и тихонько от от-
ца... (Читает.) «...Можешь ли ты забыть, расторгнуть
этот союз? Вспомни только, что мой милый малютка...»
(Говорит.) Батюшки-светы, что это, чорт возьми?! Да
она уж и мать семейства! Эге, а я, дурак, влюбился, за-
думал свататься. Ну, так теперь понимаю, почему она от
меня все прячется. Признаюсь, есть за что поблагода-
рить почтенного артиста, одолжил за дружбу. Этакой
ведь бессмысленный слепец! А? Да вот и объявился.
Постой же...

ЯВЛЕНИЕ X

Ушица и Лисичкин, почти вбегает.

Лисичкин. А, да ты уж здесь, милый Акакий На-
зарыч! А я все ждал тебя на твоей квартире. Здрав-
ствуй, благодетель мой, мой будущий зять, приди в мои
отцовские объятия...

Ушица (смотря на него и качая головой). Ах ты, Велизарий, Велизарий...

Лисичкин (подбоченясь). А что, неужели я похож? Не может быть! Разве по фигуре смахиваю немножко... я, впрочем, гляжу на тебя и на всех в оба.

Ушица. Да, да. Хорошо ты глядишь. Много видишь.

Лисичкин. Да уж побольше вашего. До сих пор не знал еще никаких очков.

Ушица. Это и видно. Да зато теперь уж тебе никакие очки не помогут.

Лисичкин. Как так? А! Понимаю. Ты, верно, узнал о моей отставке? Да, чорт возьми! Как обухом по лбу. (Плачет.) Хорошо, вспомнишь ты меня, Александрина сцена... Но полно плакать, займемся счастьем моей дочери. Она теперь — одно мое утешенье. Не правда ли, Акакий Назарыч?

Ушица. Да, славное утешенье. Ах ты, отставной колпак! Где у тебя голова-то? А?

Лисичкин. Голова? Как где? Протри свои очки, так увидишь.

Ушица. Да, увидишь. Пустое место. Помилуй, что ты за отец, когда до сей поры не мог узнать своего де-тища?

Лисичкин. Друг, постой, постой, что ты завираешься?

Ушица. А ты что делаешь? Помилуй, ты меня сватзешь в то время, как меня со стороны угощают этакими посланьицами! На, прочти-ка, полюбуйся... (Отдает ему записку.) Можно ли мне жениться? А?

Лисичкин. Что, что это за история? У меня в глазах зарябило... (Читает.) «Милый друг... разве ты не знаешь, мы, хоть и тайно, но уж обвенчаны с тобою давно...» (Говорит.) А-а-а... и это к тебе пишут? (Чи-

тает.) «...Можешь ли ты забыть, расторгнуть этот союз? Вспомни только, что мой милый малютка...» (Говорит.) Как так, у тебя уж есть и малютка? Ого! Вот ты, благодетель, какое чудовище, а я, я хотел отдать мою Верочку. Не ожидал!

Ушица. Что ты! Что ты!

Лисичкин. Ведь ты просто варвар, нужды нет, хоть и обладаешь каким-то малюткой,— совратить с пути истинного и мое дитя... Ах ты, Дон-Жуан в зеленых очках!

Ушица. Да сумасшедший ты этакой. Неужели ты ничего не понял?

Лисичкин. Дон-Жуан. Ей-богу, Дон-Жуан.

Ушица. Прошу покорно. Да выслушай меня прежде, мокрая ты курица!

Лисичкин. Ай да Акакий Назарыч!

Ушица. Фу, чорт возьми!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Верочка, - в своем виде, потом Катерина.

Верочка (Ушице). Добрый Акакий Назарыч, я все в той комнате слышала и теперь прошу вас об одном: если вы истинно благородный человек, то, верно, не захотите погубить меня. Ради бога! Вы знаете, что я теперь не могу быть вашей женой, не обвиняйте меня.

Лисичкин. Напротив, мы должны обвинять его: вообрази себе, ведь он...

Ушица. Сударыня, ваш батюшка хочет меня с ума свести.

Лисичкин. Прошу покорно. С больной головы да сворачивает на здоровую.

Верочка. Папенька, позвольте, мне все известно. Мы понимаем лучше друг друга... Не так ли, сударь?

(Из оперы «Лючия»)

Если вы добры душою,
То примите мой совет:
Будьте счастливы с другою,
А со мной... вам счастья нет.
Вашей я любви не знаю,
Если ж быть любимой мне...

(Публике.)

Так от вас лишь я желаю
Заслужить любовь вполне.

Ушица (подумав, подходит к Лисичкину). Ну, Михайло Васильич, если я остаюсь в дураках от нее, да зато уж и тебе она приготовила сюрприз на славу. Прощай. Поеду в деревню служить панихиду по покойникам. (Уходит.)

Лисичкин. Да что ж это такое?

Верочка (прыгая). Избавилась! Слава богу! Ах, папаша, как я счастлива!

Лисичкин. Да кто же кого дурачит?

Катерина (с письмом). Прощай, Акакий Назарыч! Барышня, вот вам письмо театральной дирекции.

Верочка. Как? Возможно ли? Давай, давай, давай скорей! (Распечатывает письмо.)

Лисичкин. Письмо из театра. К моей дочери. От кого? А, верно вспомнили и хотят отобрать у меня все роли. Нет, жизнь мою отдам скорее, а ролей моих ни одной не уступаю. В гроб велю их положить вместе с бренными останками и на том свете буду распевать куплеты.

Верочка (вне себя от радости). Принята! Я принята на службу! Папаша! Я тихонько от вас подавала просьбу, и вот мне дают дебют и обещают хорошее жалованье. (Отдает ему письмо.) Радуйтесь.

Лисичкин. Как! Что? Ты будешь на сцене? О, так моя фамилия не умрет на этой синевато-серой театральной афишке... Какое счастье!

Катерина. Ну, вот, слава богу!

Лисичкин. Но в чем же ты будешь дебютировать? Надо отличиться. Сыграй, по-моему, в четырех или пяти пьесах, а в заключение отхватай какое-нибудь знаменитое па-де-де вдвоем.

Верочка. Извольте, извольте.

Лисичкин. Знаешь, вот это, которое ты со мной танцевала на моих именинах. Ну, давай-ка сделаем домашнюю репетицию.

Верочка. О, с удовольствием!

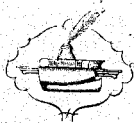
Лисичкин. Катерина, убирай сцену! (Подходит.) Господа, прошу покорно не смеяться, а не то я сконфужусь... Да уж, кстати, и автора за шутку нашу не браните.

Музыка.

Лисичкин и Верочка танцуют.

К концу занавес падает.

К О Н Е Ц

П. ФЕДОРОВ

АЗ`И ФЕРТ

Шутка-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Андреевич Мордашов.

Марфа Семеновна — его жена.

Любушка — его дочь от первого брака.

Август Карлович Фиш.

Антон Николаевич Фадеев.

Акулина — кухарка Мордашова.

Действие происходит в С.-Петербурге, в квартире Мордашова. Простая, но опрятно убранная комната; дверь в середине и две по бокам; направо, на первом плане, окно с занавесками.

ЯВЛЕНИЕ I

Марфа Семеновна, Любушка. Марфа Семеновна сидит налево; Любушка стоит подле нее.

Марфа Семеновна. Кто ж это был, Любушка? Я что-то забыла.

Любушка. Ах, маменька, как вы это не понимаете? Два месяца тому назад вы видели его у Олонкиных.

Марфа Семеновна (*припоминая*). Два месяца назад... Когда же это?

Любушка. Да на именинах у Сонюшки... Мы еще в этот вечер танцевали до пяти часов... Помните, еще был музыкант от Бертова моста?

Марфа Семеновна. Вспомнила, вспомнила!.. Только вот физиономию-то его не могу припомнить... Да какой он этак на вид, Любушка?..

Любушка. Этакой, не то что высокий, не то среднего роста; так между блондином и брюнетом... Очень, очень недурен собой... Я удивляюсь, как вы не вспомните!.. Он танцевал со мной первый кадрили, потом пятый кадрили, потом танцевал седьмой кадрили да два раза польку-трамблян. Да польку-мазурку... Да вальсировал раза три...

Марфа Семеновна. Так он тебе очень понравился?

Любушка. Ах, чрезвычайно, маменька!.. Да еще бы не понравиться... Он такой милый, такой умный. Право, маменька, редко найдешь нынче такого молодого человека.

Марфа Семеновна. Ну, и ты ему понравилась?

Любушка. Разумеется, понравилась... А то зачем бы ему было искать случаев беспрестанно со мною встачаться... Ведь недаром же он переехал против наших окошек.

Марфа Семеновна. Да, да... уж, конечно, недаром... И, должно быть, он человек аккуратный, не бедный... Из окна видно, что у него так все хорошо убоано.

Любушка. Как же, маменька! Пунцовые полумериносовые занавесы повешены.

Марфа Семеновна. А зачем же это, Любушка, у него портреты выставлены на окне?

Любушка. Ах, маменька, ведь я говорила вам, что он живописец... Он рисует какие угодно портреты... Да свежих того еще учит рисовать во многих пансионах.

Марфа Семеновна. Так он и учитель?

Любушка. Как же, маменька, учитель! И превосходный учитель... Представьте себе: третьего дня, как я была у Сопочки Олонкиной, он тоже является туда. Мы

проговорили целый вечер... И вдруг он мне говорит: знаете ли, говорит, Любовь Ивановна, ведь я нарисовал на память ваш портрет... Я и пристала к нему: покажите, покажите. Нет, говорит, он еще не совсем отделан, да я иначе и не покажу его вам, как в вашем доме! Я и сказала ему: ну, познакомьтесь с папенькой... Он и дал слово, как только кончит портрет, так тотчас же явится к папеньке.

Марфа Семеновна. Ах, Любушка, а что скажет Иван Андреевич! Ведь отец твой такой взбалмошный, что и отродясь не видывала... Как заберет что в голову, так обухом не вышибешь... Иной час все у него хорошо, а иной, как невпопад, так просто беда.

Любушка. Ну, уж он сказал, что будет, то будет!.. Да и помилуйте, маменька, как не принять в дом такого человека... Я чувствую, что только с ним могу быть счастлива... Уж этакой жених не чета Алексею Петровичу Фурсикову, за которого совсем было выдал меня папенька.

Марфа Семеновна. Ну, да и слава богу, что эта свадьба расстроилась... Алексей Петрович мне нисколько не нравился. Ведь это только твоему отцу могла притти в голову такая блажь... Выдать тебя за пятидесятилетнего воода. С ума сошел!.. Видишь ли, говорит, богат!

Любушка. Мне не нужно богатства: мне нужно сердце, пламенная душа.

Вы сами по себе судите:
Ведь, если вы вступили в брак,
Так, верно, по любви. Скажите?

Марфа Семеновна.

Уж и сама не знаю как.

Любушка.

Ужли ж так сердце ваше мало
Любовью было занято?
Но что ж в замужестве вас пленяло?

Марфа Семеновна.

Уж и сама не знаю что!

Любушка. Нет, маменька, я хочу выйти замуж по любви... Не иначе, как по любви.

Марфа Семеновна. Разумеется... Уж кроме Фурсикова и женихов не стало на свете. Слава богу, у тебя-таки было их на порядке... Ты у меня такая умница, такая красавица, что не останешься в девушках, особливо с твоим приданым... Подожди только.

Любушка. Подожди! А между тем время уходит... Ведь уж мне восемнадцать лет... Вот Соничка Морозова моложе меня полугодом, а успела замуж прежде меня.

Марфа Семеновна. Ну, и ты выйдешь!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Мордашов.

Мордашов (в халате входит при последних словах из дверей с правой стороны). Разумеется, выйдешь... наилучшим образом выйдешь... Да еще бы не выйти!.. Еще бы Любе не выйти... Этакое богатое приданое!.. Все белье из голландского полотна... из настоящего голландского... Посуда фаянсовая на двадцать четыре персоны; то есть положительно на двадцать четыре... Серебра двадцать три фунта!.. слишком двадцать три фунта, а ведь все восемьдесят четвертой пробы!.. Только терпение, терпение, терпение! Я уж тебе выберу, выберу! Вот какого выберу!

Любушка. Ну, уж выберете! Опять такого, пожалуй, как этот Фурсиков.

Мордашов. Ты глупа! Очень глупа!.. Толку не знаешь в женихах... Вовсе толку не знаешь!

Марфа Семеновна. Ну, уж ты-то знаешь толк... Вот и кроме Фурсикова ведь сколько было женихов у Любушки, а все не по тебе.

Мордашов. Дрянь! Чистая дрянь!.. Да и не по ее приданому.

Марфа Семеновна. А Павел Николаевич? А Петр Антоныч? Разве это дрянь?

Мордашов. Ты филя, Марфа Семеновна, наицистейшая филя.

Марфа Семеновна. Иван Андреич, помилуй, что у тебя за выражения?

Мордашов. Да как же тебя назвать иначе, когда ты сама не понимаешь, что говоришь! Уж если я кому отказал, так, стало быть, имею резон... наиположительный резон... Дайте только срок, я найду Любе жениха... Найду самого наичудеснейшего жениха!

Любушка. Да, когда еще это будет, как все станете браковать.

Мордашов. Люба! Ты пустомеля! Бесстыдная пустомеля! Если б я был девушкой, у меня язык бы не повернулся сказать это отцу!.. Ну, право бы, не повернулся.

Марфа Семеновна. Бог знает, что ты-то говоришь, Иван Андреич! Ведь Любушке обидно... Вон Соничка Морозова чуть ли не годом моложе ее, а на прошлой неделе вышла замуж.

Мордашов. Как же я этого не знал?

Любушка. Как не знали, папенька? От них и билет был, да вы не хотели и взглянуть... Еще рассердились, как я стала проситься на свадьбу.

Мордашов. Еще бы ехать! Тут ведь сколько расходов. И не перечесть, сколько расходов!.. И платье новое, и перчатки, и карета... Безделица, карета!

Любушка. А говорят, какая веселая свадьба была... Пятеро музыкантов играли!

Мордашов. Да за кого вышла-то она?

Марфа Семеновна. Человек, говорят, прекрасный.

Любушка. Какой-то Фролов.

Мордашов (вскрикнув). Фролов?.. Как его зовут?.. Как по имени зовут?

Любушка. Позвольте, вот тут билет. (Берет со стола билет.) Александр Петрович.

Мордашов (с криком). Александр Фролов!

Марфа Семеновна. Разве ты его знаешь?

Мордашов. Не знаю... решительно не знаю... Но ведь надобно же быть такому несчастью. Такому наипужасному несчастью!

Любушка. Какое ж тут несчастье, папенька?

Мордашов. А такое, что этот Александр Фролов должен был жениться на тебе. То есть наположительным образом должен был жениться на тебе...

Любушка (с удивлением). Это отчего?

Марфа Семеновна. Вот еще новости!..

Мордашов. Вы обе глупы. Наичистейшим образом глупы. Ну, отчего вы мне прежде о нем ничего не сказали?

Марфа Семеновна. Да разве мы его знали?

Любушка. Да если б и знали, что ж бы за польза была?

Мордашов. А такая польза, что не Соничка твоя, а ты сама была б его женой. Уж во что бы то ни стало, а уж ты была бы его женой!

Любушка. А если б он мне не понравился?

Мордашов. Ну, это еще буки! Мы бы посмотрели, как бы он тебе не понравился... Александр Фролов! Боже мой, и я упустил такого жениха, упустил такого наивыгоднейшего жениха!

Марфа Семеновна. Воля твоя! Ты в уме рехнулся. Тебя понять нельзя.

Мордашов (ходя по комнате). Александр Фролов! Только бы мне этого и нужно... Хоть бы он овдовел! Хоть бы овдовел скорее.

Любушка. Ах, папенька, что это вы говорите!.. Соничка — моя подруга. Она так счастлива...

Мордашов. А, мне что за дело!.. Мне какое дело. Мне нужен Александр Фролов.

Марфа Семеновна. Как будто уж на свете других женихов не стало. Да захоти только, так у Любушки завтра же будет жених.

Любушка. Да, папенька, только бы вы захотели.

Мордашов. Не ваше дело! Решительно не ваше дело!.. Оставьте уж это на мое попечение... Я вам уж сделаю сюрприз... Подите-ка распорядитесь, чтоб у нас был сегодня порядочный обед... то есть этакой настоящий обед.

Марфа Семеновна. Это еще для чего?

Мордашов. Ни слова, ни полслова!.. Слушайте, что вам говорят... Ну, марш! (Выпроваживает их в дверь налево.)

ЯВЛЕНИЕ III

Мордашов (один, ходя по комнате и размышляя). Александр Фролов! Аз и ферт! Этого бы только мне и нужно... Прозевал! Нечего делать, прозевал. А жаль! Очень жаль. Необычайно жаль!.. Надо опять искать моих вензелей... А все этот Алексей Фурсиков втянул меня в хлопоты... Представьте только себе. Был у меня приятель... Человек богатый, то есть положительным образом богатый... и холостой... На вид решительно холостой... Ударили мы с ним по рукам... сговорил я за него Любу. Ну, наирешительно сговорил... Жена и дочь у меня было и руками, и ногами, да ведь у меня расправа коротка: молчать! (Грозит пальцем.) Молчать, ни слова.

Я так хочу! И все пошло, как по маслу. Ну, совершенно как по маслу. Угораздило же меня пустить ему пыль в глаза... Ну, знаете, этак из самолюбия и ему, и всем захотелось пустить пыль в глаза... Пстой же, думаю, пусть дивятся! Дочь одна, так дам же я ей приданое... Вот какое дам приданое. У меня ведь, знаете, приколпено кой-что... Я ведь себе на уме... Был случай, хороший случай... не упустил, понакопил-таки... наиположительным образом понакопил... Я ведь только представлялся таким... Право, только что представлялся... а ведь я себе на уме. Вот я и давай делать белье из голландского полотна. Из настоящего голландского!.. Давай покупать фарфоровую да фаянсовую посуду. Да ведь все английскую посуду!.. Давай заказывать серебро, и ведь этакое, знаете, серебро а-ля-рококо... И ложки, и вилки, и ножи, и чайники, и молочники... Ну, словом, всего двадцать три фунта выделал, слишком двадцать три фунта а-ля-рококо восемьдесят четвертой пробы... Но это бы все еще ничего... а пыль-то я хотел пустить в глаза вот чем... На всем на том велел я вышить и вырезать вензеля: «Аз и Ферт», то есть Алексей Фурсиков. У всех, мол, больших господ делают вензеля, так и у нас будет сделано... И сделал, право, сделал. А он, жених-то мой, Алешка-то Фурсиков, почти пред самым днем свадьбы приходит и чуть не воеет... Просто чуть наинижайшим образом не воеет. Виноват, говорит, что хочешь делай, говорит, не могу жениться на твоей дочке, говорит. Я так и обомлел... Что ты шутишь, что ли, говорю?.. Нет, говорит, не шучу... На меня, говорит, хочет подать просьбу экономка. Ну, понимаете, экономка... ребята... Что было делать? Разругал его, выгнал вон. Наипозорнейшим образом выгнал вон, а приданое вот и осталось на шее с вензелями. Что ж ему пропадать, что ли? Продавать за бесценок, что ли? Стирать с серебра, что ли, вензеля?.. Нет, я не так глуп. Я давай искать жениха Любе с таким именем и фа-

милней, чтоб подходил под мой вензель... Ведь умно? Правда, ведь очень умно?.. Недавно представился было мне случай, наичуднейший случай, да прозевал. Пошел я прогуляться в Екатерингоф... Сел на скамеечку у озера... Вижу, сидит подле меня этакой франтик и курит сигарку... Я и вступил в разговор... Досадно, говорю, не взял сигарок... а чудно бы здесь покурить на вольном воздухе... Да не угодно ли, говорит, и подал мне сигарку. Подал самую настоящую сигарку... Знаете, это было мне так приятно... Ну, понимаете, вежливость! Такая деликатная вежливость. Я и спрашиваю: позвольте узнать имя, отчество и фамилию... Что ж бы вы думали, он мне сказал?.. Антон Николаевич Фадеев. Меня как обухом по голове, то есть наиположительным образом, как обухом. Да ведь ни с чего другого, а от радости. Аз и ферт. Проето в глазах потемнело, решительно потемнело... Стой, говорю, тебя-то мне и надо. Глядь, а уж его и след простыл! Бежит за какими-то сорванцами. Я за ним, он от меня, только и видел. Сколько ни искал, часа четыре искал... не нашел... нигде не нашел. Сколько потом о нем ни узнавал, ничего не узнал, решительно ничего не узнал. Так уж было досадно, что и сказать нельзя!.. А ведь какой жених-то был! Какой наипревосходный жених! Антон Фадеев! Ну, словом, мой вензель, ну совершенно мой вензель... Несчастье, наижесточайшее несчастье! Однако ж сегодня у меня есть надежда на одного человека... Я жду его с часу на час... Признаться, стоило мне денег... Стоило порядочных денег заманить его сюда!..

Слышен звонок.

Звонят... Не он ли? Ах, как сердце замерло... Фу, как замерло! Идут! (Увидя входящего Фиша.) Так и есть!.. Незнакомый мужчина! Решительно незнакомый.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мордашов, Фиш. Фиш одет весьма неважно.

Фиш. Извините-с...

Мордашов. Что вам угодно?

Фиш. Не с Иваном ли Андреевичем имею-с честь говорить?

Мордашов. С ним. А вам что от меня нужно?

Фиш. Одной минуты-с терпения-с...

Мордашов (в сторону). Кажется, глуп! Очень глуп!

Фиш. Я имею-с к вам дело-с, очень важное-с дело-с...

Мордашов (в сторону). И физиономия глупая... Наиположительным образом глупая. (Вслух.) Какое же дело?

Фиш. Я узнал-с, что вы изволили перекупить-с вексель-с.

Мордашов (со вниманием). Что? Что?

Фиш. Вексель-с в полтораста рублей серебром, которому сегодня срок-с...

Мордашов. Так, стало быть, вы?

Фиш. Точно так-с! Эти деньги занял я с...
дан мною-с.

Мордашов. Так, стало быть, вы?

Фиш. Август Карлыч Фиш.

Мордашов (в сторону). Август Фиш. Аз и ферг. Теперь ты не уйдешь от меня. (Замыкает среднюю дверь.)

Фиш (в сторону, робко). Замыкает дверь! Уж не хочет ли он принять какие-нибудь насильственные меры?

Мордашов. Садись, Август.

Фиш. Покорнейше-с благодарю-с... (В сторону.) Что это у него так и вертятся глаза!.. Меня начинает пробирать лихорадка... (Вслух.) Покорнейше благодарю-с.

Мордашов. Садись же!.. (Сажает его насильно на стул.) Садись, говорят!

Оба садятся.

Фиш (в сторону). Какой странный характер! (Вслух.) Вам, быть может, неизвестно-с, что меня вынудило сделать-с этот долг-с?.. (В сторону.) Надо его как-нибудь разжалобить.

Мордашов. Ведь ты, кажется, купец?.. Кажется, Вильмандstrandский купец?

Фиш. Точно так-с... имею-с сигарочный и папиросный магазин-с.

Мордашов. Ну, так, стало, занял на какую-нибудь спекуляцию?.. То есть на этакую какую-нибудь спекуляцию, то есть аферу?

Фиш. Именно-с... вы изволили угадать-с... Для заведения сигарочной и папиросной фабрики-с... Да, к несчастью-с, мне попался-с такой компаньон-с...

Мордашов. Который тебя надул? Наичистейшим образом надул?

Фиш. Да-с, именно надул-с!

Для пользы я товарища взял в долю
И волю дал ему в моих делах;
А он уж взял такую в деньгах волю,
Что вдруг меня оставил на бобах!
Дела мои так сделали круты,
Что уж к займам пришлось мне прибегать...

Мордашов.

Ну, словом, ты так делал, как банкроты:
Ты занимал, чтоб денег не отдать.

Фиш. Ах, как можно-с!

Мордашов. Ну, разумеется... а все-таки жаль мне тебя, братец, наичувствительнее жаль.

Фиш (в сторону). По-всему видно, что человек не церемонный и предобрый... а странный характер. (Вслух.)

Между тем-с вот наступил срок векселя-с... и так как я узнал-с, что вексель-с мой у вас...

Мордашов. У меня! Вернейшим образом у меня... И вот уж последний месяц прошел... Не так ли, ведь последний месяц, Андрей Карлыч?

Фиш. Август-с.

Мордашов. Какой август... у нас теперь май!

Фиш. Нет-с... я говорю, что меня зовут-с Августом-с...

Мордашов. Ну, Андрей ли, Август ли — все равно: тот же аз... Ну, а ты не можешь мне заплатить, то есть самым наирешительным образом не можешь?

Фиш. Ах, никак не могу-с!.. Обстоятельства-с... компаньон-с... торговля-с... столько папиросных фабрик-с...

Мордашов. Вздор! Все чистейший вздор.

Фиш. Нет-с, клянусь честью-с... не вздор-с... Я говорю истинную правду-с...

Мордашов. Не в том дело, братец... Я говорю, что полтора-ста-то серебром вздор... дрянь! Наичистейшая дрянь... Отвечай-ка мне, брат Андрей...

Фиш. Август-с.

Мордашов. Да бишь, Август... Ты из немцев, что ли?

Фиш. Папенька был немец-с, а маменька русская-с.

Мордашов. А фамилия твоя Фиш? То есть по-настоящему образом Фиш?

Фиш. Фиш.

Мордашов (в сторону). Аз и ферт. Вот они... в руках. (Вслух). Скажи-ка, женат ты или нет?

Фиш (в сторону). Разжалоблю уж его вконец... Кажется, он такой чувствительный... (Вдыхая.) Ах!..

Мордашов. Что ты вздыхаешь? Отчего так вздыхаешь?

Фиш (жалобно). Иван Андреич-с, сжальтесь над несчастною женою-с.

Мордашов (озадаченный). Что? У тебя есть жена?

Ф и ш. Ах, есть-с!.. И я единственная ее подпора.

Мордашов (вскочив со стула). Меня обокрали! Наибесчестным образом обокрали.

Ф и ш (так же). Иван Андреич-с... сжальтесь над несчастным мужем и отцом-с... Отсрочьте вексель-с... и мой пятеро малюток будут благословлять-с ваше имя-с...

Мордашов. Пятеро малюток!.. Жена и пятеро малюток!

Ф и ш. Да-с, а скоро будет и шестой-с.

Мордашов (отставляя с сердцем от него стул). Пошел вон! Сию минуту пошел вон!

Ф и ш. Помилуйте-с... Иван Андреич! Что я сделал-с?

Мордашов. Вон!.. Или постой... Нет, я лучше тебя упрячу в тюрьму... Посидишь ты у меня и посидишь!..

Ф и ш. Иван Андреич... Не губите-с.

Мордашов. Ты обманщик... Хуже. Банкрот!.. Хуже! Муж... Хуже! Отец пятерых детей, а скоро и шестого...

Ф и ш (в сторону). Какой странный характер! (Вслух.) Помилуйте-с, да неужели ж вам этого-с мало-с?

Мордашов. Еще мало! Слышите? Этого мало? Я покупаю его вексель, так вот, с ветра... Совершенную дрянь покупаю, а не вексель... Принимаю в дом, ласкаю, то есть как приятеля ласкаю... Сажаю рядом с собой... Думаю, что он один себе, наиположительным образом один себе, холостяк... А у него жена... пятеро детей, да скоро и шестой будет.

Ф и ш. Как, так вы-с за это только изволили рассердиться-с?.. Успокойтесь же, Иван Андреич-с... я соврал... Я не женат-с... У меня нет-с детей-с.

Мордашов. Что? Может ли быть?.. Да нет, брат, вздор... наичистейший вздор.

Ф и ш. Клянусь честью-с... я никогда не был-с женат-с.

Я для того-с это сказал-с, чтоб вас разжалобить-с... Извольте у кого угодно-с справиться.

Мордашов. Так кто ж тебе велел лгать?.. Сам же и виноват, что я тебя обругал... Возьми же стул... сядем, потолкуем, то есть откровенным образом потолкуем.

Фиш (в сторону). Какой странный характер у этого старишки.

Мордашов. Да садись же! (Сажает его на стул.) Скажи, видел ли ты мою Любу?

Фиш. Как-с, Любу?

Мордашов. То есть знаешь ли ты Любовь Ивановну?

Фиш. Знаю-с!.. Любовь Ивановна-с держит у нас в улице-с кухмистерский-с стол-с.

Мордашов. Какой кухмистерский стол? Кто тебе говорит про кухмистерский стол! Любовь Ивановна — моя дочь.. Понимаешь ли, то есть положительным образом моя единственная законная дочь!

Фиш. Ах, виноват-с. Нет-с, не имею чести знать-с.

Мордашов. Ну, все равно! Решительно все равно! Хочешь ли ты понравиться моей Любе?

Фиш. Как понравиться-с?

Мордашов. Ну, так же, как нравятся девушкам... Выбирай же: жениться на ней... или итти в тюрьму?

Фиш (в сторону). Какой странный характер... Верно, у него дочь урод или чучело.

Мордашов. Ты думаешь, брат, что моя дочь... какая-нибудь дрянь... наичистейшая дрянь... Нет, ошибаешься!.. Ей только восемнадцать лет.

Фиш. Восемнадцать... (В сторону.) Мне кажется, он врет. Недаром он мигает одним глазом.

Мордашов. Моя дочь красавица, то есть наисовершеннейшая красавица... И сверх того, все белье из голландского полотна, из чистейшего голландского полотна... Фарфоровая и фаянсовая посуда, настоящая англий-

ская посуда... и серебра двадцать три фунта, слишком двадцать три фунта, и все восемьдесят четвертой пробы.

Фиш. Прекрасное приданое-с.

Мордашов. А еще чего можно ожидать от меня впереди... Ты не можешь себе представить, чего можно ожидать!.. У!..

Фиш. А... а мой вексель-с?

Мордашов. Что вексель — дрянь! Наичистейшая дрянь! Я его затем только и купил, чтоб заманить тебя к себе.

Фиш. Неужели я имел-с честь так понравиться-с?

Мордашов. Ты думаешь — моей дочери?.. Да она тебя никогда не видела, положительно никогда в глаза не видела.

Фиш. Так, верно-с, я вам-с имел честь понравиться-с?

Мордашов. Мне?.. Нет!.. То есть скажу тебе откровенным образом, что когда ты вошел сюда, так мне с первого взгляда показалось, что ты глуп... и по виду, и по разговору показалось, что ты глуп.

Фиш. Да-с... с первого взгляда-с... а потом-с?

Мордашов. И потом... и теперь я всё еще того же мнения... Но то не беда: ты можешь быть хорошим мужем... Ты должен понравиться моей дочери или в тюрьму... То есть наивернейшим образом в тюрьму.

Фиш (в сторону). Какой странный характер.

Мордашов. Ты, может быть, думаешь, что у моей дочери нет женихов?.. Извини, были, ну, да ускользнули... а благо ты подвернулся, брат, Андрей Карлыч...

Фиш. Август-с.

Мордашов. Все равно: тот же аз.

Фиш (в сторону). Какой странный характер!

Мордашов. Тс... Вот и жена, и дочь... Смотри же..

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Марфа Семеновна, Любушка. Входят с левой стороны.

Мордашов (*идя им навстречу*). Марфа Семеновна! Люба! Рекомендую... Это сын лучшего моего друга, сын старинного моего друга... Андрей Карлыч Фиш.

Фиш. Август...

Мордашов. Оставь!.. (*Вслух.*) Вот, Август Карлыч, моя жена и моя дочь... Понимаешь ли, моя единственная дочь!

Любушка (*тихо матери*). Какой урод!

Марфа Семеновна (*то же дочери*). Откуда он выкопал этого немчурку?

Фиш (*в сторону*). Да она прехорошенькая! Право, хоть куда.

Мордашов (*жене и дочери*). Я думаю, вы не раз слышали его фамилию, весьма известную в коммерции фамилию; он фабрикант... наизамечательный фабрикант.

Марфа Семеновна. Фабрикант?

Мордашов. И капиталист. Набогатеиший капиталист. Миллионер!

Фиш (*дергая его*). Иван Андреич-с... вы уж чересчур-с.

Мордашов. Оставь меня... Человек, известнейший на бирже... Человек с наилучшей репутацией на бирже!

Марфа Семеновна. Очень приятно познакомиться... Прошу покорно садиться...

Любушка (*тихо матери*). Маменька, что вам за охота просить его еще садиться?

Мордашов. Андрей... то есть Август Карлыч только что приехал в Петербург из Лондона... Там у него разные спекуляции, набогатеишие спекуляции... Да, Август Карлыч, ты ведь у нас сегодня обедаешь? Ну, разу-

меется, у нас обедаешь... Он у нас сегодня обедает... Слышишь, Марфа Семеновна... обедает! Извини, Август Карлыч, что они одеты по-домашнему. Ну, знаешь, не ожидали такого гостя, такого наимприятнейшего гостя!..

Фиш. Ах, помилуйте-с... что за церемонии-с...

Любушка (тихо матери). Преглупейшее лицо.

Марфа Семеновна (так же дочери). Вылитый колбасник.

Мордашов. Однако ж время уходит... Прикажи, Милюта... (Фишу.) Я иногда называю Милютой Марфу Семеновну, то есть жену мою Марфу Семеновну... Она — моя вторая жена... а дочь эта от первой. Прикажи, Милюта, Акульке, чтоб все было готово к трем... Чтоб непременно было готово к трем... (Тихо.) Да вели подать все на новом фаянсовом сервизе... Пушу ему пыль в глаза!

Марфа Семеновна (тихо дочери). Вот еще выдумал... на новом сервизе обедать.

Любушка (так же матери). Какие глупости! Было бы для кого. Папенька говорит — миллионер, а посмотри-те, как он одет!

Мордашов (тихо Фишу). А ты между тем, Август Карлыч, поезжай домой и оденься почище... Есть ли у тебя новый фрак?

Фиш (тихо Мордашову). Два года тому назад был новый-с, но теперь уж поизносился-с.

Мордашов (так же). Это скверно, очень скверно... Ну, пообчисть щеткой как-нибудь.

Фиш (так же). Позвольте-с, я лучше могу сделать-с: я могу-с достать у одного приятеля-с... Будет в самую-с пору.

Мордашов (так же). Ну, марш!.. И не забывай: или Люба, или тюрьма.

Фиш. Сию минуточку-с!.. Только-с потрудитесь отомкнуть дверь-с.

Мордашов. Ах да, я и забыл, что запер. (Отмыкает дверь.)

Фиш. Мое почтение-с! До приятного свиданья-с!
(Раскланивается и поспешно уходит в среднюю дверь.)

Мордашов его провожает.

Любушка (матери). Слава богу!.. Наконец, ушел этот урод.

Марфа Семеновна. Погоди, еще придет сюда обедаться.

Мордашов (подойдя к дочери). Видела? Я спрашиваю тебя, видела?

Любушка. Видела... и мне кажется...

Мордашов. Ни слова! Ни полслова! Ни четверть слова!.. Заметь хорошенько этого человека да оденься самым наишеголеватым образом и старайся у меня ему понравиться?!

Любушка. Папенька, что это значит?

Мордашов. Ни слова! Ни полслова!.. Я знаю, что говорю! Наиположительным образом знаю, что говорю...
Марфа Семеновна, марш со мною!

Марфа Семеновна. Куда?

Мордашов. Нужно! Уж если зову, так, стало нужно! Ну! (Схватывает ее под руку и уводит налево.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Любушка (одна). Это что еще за новости! Оденься как можно лучше и понравься... Уж не жених ли мой этот урод?.. Боже мой! Только этого недоставало. Нет уж, папенька, извините... Я за него не пойду... Что хотите, не пойду... У меня есть жених не этому чета... Ах, Антон Николаевич, что-то он делает, бедняжка?.. (Подходит к окну.) Ах, вот он на улице. Увидел меня, кланяется... Показывает на наши окна... Что это значит? Перебежал

через улицу... Уж не идет ли сюда?... Боже мой, вот не во-время!.. (Отойдя от окна.) Папенька не в духе... Увидит — беда! Что я буду делать?... Надобно предупредить его... (Хочет идти в среднюю дверь и вдруг встречается с Фадеевым). Ах!

ЯВЛЕНИЕ VII

Любушка, Фадеев.

Фадеев. Любовь Ивановна!.. Вы не ожидали?..

Любушка. Уйдите, уйдите скорее!

Фадеев. Что это значит?

Любушка. Ах, если увидит папенька...

Фадеев. Что ж такое? Что ж он может со мною сделать?... Вы сами же мне советовали.

Любушка. Да... только не сегодня.

Фадеев. Отчего же не сегодня?... Ваш портрет готов, и я нарочно воспользовался этим случаем, чтоб показать свою работу и рекомендоваться вашему папеньке. Помилуйте, ведь это даже смешно... я до сих пор еще в глаза его не знаю.

Любушка. Ах, он сегодня не тем занят.

Фадеев. Я его не задержу... мне только рекомендоваться и объясниться... Ах, Любовь Ивановна, право, уж я не в силах более переносить... или вы, или смерть!

Мордашов (за кулисами). Акулька! Акулька!..

Любушка (испугавшись). Папенька!.. Уйдите, уйдите!

Фадеев. Помилуйте, я еще ничего не успел вам сказать о моей любви...

Мордашов. Акулька, сапоги!.. Да где она?..

Любушка. Боже мой, он в кухне!.. Он может с вами встретиться... Не ходите... спрячьтесь здесь... спрячьтесь, ради бога!..

Фадеев. Куда? (Показывает налево.) Туда?..

Любушка. Нет, там маменька. Ах, куда бы?.. Сюда! Вот хоть за занавесы.

Фадеев подбегает к окну, Любушка закрывает его занавесами, которые довольно коротки и оставляют наружу его ноги.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Любушка, Мордашов, Фадеев за занавесками.

Мордашов (входя в среднюю дверь). Куда эта наиглупейшая баба девала мои сапоги? Не видела ли ты, Люба?

Любушка. Нет, папенька, не видела... Я думаю, не в спальной ли?

Мордашов. Нет, там нет... Ну, уж эта Акулька!.. Я... сгоню... Вот целый час в лавочку ходит... Жди ее... А надо итти сию минуту. Куда она их запрятала? (Оглядывается комнату и вдруг замечает из-под занавеса сапоги Фадеева.) Ба! Вот они... угораздило же...

Любушка (испугавшись). Нет, папенька, нет!

Мордашов. Как нет? Разве не видишь?.. Вот оба сапога... (Оборачивается к Любушке.)

В это время Фадеев прячет одну ногу.

Вот угораздило же эту глупую бабу куда поставить!.. (Подходит к занавесам.) Что это? Теперь один сапог... наположительно один сапог! Да куда же другой пропал?.. (Схватывает Фадеева за ногу и вскрикивает.) Караул!

Любушка. Боже мой, что будет!

Мордашов (держит за ногу Фадеева). Люба! Люба! Беги! Пошли скорее дворника за полицией... Вор, наичистейший вор! Караул!..

Любушка. Папенька!

Мордашов. Беги же, говорят. Что ты еще стоишь?..

Или хочешь, чтоб он меня убил, зарезал... (Кричит.)
Караул! Караул!

Фадеев (выглядывая из-за занавеса). Не кричите, ради бога... я не вор... Вы ошиблись!

Мордашов. Так что ж вы тут делаете в моих сапогах?

Любушка. Боже мой!.. У них будет история... беда Побегу, расскажу все маменьке... (Убегает налево.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Мордашов и Фадеев.

Мордашов. Я вас спрашиваю, что вы тут делаете в моих сапогах?.. Да извольте же выйти оттуда... Извольте выйти!

Фадеев (выходя из-за занавеса). Извините, я нечаянно...

Мордашов (изнав его, в радости). Что это? Кого я вижу?..

Фадеев. Сделайте милость, не подумайте...

Мордашов. Он! Наиположительным образом он... Приятель, друг... сюда! Сюда! (Шелчет его.)

Фадеев (в недоумении). Что это значит?.. Точно... мне и самому ваше лицо как будто знакомо... Конечно, я очень хорошо теперь знаю, что вы Иван Андреич Мордашов, но однако ж странно... Я вас никогда не видел... а, судя по лицу, как будто видел.

Мордашов. Шалун! Повеса! Как же не видеть?.. Ведь я уж сколько времени тебя ищу... Ведь мы с тобой приятели, закадычные приятели!

Фадеев. Неужели? (В сторону.) Странно! Он уж и ты мне говорит.

Мордашов. Да как же... вспомни-ка Екатерингоф... Еще ты дал мне сигарку.

Фадеев. Боже мой, теперь я вспомнил!.. Так точно, это вы!

Мордашов. Ну, конечно, я! Ведь этакое ты мне сделал одолжение... наилучшее одолжение!

Фадеев. Помилуйте... стоит ли это... *(В сторону.)* Вот нудак-то!.. Чего ж это Любушка боялась?

Мордашов. Нет, не говори, постой... Ведь твоя фамилия...

Фадеев. Фадеев...

Мордашов. Ну да... Фадеев... Антон... Антон?..

Фадеев. Антон Николаич.

Мордашов *(в радости)*. Так и есть! Антон Николаич Фадеев!.. *(В сторону.)* Аз и ферт! Вот они, вот голубчики, они!..

Фадеев. Как это вы меня не забыли?

Мордашов. Еще бы забыть такого молодца!.. Еще бы забыть такое одолжение... такое наипримечательнейшее одолжение... Нет, брат, такие имена не забываются... Аз и ферт!

Фадеев смотрит на него с удивлением.

Да я тебе отплачу... Ты и не воображаешь, каким благороднейшим образом отплачу!.. Жена!.. Люба!.. сюда! сюда!.. Постой, я тебя познакомлю...

С половины этой сцены Марфа Семеновна и Любушка, стоя за дверьми с левой стороны, подслушивали и заглядывали по временам в щелочку.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Марфа Семеновна, Любушка.

Мордашов. Милюта! Люба!.. Вот он, рекомендую... лучший друг!

Марфа Семеновна. Не беспокойся, мы уж знаем давно Антона Николаича.

Мордашов. Как так?

Любушка. Да, папенька, Антон Николаич наш сосед.

Мордашов. Может ли быть?.. Где ты живешь?..

Фадеев. Против вас.

Мордашов. Давно ли?

Любушка. Уж больше трех недель.

Мордашов. Больше трех недель!.. А я его ищу по всему городу! И вы ни слова мне не сказали... А если бы вы знали, что за человек этот Антон Николаич!.. Понимаете ли, Антон Фадеев... Если бы вы знали, какое он мне сделал одолжение!..

Фадеев. Пожалуйста, замолчите!.. Ну, что за одолжение?

Марфа Семеновна и Любушка. Какое? Какое?..

Мордашов. Молчу! Молчу! Нет, так ничего... решительно ничего... (Фадееву.) Скажи, пожалуйста, у тебя по контракту нанята квартира?

Фадеев. Нет, не по контракту.

Мордашов. Бесподобно. Переезжай с квартиры! Завтра же переезжай с квартиры!

Любушка. Как, папенька, вы не хотите, чтоб Антон Николаич жил против нас?

Мордашов. Не хочу!.. Я хочу, чтоб он жил с нами... (В сторону.) Отсюда уж он не улизнет от меня.

Фадеев. Как? Вы хотите, чтобы я к вам переехал?

Мордашов. Непременно! Всенепременно!.. Ты будешь у нас жить... Будешь у нас и есть, и пить!.. Я тебе отведу особую комнату... на черный дворик... Отопление и освещение тебе будет готовое... (Марфе Семеновне.)

Ты это всем скажи, чтоб знали
И исполняли мой приказ!
Чтоб и белье ему стирали
И платье чистили у нас.

Марфа Семеновна.

Помилуй, это не годится..

Мордашов. Не спорь, пожалуйста, со мной. (В сторону.)

Пусть здесь до свадьбы поселится,
А женится — с двора долой!

Марфа Семеновна. Но послушай, Иван Андреич.

Мордашов. Ни слова! Я так хочу! Слышишь, я так хочу!

Фадеев (перемигиваясь с Любушкой). Если уж вам так угодно... Извольте, я с удовольствием, согласен.

Любушка (в сторону). Ах, какое счастье!.. Не понимаю, что сделалось с папенькой.

Мордашов. Ну, так нечего и медлить... Переезжай хоть сегодня... а потом... Ах, постой, я и забыл, совершенно забыл... Ты женат?..

Фадеев. Нет.

Мордашов. Превосходно. Положительным образом превосходно! Ну, так вот что... после... если ты понравиться... (Подмигивает, смотря на Любушку.)

Фадеев. Как? Неужели я могу надеяться?..

Мордашов. Понял! Совершенно меня понял!.. Что за голова, что за наудивительнейшая голова! Слушай же, я человек решительный, положительным образом решительный, и если только согласна будет моя Люба...

Любушка. Папенька, я согласна.

Мордашов. Согласна! Милая дочь!.. Послушная дочь!.. Поди я тебя поцелую... то есть родительским образом поцелую. (Целует ее в лоб.) Теперь только за Милую дело.

Марфа Семеновна. Господи! Да стану ли я-то поперечить... Лишь бы Любушка была счастлива.

Мордашов (расчувствовавшись). Добрая мачеха! Наиразумнейшая... Лучше родной... (Со слезами.) Благословил меня господь семьею. Истинно благословил семью.

ею! Счастлив, наиболее положительным образом счастлив!.. (В сторону.) Вот что значит характер: и маменька, и дэчка как по струнке стали ходить. (Услышав, что кто-то вошел в дверь.) Кто там?

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Фиш. Фиш разодетый, во фраке. Заметно, что платье на нем чужое.

Фиш (войдя в среднюю дверь). Это-с я-с...

Мордашов (не смотря на него). Кто ты?

Марфа Семеновна (тихо ему). Это опять давишний немец.

Фиш. Фиш.

Мордашов (в сторону). Фиш... Ах, я совсем о нем забыл. (Вслух Фишу.) А, да ты разоделся на чужой счет.

Марфа Семеновна, Любушка и Фадеев разговаривают особо,

Фиш. Ах, Иван Андреич-с!

Мордашов. Ну, ты можешь теперь разоблачиться. Господи, как ты глуп. Стоит только взглянуть на тебя, так сейчас увидишь, что ты самым положительным образом глуп.

Фиш. Ах, Иван Андреич-с... помилуйте-с... при вашей дочери-с...

Мордашов. Ну, что при дочери! Ей все равно... Взгляни, как она тобой занимается.

Фиш. Но вы забыли-с, что сами-с давеча-с...

Мордашов. Ну, что давеча?

Фиш. Вы изволили мне приказать-с одно что-нибудь-с... или понравиться-с вашей дочери-с... или итти в тюрьму-с.

Мордашов. Ну, ты и пойдешь в тюрьму... То есть положительным образом пойдешь в тюрьму.

Фиш. Нет-с... уж если выбирать-с... так я лучше желаю-с быть вашим зятем-с!

Марфа Семеновна, Любушка, Фадеев. Зятем?

Мордашов. Что? Ты хочешь быть моим зятем? Хочешь быть моим зятем? Ты, нищий, банкрот!.. Человек, которого я в глаза не знаю... то есть положительным образом не знаю.

Марфа Семеновна. Иван Андреич! Помилуй! Ну, можно ли так обращаться с сыном старинного своего друга... С известным фабрикантом.

Мордашов. Какой он сын моего друга! Какой сын фабриканта?! Я его не знаю. Я знаю только, что он Андрей Фиш.

Фиш. Август.

Мордашов. Ну, Андрей, Август... все одно... Пошел вон!.. Слышите, захотел быть моим зятем?.. Да тебе ли, чучеле? Тебе ли, заморской чучеле? (Показывая на Фадеева.) Вот мой зять!.. Гляди, вот мой настоящий зять. Не тебе чета. Он не занимает денег, как ты, а если и занимает, так отдает... то есть наивернейшим образом отдает!

Фиш. Помилуйте-с... да и я отдам-с!.. Только-с потерпите-с..

Мордашов. Не хочу ни минуты терпеть... Вон! Сию минуту вон! Или постой, я тебя упрячу в тюрьму!..

Любушка (матери). Маменька, уйдемте от этой истории!

Марфа Семеновна. Уйдем! Уйдем!

Любушка (Фадееву). Антон Николаич, уговорите папеньку... (Уходит с Марфой Семеновной налево.)

Мордашов (Фишу). Ты еще стоишь?.. Ты не боишься тюрьмы... Ну, так ладно же! Эй, люди! Акулька, беги за полицией! Беги сию минуту за полицией.

Фиш. Нет-с, уж извините, я не дамся-с. (Поспешно уходит в среднюю дверь.)

Мордашов, Фадеев.

Мордашов. Ага! Испугался! Улизнул! Дрянь этакая! Гольш! Да я еще с ним разделаюсь... Да ну его! Поговорим лучше, любезнейший Антон Николаич, о нашем деле, поговорим о нашем семейном деле... Ну, так ты согласен жениться на Любе? То есть, не шутя, согласен жениться на Любе?

Фадеев. Ах, я был бы счастливейший человек в мире... Но позвольте, Иван Андреич, я боюсь, чтоб вы не раздумали, когда узнаете вполне мое положение.

Мордашов. Э, братец, вздор, все наичистейший вздор!

Фадеев. Нет, лучше же теперь объяснить открыто... Я должен вам сказать, что я человек небогатый, но труда не боюсь и надеюсь, что Любовь Ивановна не будет жить со мною в нужде.

Мордашов. Ну 'и бесподобно! Наиположительным образом бесподобно!

Фадеев. Я, Иван Андреич, не более как скромный художник.

Мордашов. Это что такое — «художник»?.. Ведь мало ли есть художеств на свете...

Есть художники в картишках
Просто, что твоя чума;
Есть художники в делишках
Для кармана и ума.

Фадеев.

Но к искусствам святость чувства
Отворяет только дверь...

Мордашов.

Чувства нет, брат, у искусства:
Чувства в деньгах все теперь.

Ну, а какое твое-то «художество»?

Фадеев. Я живописец... Учу рисовать и пишу портреты.

Мордашов. А! Ты пишешь портреты?.. Ну, так ты и нас срисуй... и с меня, и с Марфы Семеновны, и с Любы срисуй... то есть наилучнейшим образом срисуй.

Фадеев. Я уж и то нарисовал один на память... С Любовь Ивановны... И принес вам показать...

Мордашов. Покажи!.. Покажи!..

Фадеев подает ему миниатюрный портрет.

Она!.. Положительным образом она. Мастер! И та же улыбка, то есть самая наизыветельная улыбка.

Фадеев. Вы хотите сказать, очаровательная!

Мордашов. Ну, да не все ли равно... очаровательная, язвительная... Положительно все равно!.. Постой, а это что ж тут внизу за вензеля? Аз и фита?

Фадеев. Это начальные буквы моего имени и фамилии.

Мордашов. Как имени и фамилии?.. Ведь ты Антон Фадеев? Аз и ферт... то есть наилучнейшим образом аз и ферт?

Фадеев. Нет... моя фамилия пишется с фиты.

Мордашов. Как с фиты?

Фадеев. Да... и папенька мой и дедушка писали всегда нашу фамилию с фиты... так у меня и в документах, и везде

Мордашов. И в документах... в официальных документах?

Фадеев. Если угодно, я покажу...

Мордашов. Не нужно. Ты обманщик... Ты наихитрейший обманщик... Вон из моего дома!

Фадеев. Что это значит?

Мордашов. Отчего ты мне прежде не сказал, что

ты фита, а не ферт? Отчего мне прежде не сказал, что ты наиглупейшая фита, а не мой умный ферт?

Фадеев. Иван Андреич... я вас не понимаю... выслушайте...

Мордашов. Не хочу ничего слышать! Не видать тебе моей дочери, как своих ушей... Обманщик! Маляр! *(Бросая на пол портрет.)* Вот твой портрет! Он похож так же на мою дочь, как ты на честного человека.

Фадеев *(подымая портрет)*. Послушайте, вы забываетесь...

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же; Фиш входит с робостью в среднюю дверь.

Мордашов *(увидя Фиша)*. Bravo! Брависсимо! Вот кстати вернулся!.. Войди, не бойся... ничего не бойся. *(Фадееву.)* А ты... вот дверь... И чтоб нога твоя не была здесь... То есть положительным образом, чтоб нога твоя не была здесь.

Фадеев. Хорошо-с, но я этого так не оставлю!.. И уж во что бы ни стало, а Любовь Ивановне не быть за этим уродом! *(Уходит в среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV

Мордашов, Фиш.

Мордашов. Как же, так и поглядят на тебя!.. Он тебя назвал уродом. Не обижайся... Ты хоть и действительно урод, то есть положительным образом урод, но все-таки мне нравишься... Только постой... Ведь ты Андрей?

Фиш. Нет-с, Август.

Мордашов. Ну, да... ведь ты Август. Фиш?

Фиш. Точно-с так-с...

Мордашов. То есть ты положительным образом аз и ферт?

Фиш. Нет-с... я Август Фиш.

Мордашов. Знаю... Да ведь ты подписываешься аз и ферт?

Фиш. Нет-с... я подписываюсь Август Фиш.

Мордашов. Фу, как ты глуп!.. Ну, с какой буквы начинается твое имя? Ведь с аза?

Фиш. Да-с.

Мордашов. А фамилия — ведь с ферта?

Фиш. Да-с.

Мордашов. Ну, так и дело с концом.

Фиш. Но если вам угодно, я могу и переменить буквы...

Мордашов. Вздор! Не нужно! Ничего не нужно... Слушай, я передумал... Теперь ты можешь опять нравиться моей дочери... Можешь приобрести ее руку.

Фиш (в сторону). Какой странный характер!.. (Вслух.) Так стало-с, я могу опять надеяться-с...

Мордашов. Очень можешь, положительным образом можешь... Теперь только мне надо посмотреть твой табачный магазин — и дело с концом... Поди же, возьми скорей извозчика.

Фиш. Так стало-с... я теперь могу быть уверен-с, что уж не попаду в тюрьму?..

Мордашов. В какую тюрьму?.. К чорту тюрьму!.. И чтоб тебя успокоить... то есть положительным образом успокоить, вот твой вексель. (Отдает ему вексель.)

Фиш (схватывает бумагу). Ах, мой благодетель-с! Мой второй-с отец!.. (В сторону.) Вот уж странный-то характер...

Мордашов. Ну, поди же за извозчиком... А я сейчас оденусь... мигом оденусь...

Фиш поспешно уходит в среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ XV

Мордашов, Марфа Семеновна и Любушка.

Мордашов. Ну, слава богу! Почти покончил... Ох, дети, дети, сколько с вами хлопот, нанужаснейших хлопот! (Увидя входящих с левой стороны жену и дочь.) Радуйтесь, радуйтесь, все кончено!.. Люба, ты почти невеста! То есть положительным образом почти невеста.

Любушка. Ах, папенька, какие вы добрые.

Марфа Семеновна. Вот уж истинно добрый отец.

Мордашов. Теперь, небось, и добрый, а давеча что говорили? Что вы про меня говорили? Я ведь сказал, что уж выберу жениха, и выбрал... То есть наинастоящего жениха выбрал.

Любушка. Ах, я воображаю, как счастлив теперь Антон Николаич!

Мордашов. Какой Антон?.. Андрей... то есть Август!

Любушка и Марфа Семеновна. Как Август?

Мордашов. Ну, да... я уж Анто~~на~~ по боку... Он не годится... То есть положительным образом не годится.

Любушка. Это отчего?

Мордашов. Я уж это знаю, отчего... Твой жених — Август Карлыч Фиш.

Любушка. Этот урод!.. Нет, воля ваша, я за него не пойду!.. Лучше век останусь в девицах, а уж не пойду.

Мордашов. А вот посмотрим, как ты пойдешь!.. Я этого хочу, слышишь?.. Наистрожайшим образом хочу!

Любушка (со слезами). Боже мой, боже мой, как я несчастна!

Марфа Семеновна. Иван Андреич, я долго молчала, но, воля твоя, это уж ни на что не похоже!.. Это уж просто каприз! Ну, за что ты губишь дочь? Ну, от-

чего не хочешь выдать ее за Антона Николаича? Такой прекрасный человек! Так он нравится Любушке...

Мордашов. Не хочу я мою дочь выдавать за фиту.

Марфа Семеновна. Как за фиту?

Мордашов. Его фамилия начинается не с ферта, а с фиты.

Марфа Семеновна. Ну, так что ж за беда?

Любушка (со слезами). Слышите, какая пустая причина!

Мордашов. Пустая причина... Вы глупы! Положительным образом, обе глупы! А приданое-то? А белье-то? А посуда? А серебро-то?.. Понимаете ли: серебро! Ведь там везде аз и ферт!..

Марфа Семеновна. Так только-то?..

Любушка. Так из-за этого только делать меня несчастной?

Мордашов. А что же мне прикажете, бросить, что ли, все это?.. Делать новое приданое? То есть положительным образом все новое?.. Нет, уж и так денег много пошло.

Марфа Семеновна. Иван Андреич! Прости меня: виновата!

Мордашов. Что? Что еще такое?

Марфа Семеновна. Ведь белье-то все уж я продала.

Мордашов. Как продала?

Марфа Семеновна. Да, продала Соничке Морозовой, что вышла на прошлой неделе за Фролова... Видишь, им вензеля-то пришлось кстати.

Мордашов. Продала, не спросясь меня... Не спросясь-таки решительно меня...

Марфа Семеновна. Да выгодно дали, так я и соблазнилась больше получить, чем самим стоило.

Мордашов. Больше... А где деньги?

Марфа Семеновна. У меня целехоньки... Я от-

ложила их, чтоб купить нового полотна... Вот они хотели и серебро у нас купить, да серебро-то продать уж я побоялась.

Мордашов. А им оно нужно? И теперь нужно?

Любушка. Как же, папенька... Мне еще вчера опять писала Соничка.

Мордашов. И хорошие деньги дадут, то есть положительно хорошие?

Любушка. Как же, папенька, хорошие.

Мордашов. Ну, так можно продать. Признательно сказать, мне и самому этот Фиш не по нутру... Да, вот беда, у нас еще остается фаянсовая и фарфоровая посуда с вензелями.

Любушка. Ну, уж посуда что за важность!..

Марфа Семеновна. Конечно, что за важность!..

В эту минуту слышен стук разбитой посуды.

Мордашов. Это что? Это еще что?

Марфа Семеновна. Что-то разбили.

Мордашов. Это верно опять Акулька напроказила.
(Кричит.) Акулька! Акулька!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Акулина, потом Фадеев.

Акулина (вбегая в среднюю дверь впопыхах и прямо бросаясь в ноги Мордашову). Батюшка! Отец родной, виновата! Не погуби!

Мордашов. Что ты там разбила?.. Что разбила?

Акулина. Ох, уж и сама не знаю что! Кажись, с дюжину тарелок, да миску, да салатник, да подливальник... да еще что-то...

Мордашов. Из какой посуды? Из какой посуды?

Акулина. Ох, уж и сама не знаю, из какой... Барыня дала мне ключ и говорит: достань, говорит, новую посуду...

В это время показывается в дверях Фадеев и, остановясь, подслушивает.

Мордашов. Так ты это перебила мой английский сервиз?

Акулина. Ох, уж не знаю, английкий или какой... Только не весь, видит бог, не весь... А ведь барыня как дала ключ, так еще сказала: «Смотри,— говорит,— осторожнее вынимай...» Вот я и пошла в шкаф и отворила... и все ладно, и думала взять осторожно. Взяла подмышку салатник — и ничего... Положила в него подливальник — тоже ничего. Взяла вот в эту руку миску — и то ничего. Да захотелось за один раз уж и тарелки снести... Как потянула их к себе, да захватила вот этой рукой, уж и сама не знаю, как грех случился... Вся-та дюжина так вот и грянула на пол... А тут, со страха, что ли, и миска, и салатник, и подливальник туда же... Батюшка! Родной! Не погуби.

Мордашов. В рабочий дом тебя! В исправительное заведение!

Акулина. Родимый, не погуби!

Мордашов. На каторгу, то есть положительным образом на каторгу!.. А прежде еще я заставлю тебя за всю посуду заплатить... наитиранским образом заставляю... Все именъишко твое продам.

Акулина (кланяясь). Родимый! Не погуби! (Хнычет.) Ох, я несчастная! Ох, я горемычная!

Мордашов. А посуду бить ничего? То есть наирешительно ничего?

Акулина. Что делать, коли грех такой.

Мордашов. Легко ли... разбить мой английский сервиз с вензелями...

Любушка (в сторону). И слава богу.

Марфа Семеновна. Иван Андреич, ну уж простите ее.

Акулина. Матушка моя, родная!

Мордашов. Молчать, молчать! И слышать не хочу.

Фадеев. Позвольте хоть мне ей помочь.

Мордашов. А, ты опять-таки пришел? (В сторону.) Правду сказать, этот уж куда лучше того... да и человек ремесленный, то есть положительным образом ремесленный!.. Теперь же и вензеля все к чорту.

Фадеев. Я было не хотел итти к вам, но мне слишком дорого счастье Любовь Ивановны... Проезде, однако ж, позвольте мне помочь вашей беде... У меня есть прекрасный фарфоровый сервиз. Он достался мне случайно на аукционе... Позвольте мне им заменить ваш и выкупить грех вашей Акулины.

Акулина. Красавец мой! Касатик! Ясный сокол! Вот уж добрейшая душа.

Мордашов. Благородно! То есть положительным образом благородно. Ну, уж когда так... дари ж твой сервиз невесте.

Фадеев. Иван Андреич!..

Любушка. Папенька! Добрый папенька!

Марфа Семеновна. Вот уж теперь опять и я скажу, что добрый отец.

Мордашов. Ну! Ну! Ни слова больше. (В сторону.) Мне главное, что свадьба-то обойдется без лишних расходов. Ну, да и человек-то, по всему видно, хороший попался. (Акулине.) А тебя бог простит. Только берегись у меня в другой раз.

Акулина. Уж будьте благонадежны... Уж не возьму в другой раз столько посуды,

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же и Фиш.

Фиш (входя в среднюю дверь). Извозчик готов...
Насилу нашел-с...

Марфа Семеновна и Любушка. Опять явился!

Мордашов. Напрасно и искал: мы не поедem.

Фиш. Как так-с? Но ведь вы хотели ехать со мной?

Мордашов. Разве для того, чтобы свезти тебя в тюрьму... То есть наивернейшим образом в тюрьму.

Фиш. Помилуйте, да ведь вы хотели сделать меня своим зятем?

Мордашов. Атанде! Не в свои сани хотел залезть. То есть положительно не в свои сани хотел залезть.

Фиш. Нет, уж это бесчестно, подло.

Мордашов. Это что? Да уж ты иначе начал поговаривать? Ты осмеливаешься мне грубить?.. А тюрьма?

Фиш. Да разве я вам должен?

Мордашов. Батюшки, я ведь ему отдал вексель!..
Поддай вексель!.. Поддай мой вексель!

Фиш. Нет, уж он разодран в мелкие кусочки и плавает теперь в Екатерининском канале.

Мордашов. Злодей, он украл у меня полтораста целковых!..

Фиш убегает.

Постой же, я с тобой сам управлюсь!.. Где он? Убежал, то есть положительно убежал. Плакали мои денежки!.. А все вензеля! Все проклятые вензеля! Все это аз и ферт!.. Конечно! И другу и недругу закажу выделывать на приданом вензеля... то есть положительным образом...

Марфа Семеновна. Полно, пойдем: обед готов.

Мордашов. Постой, Милюта. Мне еще нужно ис-

полнить здесь одно поручение, одно наинужнейшее поручение. (Поет к публике.)

Пьеса наша, как хотите,
Нельзя сказать, чтобы плоха...

Нет, позвольте, извините, это не то... решительно это не то!.. Извольте видеть, в чем дело, в чем дело, в чем самое-то настоящее дело.

Мы посмешить вас всех желали,
В том нашей шутки цель одна!
Но как ее мы разыграли,—
Судить нас публика должна.
Мы все немножко эгоисты;
Так с добротой и в этот раз
Решите, что должны артисты
Ждать за игру свою, от вас!

Разве пропеть уж и другой?.. Нет, совестно себя хвалить, то есть положительным образом совестно хвалить...
Итак:

Решите, что должны артисты
Ждать за игру свою от

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Ф. Каверин</i> — О постановке водевиля (советы режиссеру) . . .	3
<i>В. Соллогуб</i> — Беда от нежного сердца	25
<i>П. Каратыгин</i> — Вицмундир	60
<i>П. Григорьев</i> — Дочь русского актера	96
<i>П. Федоров</i> — Аз и ферт	118

НБ ПУС

6658